

Иван
Падерин
НА КРУТОЯРЕ

Москва
ПРОФИЗДАТ—1976

Иван
Падерин

НА КРУТОЯРЕ

повесть

6-18-83

Иван Падерин

209 не соот

P2
П12

157

№ 57921

кх.

БИОФИОТЕКА

0A

Падерин И. Г.

П 12 На Крутояре. Повесть. М., Профиздат,
1976.

256 с.

Волжский автозавод — одна из самых значительных строек современности — возник в небывало короткий срок, всего за четыре года. Свою новую повесть писатель Иван Падерин посвятил тем, кто создавал этот промышленный гигант. Его герои — Василий Ярцев, Владимир Волкорезов, Рустам Абсолямов, Виктор Кубанец и другие — представляют тех, кто невиданным энтузиазмом, отвагой и творческим отношением к труду преобразует нашу действительность.

Благородный риск, высокая сознательность, товарищество и любовь, широко показанные в произведении, как бы цементируют жизнь рабочего коллектива, делают ее значительной, интересной.

Актуально звучат в повести и многие проблемы управления производством, а также воспитания молодежи и создания новой семьи.

Это второе, дополненное издание книги.

П $\frac{70302-631}{081(02)-76}$ 141-76-

Р2

ИВАН ПАДЕРИН

«На главном направлении» — так называется одна из книг Ивана Падерина, но с большой уверенностью заголовок этот можно предпослать и всему творчеству писателя, ветерана войны, активного гражданина. «В огне Сталинграда», «Комдив бессмертных», «Доверие», «Мои друзья» и другие книги писателя посвящены теме Великой Отечественной войны. Широкую известность в нашей стране и далеко за ее пределами имеет роман «Когда цветут камни» — о последних днях войны, о тех, кто штурмовал Берлин в победном сорок пятом.

Родился Иван Григорьевич Падерин в 1918 году в семье рабочего на одном из приисков Кемеровской области. В пору детства его поколения существовало много «детских» трудовых профессий: подпасок, бороновальщик, помощник конюха по уходу за артельными лошадьми. Обязанности эти выполнялись ребятней с неистовостью убежденных революционеров, переделывающих мир наравне со взрослыми. В неполные двадцать лет Иван Падерин был избран секретарем Купинского райкома комсомола, и, надо полагать, что-то корчагинское было в комсомольском вожаке, если в первые же дни войны весь состав райкома записался добровольцами в сибирский лыжный батальон.

Послужной список Ивана Падерина настолько емок и интересен, что о нем самом можно написать приключенческую книгу: боец лыжного батальона, оборонявшего Москву, защитник Мамаева кургана, участник штурма имперской канцелярии третьего рейха... Четыре боевых ордена и более десяти медалей на груди писателя-фронтовика!

Детальями из боевой биографии Ивана Падерина я хотел лишь подчеркнуть неслучайность того, относительно недавнего факта, что известный писатель и человек уже в годах оказывается в «боевой и кипучей буче» строительства Волжского автомобильного гиганта в Тольятти. Чтобы увидеть в работе героев будущей книги, писатель идет вместе с молодыми энтузиастами на рытье котлованов под цехи, в совершенстве постигает профессию испытателя сходящих с конвейера «Жигулей». Для создания повести «На Крутояре» автору потребовалось целых шесть лет самых тесных контактов со строителями, рабочими и инженерами автозавода на Волге.

Повесть «На Крутояре» написана плотно, удельный вес каждой ее страницы значителен. Внешне это рассказ об изначальном пути молодого рабочего Василия Ярцева, истории его первых жизненных испытаний, оказавшихся не такими уж простыми из-за ершистости его характера, из-за неурядиц на стройке.

Небольшая по объему повесть Ивана Падерина многоохватна по материалу. Она словно выхвачена из горячих будней пятилетки. Читатели встретятся с запоминающимися характерами строителей новых городов. Особым обаянием наделен образ Федора Федоровича, ветерана войны и труда, наставника молодежи. Тонко изображенное, ненавязчивое наставничество его, участие в формировании человеческих душ проявляются в самых неожиданных формах, помогают молодым людям найти свое место в жизни, обрести счастье в коллективном труде.

История возникновения гиганта автомобилестроения на Волге, переданная в панорамном изображении, превращается в показ формирования современного заводского коллектива и

внутреннего мира той единицы из тысяч, имя которой Рабочий Человек. И человек этот среди сонмища современных «умных» механизмов, умеющих, казалось бы, все, остается главной фигурой на производстве, подлинным его хозяином — такова точка зрения автора повести «На Крутояре».

В откровениях молодых рабочих, в их диспутах, в самом облике тех, кому жить и продолжать дело отцов, немало раздумий писателя о том, как достигаются успехи современного многоотраслевого производства, о научно-технической революции, о рациональном использовании инженерных кадров и т. д.

В таком сложном сочетании судеб человеческих и всей стройки, всего огромного трудового коллектива, в общении человека с техникой и представляет нам Иван Падерин современную заводскую среду.

Если говорить о теме рабочего класса наших дней, о лице рабочего человека семидесятых годов, то автор повести «На Крутояре» «ворвался» в эту тему одним из первых и сказал о близких его сердцу людях-созидателях горячее слово.

За повесть «На Крутояре» Ивану Падерину присуждена премия Президиума ВЦСПС и Правления Союза писателей СССР.

Николай Родичев

Глава первая

ФЕДОР ФЕДОРОВИЧ

1

Свистун — северный ветер — напористо раскачивал вершины сосен прибрежного парка. По всему косогору перед Жигулевским морем прокатывалась унылая песня осени. По земле кружилась опавшая листва мелкоколосья. Вздыбится такой столбик из радужных красок листопада, покрутится перед тобой, как привидение, и тут же, оседая, распадается.

Для Федора Федоровича, коменданта молодежного общежития автозаводцев, эта непогодь несла обострение болей в старых ранах. Опять во всех суставах угнездится колючий скрип и дышаться будет с подколом в сердце.

Как много напоминают ему эти скрипы и подколы в сердце... Только сейчас его отчитал инспектор жилищного управления:

— На каком основании перенес телефон из служебной комнаты общежития к своей койке? Кто дал

право запрещать телефонные разговоры по личным вопросам?..

Молодой, видно, весьма преуспевающий инспектор, получив жалобу от какого-то «телефонного висуна», конечно, обязан проявить оперативность и дать свои установки. А ему, этому молодому инспектору, трудно понять, что телефон переносится к койке в часы недомогания, когда нет сил держаться возле стола и некого оставить вместо себя. Отвечать же на авральные звонки — поднять такую-то бригаду или бригадира — кто-то должен... Не станешь объяснять инспектору и другим, что телефонные разговоры по личным вопросам порой затягиваются до бесконечности, и стыдно бывает Федору Федоровичу слушать их — слушать, как знакомятся парни с девушками, назначают свидания, говорят пошлости и глазом не моргнут. У телефонной трубки нет зрачков. «А мы, бывало, в молодости без телефонов влюблялись, не обманывали себя и свою совесть... Фу, опять она, память, потянула не туда».

В последние годы Федор Федорович все чаще стал замечать, что у него не хватает сил одолеть память. Вроде начинаешь думать о сегодняшних событиях, а память снова и снова уносит в прошлое. Пожалуй, и раньше, когда еще и пятидесяти Федору не было, она не очень-то подчинялась ему — ведь ей действительно не откажешь, не прикажешь. Но теперь тягаться с памятью стало просто невозможным. Уносит и уносит туда, к делам тридцатилетней давности, а порой ближе — к трудностям послевоенной поры. Вроде бы отрывает, непослушная, от насущных забот дня, хоть криком проси о помощи, если не хочешь отстать от жизни.

Иногда Федор Федорович пытается убедить себя, что память мешает ему верить в способности нынешних молодых, мешает понять их, а потому ругает свою память на чем свет стоит. Но это не помогает. Наоборот, чем больше он осуждает ее, тем настойчивее и

острее сверлит она мозги, как бы говоря: «Не отвергай меня, потеряешь себя».

А каким сам был в юности? Учился, работал, как все сверстники. В семнадцать лет стал секретарем комсомольской ячейки своего поселка — избрали без подсказки сверху! В начале войны, в дни боев под Москвой, был назначен парторгом, затем комиссаром лыжного батальона. Закончил войну замполитом гвардейского полка.

Щуплый, неторопливый, но всегда готовый, как пулемет на боевом взводе, к самым энергичным действиям, он, казалось, был неуязвим и потому остался жив, хотя ни в одной атаке не плелся в хвосте. Политработнику не положено руководить боем, он ведет людей в бой. Нет, он не был заговорен от пуль и осколков. И свинец, и сталь, и крошево чугуна решетили его, но победил он, человек. И не только победил — выжил! После войны служил в Группе Советских войск в Германии. В шестидесятых годах, когда началось сокращение армии, демобилизовался, ушел в запас первой категории. И вот уже четвертый год работает комендантом молодежного общежития в белокаменном городе, выросшем на берегу Жигулевского моря.

Здесь-то он и обнаружил, что появился у него сильный противник — собственная память. Сильный и норовистый! В прошлом Федор Федорович мог думать и рассказывать о своей жизни с насмешкой, пронически, а ныне это стало выглядеть как смех сквозь слезы и как упрек тем, кто родился в годы мирной жизни: дескать, вот мы какие были, а вы?.. И попробуй найти контакт с молодыми, коли память заставляет снова ощущать на языке горечь пороховой гари и пускать в ход «оптимизм» плясуна на одной ноге. У такой пляски, как у птицы с перебитым крылом, нет взлета радости, одно страдание. Нынешняя молодежь встречает подобные напоминания как попытку встать над

ней, подавить в ней чувство собственного достоинства. Молодость без гордости, как весна без солнца.

Правда, не все молодые люди отрицают заслуги старших поколений, однако многие предпочитают брать на вооружение всхожие зерна науки для дела, для самосовершенства. Эти парни и девчата — дети века атомных реакторов, электроники, освоения космоса — строят заводы, ракетные двигатели, монтируют вычислительные машины, программируют работу станков, и никому из них не откажешь в праве на гордость. Опыт борьбы отцов в пору огненных бурь и горьких неудач — для иных молодых людей — мякина времени, осенний листопад. Пусть это поскорее зарастет быльем. Можно просто вспоминать для контраста с действительностью...

И каждый раз после таких рассуждений Федор Федорович Ковалев спрашивал себя: как отвечать настроению молодых автозаводцев, с которыми приходится жить бок о бок? Встречаться и разговаривать ежедневно — утром, днем, вечером и даже ночью. Такая уж обязанность коменданта общежития. К сожалению, ничто «свежее» на ум не приходило, и опять он сетовал на свою память, порой зачислял себя в разряд дряхлеющих стариков, которые, как известно, забывают к вечеру, что было с ними утром, но хорошо, до мельчайших подробностей помнят события, пережитые в детстве.

А надо ли осуждать свою память?

Федор Федорович готов был остановиться, чтобы передохнуть не столько от усталости и одышки, сколько от суровости вопроса, который возник, как штык перед грудью, — остановись, не наваливайся на него! В самом деле, разве можно отрешаться от самого себя?

Справа виднелся крутой яр подмытого берега, слева — на косогоре в сосновом бору — палатки туристов, прямо — лодочный причал. Со временем на этом месте

будет база отдыха автозаводцев: пляжи, водный стадион, яхтклуб, кафе, лыжная база, санаторий. Федор Федорович мог найти тут и медпункт и койку, чтобы отдохнуть, если бы... Если бы не почувствовал, что кто-то робким шагом преследует его. Приблизится вплотную, затаит дыхание, готовясь сказать какое-то слово, и, не сказав, останавливается. Не хочет говорить на ходу. Ждет момента для начала, по всей вероятности, большого разговора: робость по пустякам не приходит. А вдруг в общезнании что-то стряслось? Обернулся. Преследователь сию же секунду отпрянул, укрылся за комлем сосны. Коричневая куртка, спортивные брюки такого же цвета, на голове — зеленый берет.

Неужто Ирина? Да, она: на плече два ремня — на одном фотоаппарат, на другом отцовский планшет. Дочь знакомого по фронту партработника, бойкая и острая на язык девушка, Ирина Николаева, инструктор мото-клуба, часто выступает в газете с заметками о нарушителях правил дорожного движения, о плохих и хороших водителях. Дружит с ребятами из девятой комнаты, где староста Василий Ярцев. Про Ярцева тоже писала. Хотели лишить парня водительских прав за аварию, а она доказала, что виновата какая-то ротозейка. Ротозейкой, кажется, назвала себя. От отца унаследовала смелость и прямоту. Тот ведь тоже умел даже перед подчиненными признавать свои ошибки. Подниматься бы ему по ступенькам на корпусные и армейские этажи партийного руководства, да война здоровье подрезала, на пенсию раньше срока ушел.

— Иринка! — окликнул девушку Федор Федорович. — Ты с кем это в прятки играешь?

Ирина вышла из-за сосны. Лицо бледное, в глазах тоскливая озабоченность.

— Не хотела отвлекать вас от прогулки. Тут так хорошо думается, — сказала она явно не то, что думала.

— Спасибо, — поблагодирал ее Федор Федорович. — Однако не годится обманывать старших... Ты вроде чем-то встревожена?

— Если б только я одна... Нет, я все равно остановила бы вас на бугре. Там ребята из девятой, они с работы отпросились.

— И меня к ним «в самоволку» тянешь?

— Федор Федорович, — взмолилась Ирина, — ребята просили...

Вот и пойми себя, Федор Ковалев. Тебе казалось, что твоя память мешает найти общий язык с молодыми людьми, что твой жизненный опыт пригоден всего лишь для того, чтобы сказать: «Вот мы как утверждали себя, а вы?», — а тут вдруг парни с работы ушли, чтоб убедить тебя самого, как ты не прав и как ты нужен им в каком-то, вероятно, сложном и трудном деле...

Федор Федорович прибавил шагу в сторону Крутояра.

2

Ирина шла теперь рядом с ним, не нарушая молчания. Они пересекли овраг, поднялись на отлогий бугор, пока еще голый, ничем не защищенный от ветра с моря и от степной пыли Заволжья.

Это и есть Крутояр. Именно здесь вырос за четыре года автоград — город автомобилистов на двести тысяч жителей. Многоэтажные дома, широкие проспекты, скверы. И все это в густом лесу кранов. Когда закладывались фундаменты первых домов, здесь созрела кукуруза совхоза имени Степана Разина. Высокая, в рост человека, початки в наливе рвали на себе рубашки от полноты. Земля будто знала, что последний раз предстоит собрать на этом месте урожай, и расщедрилась. Чуть дальше в степь, где раньше в такую пору желтела стерня и горбились кучи соломы, развернул

свои плечи автомобильный завод-гигант. Стекло, алюминий, белизна керамических плиток на облицовке заводских корпусов! А какие кружева автоматических линий искрятся в цехах: все движется, все вращается. Массовое производство автомобилей. Эх, скинуть бы Федору Федоровичу со своего счета лет тридцать да прийти сюда с былым запасом сил и здоровья: а ну, давайте потягаемся, у кого больше сноровки, ведь наше поколение тоже не чуралось техники...

Федор Федорович даже не заметил, что они с Ириной идут по самой кромке берега. Внизу, под кручей, шумит и пенится вода. Мощные с белыми козырьками волны одна за другой со всего размаха грозно и неотвратно наносят удары, подмывают кручу снизу, чтоб отвоевать себе побольше простора для разбега, и, кажется, предупреждают: «Ух-ходи! Ух-ходи...»

Федор Федорович взял за руку свою спутницу и отвел чуть в сторону от кручи. В самом деле, этот берег еще живой. Он вздрагивает, местами обваливается. Черными стрелами носятся над ним стрижи. Они прилетели сюда из степного оврага с устойчивыми берегами и здесь на «живом» берегу еще не настроили гнезд. Стрижи появляются перед сумерками, когда пресноводное море бьет в штормовой набат, чтобы порезвиться над кручей. Хватать и подсекать добычу в воздухе — радость стрижа, жадной и недоброй в своем крылатом мире птицы. Шторм и обвал берегов — ее праздник.

Стрижи и рев волн насторожили Федора Федоровича, будто предупреждая о неминуемой опасности.

Волны неохватного разлива перегороженной здесь Волги теперь, казалось, все грознее и грознее дыбились перед Крутояром, повторяя одно и то же уже сурово и требовательно: «Ух-ходи! Ух-ходи...».

С тех пор как в Жигулевском створе легла гигантская железобетонная скоба плотины, прошло более

пятнадцати лет, но еще никто не может сказать, что рукотворное море обрело берега и успокоилось. Нет, Волга, кажется, не смирилась, и неизвестно, когда смирится с сотворенными человеком границами разлива. Как она хлесталась после перекрытия! Сначала со стоном и ревом покатила свои воды назад, будто отступила, чтоб с новой силой ударить и снести преграду на своем пути. Не получилось! Затем метнулась в обход скобы по отлогому восточному берегу. Не удалось! Помешало пятикилометровое крыло намывной плотины под каменной кольчугой. Тогда в гневе захлестнула луга, повернула вспять течение малых и больших притоков, подмяла под себя бывшие улицы, переулки старинного торгового города на Волге — стали они ее ложем.

Заполнились водой овраги, отступили от старого русла в голую степь десятки деревень, оставив под волнами неугомной матушки-реки и плодородные пашни, и сенокосные угодья в низинах, а она все не может успокоиться. За эти пятнадцать с лишним лет размахнулась шире некуда, однако продолжает теснить берега. Кажется, до Уральских гор намеревается залить степь, дай только волю. Ненасытная и поровистая, не любит упряжки, вот и мечется, безумная, принося людям вместо добра постоянную тревогу.

Федор Федорович своими глазами видел, как она в прошлый год отмахнула целый клин пашни Борковского совхоза. Это в двадцати километрах выше Крутояра. А нынче там же в самый разгар лета расходилась так, что волны захлестнули не один гектар прибрежной земли вместе с созревающей пшеницей. И здесь бьется в подмытую ее волнами кручу, будто угрожает подрезать на созреве и город, и завод, и весь Крутояр. Вот ведь как бывает: стихия в слепом разгуле и к добру беспощадна.

Федор Федорович ощутил под ногами толчки. На этот раз ему даже показалось, что земля пошла вме-

сте с ним в море. По военной привычке он визирным взглядом через два предмета зафиксировал свое положение: все в порядке, смещения не наблюдается. Однако дальний по визиру предмет оказался живым существом, неожиданно рванулся в сторону и рассыпался на несколько точек. Сию же секунду послышался гул — у-ух! Обвалился самый мыс кручи.

— Сумасшедшие! — крикнула Ирина сдавленным от возмущения голосом.

— Кого это ты так костить?

— Ребят из девятой... Забрались на самый мыс...

«Не хватало еще утопленников», — про себя отметил Федор Федорович.

— В парке он должен быть, — продолжала Ирина. — Вчера вечером его там люди видели.

— Чья это мелкая душа такую смуту наводит?

— Федор Федорович, не мелкая, разве можно так? Он в партию вступал с вашей рекомендацией...

— Постой, постой, Ирина... Объясни толком, что произошло?

— Сейчас, вон ребята идут...

Подошли четверо из девятой комнаты, затем двое из восьмой. Федор Федорович знал их всех. Разные по складу характера ребята, со своими плюсами и минусами, почти все еще не могут отрешиться от мальчишеских выходов — и свистят у подъездов, и окна у них ночью вместо дверей, — но сейчас все задумчивы, будто именно в этот момент каждый повзрослел лет на десять.

— Слушаю вас...

И тут неожиданная весть потрясла его: Василий Ярцев исключен из партии. Случилось это вчера вечером на заседании парткома строительного управления.

За что? И почему строительного управления? Парень уже полгода числится в штате испытательного

цеха завода. Партбилет он не успел получить в связи с отъездом на стажировку в Турин, но партвзносы ежемесячно переводил по почте. Может, это в вину поставили? Но ребята ничего не могли объяснить. Сбивчиво рассказывали, что пришел Василий после заседания парткома в общежитие, как приговоренный, сказал, что его исключили из партии, и, хлопнув дверь, выскочил из комнаты. Всю ночь его не было, утром на работу не вышел...

Федор Федорович знал характер Василия Ярцева, но сейчас решил проверить свое мнение о нем по строгому счету:

— Хлюпикам не место в партии.

Парни обступили его тесным кольцом.

— Зря вы так, Федор Федорович.

— Несправедливость выводит честных людей из равновесия.

— Василий Ярцев не умеет защищаться, он скорее возьмет чужую вину на себя, лишь бы не подумали, что он боится ответственности.

Однако Федор Федорович не отступил перед такими доводами, внешне оставался непреклонным, даже упрекнул друзей Ярцева за ненужный переполох — глупость глупостью не исправляют, — а про себя порадовался: молодцы, не отвернулись от товарища в беде, значит, он тоже верный человек, и нет ошибки в том, что дал ему рекомендацию в партию. Ярцев парень рискованный, и это могло толкнуть его на отчаянный шаг. Не мыслит он своей жизни вне рядов партии. За него надо бороться в любом случае. Хорошо, друзья, вы ждали от меня разумной помощи. Она будет. Верю, если он еще не потерял себя, вы поможете ему справиться с растерянностью, а я помогу ему и вам разобраться в его деле так, как позволяет мне житейский опыт.

57921

Во взгляде секретаря горкома появилась строгость. Она будто утяжелила его лицо после того, как Федор Федорович сказал:

— Парень мечется, и, если мы не разберемся в его деле, надломится он, потеряет веру...

— Не дадим, разберемся, — ответил секретарь горкома, и на лице застыла сосредоточенность. Крутой карниз бровей опустился ниже, синева глаз, напоминая отсвет свежей поковки, потемнела. Видать, горячим был у него минувший день.

Ощувтив пронизывающую колкость этого взгляда на себе, Федор Федорович встал. Пора уходить, пусть секретарь горкома побудет наедине со своими думами. По всему видно, неприятно было ему выслушивать комеданта общежития, рассказывающего о переживаниях какого-то не очень уравновешенного парня, когда мысли заняты сложностями другого масштаба: вон какую махину отгрохали, подходит срок рапортовать правительству о пуске завода на полную мощность, а стыковка отдельных агрегатов, купленных на валюту, кое-где еще не ладится.

— Спасибо за внимание, — сказал Федор Федорович, протягивая руку.

— Пожалуйста, — ответил секретарь горкома и тут же спохватился: — Куда?

— Рабочий день кончился, пора по домам...

— Та-ак, та-ак... Всадил занозу в самый зрачок и ходу... Не узнаю бывшего политработника. Или уже забылось, по какому графику строится его день?

— Нет, не забылось, но мне предписаны в такой час прогулки, дышать чистым воздухом велено, — схитрил Федор Федорович, видя, что секретарь горкома тянется к телефону. Сейчас будет связываться с каким-то крупным начальником, и стоит ли оставаться тут

ненужным свидетелем важных переговоров? Так и есть, говорит с генеральным директором автозавода, называет его по имени и отчеству, спрашивает сухо и требовательно:

— Что у вас случилось вчера вечером?

Тот, вероятно, ответил «ничего», и тогда последовал вопрос с упреком:

— Как ничего?.. А что было на заседании парткома?.. Прошу вместе с секретарем парткома ко мне... Да, да, сейчас...

Федор Федорович хотел было подсказать, что дело Василия Ярцева рассматривалось в парткоме управления строительства, а не в парткоме завода, однако пришлось промолчать, потому что сию же минуту состоялся такой же разговор с начальником управления строительства. И только потом секретарь горкома взглянул на Федора Федоровича:

— Ну, раз предписана прогулка, не смею задерживать. Через часок прошу снова заглянуть ко мне.

Дорожка вела мимо молодых кленов с пожелтевшей листвой и уже голых тополей. На ходу Федор Федорович зябко подергивал плечами. Знобит от волнения: нет в руках веских доказательств в защиту Ярцева, есть только еще недоказанная и потому уязвимая со всех сторон убежденность — сурово, слишком сурово расправились с ним...

В горком приехали генеральный директор и секретарь парткома, чуть позже — начальник управления строительства. Их машины с желтыми подфарниками замерли у подъезда, будто прислушивались — по какому поводу вызвали сюда начальников в такое время, о чем пойдет с ними разговор?

Прошел час. К подъезду подкатила еще одна «Волга». Из нее вышли двое: высокий, стройный Сергей Викторович Шатунов, заместитель секретаря парткома строительного управления, и член парткома инженер

Олег Михайлович Жемчугов, еще сравнительно молодой, рано располневший человек. Вот они-то знают, за что исключили Ярцева из партии...

Федор Федорович вошел в приемную.

— Проходите, вас ждут, — приветливо встретила его секретарь.

В кабинете оказалось значительно больше людей, чем предполагал Федор Федорович: тут были многие сотрудники горкома. Секретарь горкома, окинув взглядом собравшихся, сказал что-то сидящему справа от него генеральному директору. Тот согласно кивнул головой: дескать, ты тут верховодишь, нас отмолотил, теперь берись за этих.

Секретарь горкома и генеральный директор знали друг друга не первый год. Говорили, что во время войны они работали вместе на заводе — один начальником цеха, другой учеником слесаря в том же цехе. Теперь бывший начальник цеха прислушивался к своему бывшему ученику, «слесаренку», который стал секретарем горкома.

Рядом с генеральным директором сидел начальник управления строительства. На его груди поблескивали значок депутата Верховного Совета и золотая медаль «Серп и Молот» — Герой Социалистического Труда. Секретарь горкома обменялся с ним взглядом и, помолчав, сказал:

— Продолжим, товарищи. Послушаем теперь партком строительного управления.

— Заместителя секретаря парткома, — уточнил виноватым голосом начальник управления строительства.

— Ну что ж, товарищ Шатунов, вы готовы?

— Готовы, — четко ответил тот, — со мной еще член парткома Жемчугов. Но мы не знаем, в каком аспекте докладывать, что вас больше интересует?

— Не интересует, а волнует, — поправил Шатунова секретарь горкома. — Вот сейчас генеральный

директор вместе с секретарем парткома, затем начальник управления строительства делились мыслями о практике партийной работы с молодыми коммунистами, а вы, заместитель секретаря парткома, говорят, здорово разбираетесь в марках бетона. С бетона и начинайте, если не поняли, зачем вас сюда пригласили... Дело Ярцева нас интересует. Так, Федор Федорович, или не так?

Шатунов поискал глазами, кого это секретарь горкома назвал по имени и отчеству. Обернувшись, заметил, что рядом с ним поднялся и снова сел комендант молодежного общежития, сказал с нескрываемым раздражением:

— С какой поры стало зазорным для партийного работника заниматься технологией, в том числе и марками бетона?

— С той, — быстро подсек его секретарь горкома, — когда партийные работники начинают подменять собой хозяйственников и специалистов.

— Значит, можно мириться с тем, что специалисты будут продолжать втирать нам очки, а мы... хлопать глазами?

— Вы уже прохлопали: нет сейчас таких инженеров, которых вы можете уличить в неграмотности. Не вводите нас в дебри придуманных сложностей... Мы просим рассказать: за что исключен из партии Василий Ярцев? Где он сейчас, что с ним?

Шатунов недоуменно развел руками, сказал:

— Не знаю. У нас нет няnek, чтобы следить за ним.

Более проникательным оказался Олег Михайлович Жемчугов, который приступил к изложению персонального дела Ярцева. Говорил он спокойно, уравновешенным голосом. В руках у него была папка. Из нее он извлекал лист за листом и, с разрешения присутствующих, зачитывал строчку за строчкой, комментируя их. Отдельные факты и примеры Жемчугов оценивал до-

вольно объективно и, казалось, не сгущал красок. Федор Федорович, слушая его, уже стал сомневаться: может, в самом деле, Ярцеву еще просто рано носить высокое звание коммуниста? Логика суждений докладчика вела именно к этому. Но вот секретарь горкома попросил Жемчугова повторить, в чем конкретно выразились дерзкие выпады Ярцева против установок партии.

— Он, Ярцев, безответственно утверждает... — Жемчугов вынул из папки очередной лист. — Вот запись его выступления на заседании совета по управлению производством. Цитирую: «Зачем обманываем себя, что мы ударники коммунистического труда? Какой же это коммунистический труд, если каждый из нас получает за него больше, чем другие? Гоним количество, не думая о качестве. Запарываем технику ради лишнего червонца в свой карман. Собираемся объявить завод заводом коммунистического труда. Коллективный обман государства...» — Жемчугов выжидающе помолчал, но возгласов возмущения не последовало.

— Дерзкий парень, ничего не скажешь, — иронически заметил секретарь горкома и спросил: — А вы, товарищ Жемчугов, думали о том, как ответить этому молодому коммунисту? Ведь он не согласен с тем, что его называют ударником коммунистического труда.

— Разумеется, думал, — ответил Жемчугов, — но Ярцев, побывав в Турине, привез оттуда вирусы недоверия к нашей действительности. Трудный он человек, тяжело с ним разговаривать, дерзит...

— И вы нашли легкий ход против такой трудности: предложили исключить его из партии?

Поднялся Шатунов. Поднялся быстро, решительно. У него, как видно, был в запасе весомый козырь против Ярцева.

— Вы, очевидно, забыли решение вышестоящих партийных инстанций о борьбе с летунами. Ярцев не

только сам ушел из автоколонны нашего управления, но и увел за собой целую группу шоферов, своих дружок с сомнительной репутацией.

— Нет, не забыл, — ответил секретарь горкома. — А вы не слишком ли поздно спохватились выполнять это решение?.. Не прячьте за этот щит свое неумение работать с молодыми коммунистами.

Федор Федорович понял, что дело Ярцева будет возвращено с партком строительного управления на пересмотр, однако присутствовавший здесь председатель партийной комиссии горкома, пожилой, с большим стажем партийной работы коммунист, взял из рук Жемчугова папку «Персональное дело В. В. Ярцева» и, полистав несколько страниц, сказал:

— Бумаги оформлены обстоятельно. Обвинений много: «дебошир», «скандалист», «аварийщик», «идеологически не выдержан»... А формулировка об исключении довольно странная: «Считать Ярцева В. В. выбывшим из партии согласно Уставу». Исключили по Уставу, не указав параграфа.

— Указывать номера параграфов? Это же формализм! — возмутился Шатунов.

— По-смотрим, — замедленно произнося слог за слогом, отозвался председатель партийной комиссии и заключил: — Прошу поручить партийной комиссии рассмотреть персональное дело Ярцева и результаты доложить на бюро горкома.

Секретарь горкома согласился с ним.

— Подключите к работе по этому делу Федора Федоровича Ковалева.

— Нельзя, не имеем права, — возразил председатель партийной комиссии. — Ковалев давал Ярцеву рекомендацию в партию. Быть может, мы самого Ковалева будем привлекать к ответственности — кого он рекомендовал?..

Прошло немного времени, и в папку «Персональное дело В. В. Ярцева» легла одна тетрадь, затем вторая, третья... В них излагался ответ на вопрос, который волновал Федора Федоровича: кому он дал рекомендацию в партию? Когда партийная комиссия стала докладывать о своих выводах на бюро горкома, в руках председателя было уже девять таких тетрадей...

Глава вторая

ВАСИЛИЙ ЯРЦЕВ

По материалам первой тетради

1

Возле последнего вагона скорого поезда Москва—Куйбышев, остановившегося на станции Сызрань, сгрудились любопытные. Все смотрели на лобастого парня в тесной для него гимнастерке без ремня. Ремень с массивной пряжкой он накручивал вокруг ладони, поглядывая себе под ноги, где валялись похожие на спелые апельсины поджаренные пончики. Чуть поодаль, у подножки вагона, поблескивала ладами разбитая гитара. Пончики собирала девушка в белом колпачке — лотчица вокзального буфета.

— Заступник нашелся... Без тебя справилась бы, — ворчала она на парня в гимнастерке. — Вон их сколько было. Без глаз могли оставить.

— Зря пугаешь, — хмуро ответил царень.

— А что, струной чиркнули бы, а потом ищи-свищи... Ведь напролом шел.

— Глаза-то остались, а срок получит, — уточнил проводник таким тоном, что думалось: теперь все

зависит от него. Он стоял на подножке тамбура, закрыв собой выход из вагона.

— За что? — спросила его лоточница.

— За фулиганство. Стекло разбито, без свидетелей доказуемо. Вот какая каменюка в служебке стекло вынесла. Насмерть мог меня ухлопать. Придись в висок или в темя...

Проводник для пущей убедительности приложил камень к виску.

— Под локоть он того гитариста подтолкнул, камень и влетел к тебе в служебку, — возразила лоточница, еще раз окинув взглядом стоящего перед ней парня.

— Ишь ты, еще защищай. Кому же мне теперь выиск предъявлять?

Проводник и слушать не хотел, что камень, который он показывал как вещественное доказательство, — окно-то разбито! — был нацелен в голову парня.

Подошел сержант милиции.

— В чем дело? — спросил он, обращаясь к проводнику.

— Вот этот фрунт драку затеял с какими-то ребятами.

— Кто свидетель?

— Продавщица с пончиками тут была.

— Я, Сергей, прости... товарищ сержант, разглядеть ничего не успела. Когда он брызнул одному, я запнулась, и пончики рассыпались. Видела, что тех было пятеро. Он еще раз отмахнулся...

— Отмахнулся или брызнул? — милиционер посмотрел на ремень с пряжкой в ладони парня.

— Говорю, отмахнулся, — повторила лоточница и, помолчав, принялась уговаривать сержанта: — Не вставляй меня, Сережа, в свидетели. Некогда мне, я ничего не видела...

Сержант повернулся к парню:

— Ваши документы... Так, значит, по паспорту Ярцев Василий.

— И в натуре, по отцу тоже Ярцев, — ответил парень.

— Пройдемте со мной, — сказал ему сержант. — И ремень отдайте мне.

— Вот еще каменюку возьми, — протянул ему камень проводник. — А манатки его снять?

— Потом, как вагон отцепят.

Ярцев недоуменно посмотрел на лоточницу. Чего она испугалась? Ведь у нее же деньги хотели отнять! Он понял вдруг, что дело могло обернуться весьма круто, если учесть, что вещественных доказательств своей правоты у него не было.

Ребята, с которыми он ехал на строительство автозавода, пытались убедить дежурного по отделению лейтенанта милиции в том, что произошло какое-то недоразумение. Но попытки ни к чему не привели. Проводник вагона приволок в отделение сундук Ярцева, тяжелый, в железных обручах, и сказал, что в нем наверняка свинчатки, чтобы вооружать драчунов на стройке. От такой нелепости друзья заулыбались.

— Сейчас вскроем и опишем при свидетелях, — сказал лейтенант.

Из кабинета начальника отделения вышел мрачный, чем-то взволнованный мужчина лет сорока пяти, в шляпе, на плечах — выцветшая армейская плащ-накидка.

— Вот уполномоченный штаба стройки... — представил его лейтенант. — Булан Буланых, хотите посмотреть, какие гостинцы везут вам на стройку в сундуках?

— За тем и пришел, — ответил Булан Буланович.

Еще в ЦК комсомола ребятам сказали, что вагон будет встречать в Сызрани некий Булан Буланович —

расторопный, добрый и внимательный человек. Однако сейчас он взглянул на Ярцева так хмуро и озабоченно, что никто не посмел представиться ему, как было велено.

Открыли сундук. Ярцев кивнул проводнику, дескать, смотрите, какие тут «свинчатки для вооружения драчунов». Все удивленно переглянулись, увидев в сундуке, разделенном на две равные части березовой плашкой, аккуратно сложенные инструменты разного назначения. На плашке было множество отверстий, выемок и кармашков для отверток, шурупов, болтиков различных калибров, пластинок столярного клея, флакончиков с лаком и палитурой, каких-то замысловатых сверл и державок к ним с блестящими головками. На крышке ящика гнездились не менее интересные и, вероятно, очень нужные инструменты столяра-краснодеревщика.

Рубанки, полотна ножовок с фигурными ручками для них, дюжина стамесок и долот, лобзик, коловорот, молотки трех калибров, хомутики, рулетка — в одной половине ящика. В другой теснились торцовые, рожковые и накидные ключи, отвертки, развертки, дрель, паяльник, сверла по металлу, приспособление для газовой резки и сварки металла, аптечка автомобилиста, набор шпателей и золотников — все, что необходимо шоферу для ремонта машины.

До окончания десятилетки Василий Ярцев собирался стать столяром. Понимать красоту изделий из древесины учил его отец, известный в Гатчине краснодеревщик, который вместе с другими мастерами восстанавливал и обновлял убранство Павловского дворца, изувеченного гитлеровцами в дни блокады Ленинграда. Сын во всем помогал отцу и теперь, после его смерти, как богатое наследство, хранил отцовский инструмент.

Но с годами у Василия появилась и вторая любовь — автомобиль. За год до призыва в армию Ярцев по предписанию военкомата окончил курсы шоферов и

восемь месяцев работал на грузовой «летучке» ремонтной автобазы. Регулировка клапанов, замена деталей подвески, рихтовка помятых крыльев — все, вплоть до переборки двигателей, поручал ему механик «летучки». Поэтому сразу же после прибытия в батальон обслуживания главного штаба его, как шофера, умеющего ремонтировать машины, зачислили в отделение ремонтников. Сундук с отцовскими инструментами, которые он взял с собой, стал пополняться оснасткой автомобилиста:

Родственники из Гатчины будто почували, что Василий изменяет ремеслу отца, и все чаще и чаще слали письма. Мать писала, что ей трудно жить в доме без сына: отцовский комод рассохся — подкрепить бы его в шпунтах надобно; с деньгами перебой случается, а соседи ищут мебельщиков за любую плату; в Гатчине открывается новая столярная мастерская, там ждут потомственного краснодеревщика, уже приходили несколько раз, спрашивали, когда вернется из армии сын...

Сестра тоже писала о новой мастерской, о реставрационных работах в Павловском дворце. Она знала толк в этом деле: окончила школу художников-реставраторов по дереву. И в конце каждого письма как бы между делом сообщала, что ее подруга — девушка из соседнего поселка, умница, мастерица-вышивальщица, будто давным-давно знает столяра Василия Ярцева...

Служба подходила к концу. Василий раздумывал — вернуться ли к столярному делу или остаться автомобилистом? Но тут стало известно, что строительство автомобильного завода на Крутояре объявляется ударной комсомольской стройкой, и с колебаниями — туда или сюда? — было покончено. Василий Ярцев попросил комсорга батальона включить его в список для получения путевки ЦК комсомола на стройку автозавода.

Вместе с ним в список включили еще десять одно-

кашников. Тогда распространялось много слухов о контракте с итальянской фирмой «Фиат», которая якобы, взявшись строить невиданный по мощности завод — шестьсот шестьдесят тысяч легковых автомобилей в год! — устанавливает свои суперпорядки по найму и увольнению рабочей силы: каждому устроят экзамены по итальянским нормам; даже мелкая крошка в бетоне измеряется микрометром; установка и регулировка механизмов будет контролироваться лучами лазера: допустил неточность — плати за деталь сполна; доставка всех строительных материалов регулируется электронным диспетчером: привез раньше срока раствор для заливки фундамента — поворачивай обратно и смотри, чтоб раствор не затвердел, а если опоздал, еще хуже — будешь платить из своего кармана за простой бетонщиков на этом участке. Но уж если выдержал экзамен, тогда получай по высшему разряду с надбавками по усмотрению мастера. Мастер — царь и бог над своими подчиненными. По его же воле можешь попасть в список на внеочередное приобретение великолепного легкового, экономичного, скоростного пятиместного автомобиля...

Все это, вместе взятое, и тревожило и манило ребят. Кому не хочется испытать себя и свои способности по непривычным чужим нормам?

Однако в день получения путевок вчерашним солдатам разъяснили, что легенды о порядке на стройке автозавода не имеют под собой почвы. Завод возводится с участием иностранных специалистов, но под руководством советских инженеров, и устанавливать какие-то суперрежимы на советской земле, на социалистическом предприятии никто не собирается. Что касается четкой и ритмичной организации процессов строительства завода-гиганта, его пуска на полную мощь, то надо ждать действительно еще невиданных в этой области новшеств.

— Все ясно, — сказал тогда Василий Ярцев, видя, как сникли друзья. — Игра в героев по чужим правилам отпадает, но, если отступим, грош нам цена...

Сейчас ему стыдно за свои слова: активист, вызываясь быть бригадиром — и вот фактически под конвоем. Перед глазами представителя штаба стройки. Протокол уже заготовлен, осталось описать «личное имущество» — содержимое сундука, — и сдавай свои обязанности, получай пятнадцать суток за разбитое стекло в вагонном окне. Проводник этого и добивается. И представитель штаба стройки Булан Буланович настроен, кажется, так же. Правда, взгляд его потеплел, когда любовался столярными и шоферскими инструментами. Одобрительно покачал головой:

— Грамотно, грамотно все подобрано. Молодец, Ярцев...

Может, в самом деле этот Булан Буланович внимательный и честный человек? Василий заметил его у вагона, когда пускал в дело ремень с увесистой пряжкой. Видел же он, с чего началась драка, и должен рассказать все, как было.

Да, мир не без добрых и честных людей. Булан Буланович, оказывается, кинулся вдогонку хулиганам, но ему не удалось поймать ни одного из тех пятерых, которые потрошили корзину лотчицы. Он признал, что действия Василия Ярцева заслуживают одобрения, поэтому нет смысла составлять протокол...

— Как это нет смысла?! — возразил проводник. — Я свидетельствую, у меня есть вещественные... эта каменюка окно выхлестнула.

— «Каменюка», а не Ярцев, — поправил его Булан Буланович. — К тому же, камень был в руках у того, кому принадлежала гитара. Это легко установить по отпечаткам пальцев.

— И мои пальцы тут обозначатся?

— Обозначатся, — подтвердил лейтенант.

— Ну, куда же мне от этих лиходеев деваться? — пряча руки за спину, сокрушался проводник. — Весной они к этому «Фиату» перли, косматые, с гитарами, а теперь обратно без билетов протискиваются на посадке у Жигулевского моря, а тут, на перцепке, этим вот, с путевками, дорогу перебивают... Если бы пымали хоть одного, я не стал бы так напирать на этого.

— Поймаем, обязательно поймаем, — заверил проводника начальник отделения, который вышел из своего кабинета как-то незаметно. — Оснований для задержания этого парня нет. Пусть едет на стройку без всяких помет в путевке.

— Спасибо, — вырвалось у Василия Ярцева...

Вагон перевели к перрону пригородного сообщения и прицепили к электричке Сызрань — Жигулевское море. Далее, до Крутояра, бригаде Ярцева предстояло добираться на попутных машинах. Рассказав, как туда попасть кратчайшим путем, Булан Буланович вручил ему на всю бригаду талончики на койки в общежитии.

— Делюсь, — сказал он, — фондами родного мне управления. Ведь я тут временно. Моя должность — главный энергетик сантехмонтажа завода. Пока у меня нет фронта работ, но если что — прошу ко мне.

— Там посмотрим, — ответил Ярцев, не найдя других слов от растерянности перед добротой этого человека.

Проводник же, перебирая в памяти ход разговора в отделении милиции, все никак не мог согласиться с тем, что окно разбито, а кому предпишут платить за это — неизвестно. И зачем волок чертов сундук для доказательства? Конфуз получился, и поясница от нацсады заныла. Теперь свертывайся стручком и лежи, пока боль не утихнет...

Утром на конечной остановке вагона сундук вновь попался на глаза проводнику: плывет над головой

этого самого Ярцева с необыкновенной легкостью, буд-то в нем один воздух тает. Остановить парня не решился: опустит «нечаянно» под ноги сундучок, и новая забота появится — костыли покупай...

Впрочем, проводник не остался в долгу перед Василием Ярцевым. Когда появился представитель штаба стройки, встречавший строителей, успел пожаловаться:

— Увечье подстроил мне этот фрукт, бригадиром себя назвал. — Он показал на Василия Ярцева и передал какую-то бумажку.

Как потом выяснилось, эта бумажка сыграла свою роль и в час назначения Василия на работу, и значительно позже. В общем, получилось так, что уже в управлении кадров стройки бригаду Василия Ярцева рассортировали по разным автоколоннам, подозревая, что такой бригадир может повести своих товарищей «куда-то не туда», — как сказал кадровик. И он же предложил Ярцеву:

— Хороший заработок на арматурных работах. Быть может, выгоднее отказаться от руля? Тут и так, как на фронте, несем потери от автомобильных аварий.

— Не пойму... У вас есть какие-то основания считать меня аварийщиком? — спросил Василий.

— Нам и плотники и столяры нужны, — уклонился от прямого ответа кадровик.

Ярцев показал удостоверение слесаря-механика по ремонту автомашин.

— Я прибыл сюда по путевке ЦК комсомола и, если у вас нет для меня свободного грузовика, готов пойти пока на ремонтные работы.

— Это другой разговор, — смирился кадровик. Не хотелось ему доверить Ярцеву руль многотонного грузовика: на сигнал о плохом поведении в пути надо реагировать! Случись авария на первых рейсах, кого после этого возьмут за бока? Конечно, его, кадровика... То-то же...

Вроде всегда добродушный механик автоколонны Рем Акимович Угодин, которого шоферы называли просто Акимыч, — внешне хрупкий, того и гляди переломится в тонкой талии, на лице постоянное выражение: «Я никого не обижу, и меня не трогайте», — вдруг изменил себе. Он встретил нового ремонтника строгим взглядом. А как же иначе — новичок прибыл к нему из отдела кадров с пометкой на путевке: «Испытательный срок две недели». Значит, бери его сразу круто, испытывай по всем статьям. Скрытые неполадки в механизме выявляются на больших оборотах...

Первую неделю Ярцев работал на переборке подвесок грузовиков. Ковырялся в диферах, надсадно кричал, ворочая тяжелые детали, однако Акимыч подкидывал и подкидывал ему наряды с возрастающими трудностями.

Производственная педагогика, как считал Рем Акимович, строится по своим законам. Нагрузка должна быть, что называется, под завязку. Он верил: если парень не будет отлынивать, а постарается сам постичь сложности механизмов, значит, дело пойдет. Если же все начнет делать тяп-ляп, лишь бы с рук сошло, тогда переводы на другую работу, где не требуется особого прилежания. Можно, конечно, написать: «Испытательный срок не выдержал, подлежит увольнению», но в колонне постоянный голод на ремонтников. Да и какой толк от такого решения, рабочих рук всюду не хватает. Учить и воспитывать надо людей, требуют кадровики. У этого парня, вероятно, есть какие-то завихрения, раз на путевке сделана такая пометка. И чем раньше выявятся пороки, тем скорее найдется точка опоры, чтобы наставить его на верный путь.

На исходе первой недели — работали здесь не пять, а шесть дней в неделю — Акимыч оставил новичка в

мастерской на ночь, на сверхурочную работу: покрасить корпуса генераторов. Тот согласился, и на верстаке у него появилось три бутылки шеллака. На этикетках изображены скрещенные кости с пояснением: «Денатурат — яд». В одной из банок для разливки лака, будто случайно, оказалась пачка соли. Расчет был прост: если парень выпивоха, то не упустит момента засыпать в бутылки соль, сделать отстой и слить спирт в отдельную посуду. Уличить его в такой проделке проще простого: ни один корпус генераторов к утру не высохнет.

На другой день пораньше пришел Акимыч в мастерскую, не пожалев воскресного утра, и увидел — все корпуса блестят под черным лаком сухие. И пачка соли осталась нетронутой...

Прошла еще неделя. Акимыч поставил новичка на проверку карданных соединений отремонтированных грузовиков. Работа тонкая, для людей с совестью. Можно пропустить хлябь в крестовине, и никто не придерется... Выдал дюжину комплектов крестовин на замену. В одном комплекте игольчатый подшипник был с дефектом — обойма помята. В спешке парень сунет такую крестовину в кардан, и тогда можно прогнать его за халатность... Дошла очередь до этого комплекта, и Ярцев прибежал к кладовщику:

— Почему подсунули дефектную деталь?

— На крестовине есть знак ОТК, — ответил кладовщик.

— Зато на твоей совести нет никакого знака.

Благо, кладовщик не сказал, что этот комплект был в руках механика, иначе пришлось бы Акимычу краснеть перед новичком.

Испытательный срок кончился. Василия Ярцева зачислили в штат колонны на постоянную работу слесарем-ремонтником. И теперь Акимыч, к своему удивлению, встретился с Ярцевым на закрытом партийном

собрании. Ярцев — кандидат в члены КПСС. Его представили всем коммунистам автоколонны. Учетная карточка, как сказал секретарь партбюро, чистая, можно надеяться, что здесь он заслужит право на получение рекомендаций для перевода из кандидатов в члены партии. Принят кандидатом в армии.

— Будут ли вопросы к новому товарищу? — спросил председатель собрания.

Вопросов не было. Кто-то резонно заметил:

— Поближе с ним познакомимся в процессе работы.

Вскоре по распоряжению начальника колонны Акимыч объявил Ярцеву:

— Заканчивай ремонт самосвала и садись за руль.

— Спасибо, — сказал растроганно Ярцев. — А то я и не знал, что думать после того, как увидел заботливо приготовленную соль к денатурату. Хотел было обидеться, что соленый огурчик подкинуть забыли, — усмехнулся он.

— Атмосфера с тобой такая пришла, — попытался оправдаться Акимыч.

— На атмосферу ориентируются синоптики, и то часто ошибаются.

— А ты задиристый, — заметил Акимыч.

— Не отказываюсь. От себя отказаться трудно, — произнес Ярцев таким тоном, будто в самом деле ему когда-то надо было отказаться от самого себя, от своей природы, но совесть не позволила.

Самосвал достался Ярцеву из той сотни, которая подлежала списанию еще в дни окончания строительства гидростанции. Но эту сотню решили доколачивать на дорожных работах. Новая стройка здесь началась с прокладки подъездных путей к площадкам будущего завода и города, чтоб потом, когда пойдет большой поток строительных материалов и станков, избавиться от привычных потерь и поломок на ухабах и рытвинах.

Наступила зима, суровая, поволожская, с частыми метелями и степными морозами. Сугробы в лощинах и гололед на степных гривах подстерегали шоферов на пути к Крутояру, как заминированные зоны. То там, то тут сталкивались, перевортывались, обрывали крылья или торчали вверх колесами грузовики, автобусы, самосвалы. Иной день механик колонны пропадал с утра до вечера на участках строящихся дорог, где организовывал работу тягачей по буксировке застрявших и поломанных машин. Все как на фронтовых дорогах, только без налетов авиации и обстрелов артиллерии.

В войну Акимыч служил в автобате танкового корпуса. Там он намыкался с машинами на разбитых дорогах до презрения к самому себе и думал, что никогда больше не вернется к автомобилистам. После войны, окончив металлургический институт, работал в Горьком, в Москве, затем приехал сюда. Но здесь металлургический цех еще только закладывался, поэтому пришлось взять на себя обязанности механика автоколонны. И сложностей в десятки раз больше, чем в автобате, и темп задан такой, что хоть отказывайся верить своим глазам. Стройобъект похож на муравейник, разрытый и раскиданный в разные стороны в зимнюю пору. Заснеженное, утыканное кольями проектировщиков поле вдруг потемнело, стало пятнистым, и по нему засновали тысячи грузовиков, волоча за собой прицепы, вагончики, пузатые цистерны, металлические конструкции; затем появились башни подъемных кранов, стрелы землеройных экскаваторов. И все это задвигалось, завертелось в непонятном и, казалось неуправляемом, круговороте. Едва успели сдать в эксплуатацию бетонное полотно от Куйбышевской автомагистрали до Крутояра, как над Борковским полем выросли горы вынутаго из котлованов грунта, штабели железобетонных плит, терриковы щебенки. Будто извержение вулкана случилось здесь, и ровная степь

превратилась в нагромождение сопок с ущельями и глубокими впадинами, над которыми повисли тучи дыма, пыли, выхлопного газа работающих двигателей. Темп день ото дня нарастал. Казалось, надвигается какая-то лавина неотвратимых осложнений, и, чтобы она не застала врасплох и не принесла бедствий, люди торопились, подгоняли себя и держали технику на предельных оборотах. Порой думалось, что достаточно лишь где-то в одной точке допустить надлом и все пойдет кувырком или замрет под ледяным панцирем суровой зимы.

Быть может, именно такое предчувствие тянуло Акимыча на трассу, к шоферам, ночами напролет приглушал в себе думы об усталости и о праве на отдых. Он как бы оказался втянутым в поток того самого воздуха, который возле костра становится ветром и поднимает крылья пламени до искрометных вихрей. Акимыч не хотел теряться в своих заблуждениях о невозможности управления таким муравейником и, как многие равные ему руководители, брал под контроль отдельных шоферов, по ним находил свое место в общем круговороте дел. В зоне его наблюдений остался и Василий Ярцев.

Носился Ярцев на старом, много раз латанном самосвале так, что первое время казалось: торопится парень расхлестать «старика» до последней косточки, чтобы получить новый. Однако старый самосвал не разваливался, наоборот, вроде даже помолодел. Ярцев устроил обогрев кузова выхлопными газами двигателя. Кабину утеплил так, что в ней зимой можно было работать в летнем костюме. Акимыч сделал одну контрольную езду рядом с Ярцевым, затем вторую. Видал, как лихо крутит баранку Василий, будто для него это не работа, а просто прогулка по лабиринтам стройки. Подмигивает, улыбается всем, похваливает свой самосвал, а значит, и самого себя.

«Пусть хвалится, лишь бы не выпрягся из общего режима работы колонны, иначе придется другой ориентир искать, — решил Акимыч. — Да и люди к нему тянутся».

А тут начальник колонны приказал десять надежных водителей во главе с Ярцевым отправить в Минск за новыми машинами.

Эта поездка снова заронила в душу Акимыча сомнения. Вернее, тревогу: прошла неделя, а от Василия никаких вестей. Если задержался на пункте рекламации, значит, обнаружил серьезные неполадки. А вдруг Ярцев по своей размашистой натуре затеял испытание машин на повышенных режимах и допустил аварию? Кто будет отвечать за него? Да что и говорить, пожалуй, действительно поспешили доверить десять таких машин человеку, которого мало знали.

Прошло еще четыре дня. Теперь хоть вылетай в Минск и возвращайся по маршруту пешим маршем. Другого выхода нет. Но вот наконец-то поступила телеграмма: «Задержались погрузке столярных изделий нашей стройке. Прошли Москву, Пензу. Застряли ста километрах Сызрани. Загустела солярка. Ярцев».

Акимыч посмотрел на термометр: минус тридцать семь в затишке, а там, на ветру... Все ясно, просчитался Ярцев, заправил МАЗы летней соляркой, которая при низких температурах густеет, забивает форсунки, и двигатель глохнет. Пишет «застряли». Значит, мерзнут на ветру и не знают, что делать.

Заправив автоцистерну керосином для смеси с соляркой — зимний вариант дизельного топлива, — Акимыч выехал на трассу Сызрать—Кузнецк.

— Жми, жми! — торопил он шофера. — Вдруг они там все обморозились...

Он говорил о всех, а думал об одном: парень в лыжном костюме, на ногах ботинки, небось и на руках лишь перчатки — любит показать форс! Только все

может плохо кончиться. Акимыч вспомнил, как сам обморозился. В январе сорок пятого из болотистой поймы Вислы вытягивал подбитый грузовик с нейтральной полосы, из-под огня, и не заметил, не почувствовал, как два пальца на правой ноге превратились в хрупкий фарфор да так и остались в сапоге.

За Сызранью, на голой гриве, показались горбатые, засыпанные снегом МАЗы. В кузовах громоздились связки деревянных брусков, полированной фанеры — сборная мебель. Один самосвал, второй... семь, восемь. А где еще два?

Свистит, завывает степной ветер. Даже остававляться жутко возле дышащих морозом многотонных громадин. Шоферов не видно. Вода из радиаторов слита. Кабины закрыты, зеркала и стеклоочистители сняты. Молодцы, оставили машины без паники. Но как теперь их стронешь с места, если солярка загустела, а масло в двигателях и смазка ходовой части закаменели? Эх, Вася, Вася...

Но не успел Акимыч вылезти из кабины, как появился новенький МАЗ с платформой и подъемником на прицепе и парень в лыжном костюме и кепке подбежал к бензозаправщику, открыл дверцу.

— Здравствуйте, Рем Акимыч. Привезли керосин?

— Привез.

— Вот хорошо... Но мы уже нашли выход. Один за другим перетаскиваем самосвалы на платформе в теплый бокс Кузнецкой автобазы. Уговорил там товарищей: отвели место. Пока притащу второй, первый уже стогреется и пойдет.

— Все живы-здоровы?..

— Пока без потерь, вот только застряли...

— Как же ты не учел: в такой мороз дизельные двигатели заправляются зимней соляркой? — упрекнул Акимыч и тут же пожалел об этом: взгляд у парня

потускнел, на лице появилась отчужденность. — Садись-ка в кабину, — поспешно проговорил он.

— Как не учел?! — Ярцев выдернул из нагрудного кармана листок. — Вот, — сказал он, — вот справка Пензенской заправочной станции: солярка выдана по зимнему стандарту, но анализ показал, что это самый настоящий летний стандарт. Кто-то поленился разбавить солярку керосином или просто жулик...

Стало ясно: работники нефтебазы нарушили технологию подготовки дизельного топлива для зимней заправки, и Ярцев, вероятно, наделал там шуму, не зря же вооружился такой справкой.

— А почему твой двигатель не заглох? — спросил Акимыч и тут же заметил: на руках Ярцева волдыри от ожогов, ладони вспухли.

— Вовремя спохватился, — ответил тот, — подогревал насос факелом, а то бы все тут в звонкие чурбаки превратились...

«Руки обжег парень. Мог и машину спалить, которая теперь уже числится на балансе автоклуба. Попробуй после этого списать ее. Не один год будет висеть на шее».

Так с тревогой подумал Акимыч о своем завтрашнем дне, однако на язык пришли другие слова: —

— Молодец, не растерялся. Люди дороже...

— Дороже, но как бы вы списали эту машину? — спросил Василий, будто зная, чем обеспокоен механик.

Акимыч махнул рукой:

— Не говори глупостей!

— Спасибо, — смягчился Василий. — Но мне показалось, что вы больше озабочены материальной ответственностью, так сказать, балансовой стоимостью этих машин.

— Все-таки ты, Ярцев, скандальный человек.

— Главный скандал по этой поездке еще впереди.

— Какой? — насторожился Акимыч.

— Приедем на стройку, узнаете.

В самом деле, через месяц пришла бумага с Пензенской нефтебазы с жалобой, что «шофер Ярцев оскорбил сотрудников нефтебазы, угрожая применить кулаки...». Однако на этот раз Рем Акимович Угодин даже удивился, почему в ней не написали, что шофер Ярцев был хмельной. Послал ответ в самых мягких извинительных тонах и несколько недель носил в себе сомнение: «А вдруг по этой жалобе и по ответу на нее поступит запрос или явится представитель народного контроля уточнить, какие воспитательные меры применены к Ярцеву?» Решился поговорить с ним откровенно.

— Я знаю, что ты хранишь ящик со столярными инструментами, — сказал он. — Я заходил к тебе.

— Я не заглядываю в него, некогда. Сейчас в моде алюминий, стекло, и я со своим столярным ремеслом буду похож на рыбака в безводной пустыне, — еще не понимая, к чему клонит Угодин, ответил Ярцев.

— Тогда признайся, кем ты собираешься стать? — спросил Акимыч.

— Шофером-испытателем.

— Не советую, лучше вернись к столярному верстаку.

— Все ясно. Можете писать приказ об увольнении или сами уходите из автоколонны. Иначе на ближайшем партийном собрании, где меня будут принимать в члены партии, вам придется краснеть.

Прошло еще немного времени, и Рем Акимович вынужден был просить Ярцева забыть разговор о столярных делах и признался, что собирается уходите из автоколонны в управление литейного производства строящегося завода. По специальности, что значилась в дипломе, — он металлург...

От Усинского карьера до Жигулевска почти сорок километров. Этот участок дороги можно назвать самокатным. Лишь один подъем к Переволокам надо брать с натугой, а дальше, после небольшого разгона, груженный самосвал катится по асфальту с выключенным сцеплением, как говорится, за счет бога. С бугра на бугор, с бугра на бугор, успевай только вовремя подержать газом накат на изволоке. Выключил и снова под уклон. Местами можно вовсе выключить зажигание и мчаться с ветерком.

Еще на прошлой неделе Ярцев подсчитал, что на этом участке можно достичь большой экономии горючего. И если бы рессоры самосвала могли выдержать перегрузку, то вместо пяти тонн щебенки можно грузить минимум восемь. В итоге каждый рейс — сто двадцать тонно-километров к плану без затрат. Таких рейсов можно сделать за смену три и даже четыре, если не будет задержки в карьере. К концу месяца экономия горючего составит более трех тонн. Об экономии масла для двигателя и других смазочных материалов он не думал: без смазки ходовой части на хороший накат рассчитывать не приходится.

Решив закрепиться на вывозке щебенки из далекого карьера, который многие шоферы проклинали за плохую организацию погрузки, Ярцев попросил начальника колонны:

— Дайте мне стажера.

— Где его возьмешь, сам ищи. Оформим...

Охотников мотаться по скучной трассе не нашлось. Василий пригласил Мартына Огородникова — соседа по койке, удивительно сложного по натуре парня. Еще весной он пришел в комнату расхлестанный такой, с гитарой за спиной. Нарядился под итальянского специалиста, длинные волосы подкрашены в смоли-

стый цвет, на ногах красные ботинки с желтыми кисточками. Открытка, а не парень со стройки! Сначала Василию показалось, что вроде видел его возле прицепного вагона в Сызрани с гитарой перед корзинкой с пончиками, но черты лица четко не запомнил, а напоминать не стал, мог ошибиться. Пусть сам вспомнит, если не забыл, куда пришлась ему пряжка и от кого. Однако тот лишь повел бровью, по-хозяйски осмотрел комнаты, кухню с газовой плитой и холодильником, ванную с душем, туалет, удивленно пожал плечами: дескать, какое же это общежитие — обыкновенная двухкомнатная квартира. Живи по-семейному и пользуйся всеми удобствами. После этого представился:

— Мартино, сварщик по тонким швам.

— Откуда? — спросил его дежурный по комнате, верткий, остроглазый Витя Кубанец.

— Ташкент, город хлебный, по Неверову: зимой тепло, летом жарко. Слыхали про такой?

— Слышали. Как там?

— Трясет. Когда был аврал, люди зарабатывали, а когда я приехал, зажали: каждый шов под рентген берут...

— Здесь тоже контроль за качеством.

— Ну и пусть, меня теперь не прихватят. А если прихватят, отшвырнуть на лето в Сибирь, там нашего брата на вес золота ценят. Таких сварщиков, как я, не густо.

— Где же ты специальность приобрел?

— Два курса техникума... Впрочем, угрюмцы, это я по Шишкову вас так величаю, давайте швартоваться по-настоящему!

Он вынул из-за пазухи бутылку с бумажной пробкой. Запахло самогоном.

— Для смазки контактов. Крепок — на острие ножа синим огнем полыхает. Маркировка — буряк со стеблем самосадной махорки. Все натурально. Это мне

мамахен на дорогу сварганила. Надеюсь, дежурная закуска у вас есть, — скажем, лимон в виде луковицы?

И тут же вмешался в разговор Володя Волкорезов, высокий, неторопливый парень, инструментальщик автобазы:

— погоди, с помощью сивухи с нами контакта не найдешь. Угости сначала музыкой. — Володя стукнул ногтем по деке гитары, которая висела за спиной у парня, назвавшего себя Мартино.

— Музыка не мое призвание. Это бутафория. Не отставайте от жизни. Девахи теперь принимают гитару как пароль: дай аккорд, подмигни и... твоя.

— Где ты раскопал таких?

— Везде есть. Имею личный опыт по Ташкенту. И здесь приглядел. Угодно, через час приведу: по трояку с души и до свидания...

— А ты, косматик, видать, пинка просишь!.. — возмущился вспылчивый Рустам Абсолямов.

— Ну зачем, дорогой, так резко рубишь узы большой дружбы? Надо реально смотреть на жизнь и правильно понимать человека специфической профессии: тонкая сварка не каждому по уму.

— Покажи документы, — потребовал Рустам.

— Какие могут быть документы в такой обстановке? Паспорт сдан на прописку, трудовая книжка в отделе кадров, направление у мастера...

— Не плети лапти, тут все грамотные, — строго предупредил его Володя Волкорезов.

— Милиция теперь работает без оскорбления личности. — И он извлек из заднего кармана брюк замызганный студенческий билет и зачетную книжку.

Володя прочитал вслух:

— Огородников Мартын... уроженец Куйбышевской области, деревня Усовка.

— Местный итальянец. Посмотри, какие у него отметки в зачетке, — попросил Рустам.

— Сплошняком тройки... вот тут, кажется, подтирал, переделывал двойку на тройку...

— Презираю криминалистов, — скривился Мартын, — дешевые люди!

Рустам прошел к двери, открыл ее и отчеканил:

— В нашей комнате тебе нет места.

— Как это нет? Меня комендант направил сюда, а ты порог показываешь. Это превышение власти. За такое знаешь что бывает?..

— Знаем, — ответил за всех Володя, — поэтому иди к коменданту и скажи: в девятой мест нет...

Окинув растерянным взглядом стены и потолок, Мартын сунул свою бутылку за пазуху и вдруг взмолился:

— Ребята, одолжите по рублевке.

— Можем дать еще и по затылку, только катись отсюда.

— Пожалуйста, уйду, если не откажете в просьбе.

И ребята пожалели его: полезли в карманы, выложили перед ним на стол по рублю.

— Брависсимо, синьоры, за это моя душа будет согрета теплым женским дыханием...

И он, наигранно улыбаясь, направился к выходу.

— Иди и не оглядывайся, — бросил ему вслед Рустам.

— Не оглядываюсь, — ответил тот, мягко закрывая за собой дверь.

Друзья сникли, стыдясь встретиться взглядами. Наконец дежурный по комнате Виктор Кубанец сказал:

— Казаки, а ведь он всех нас объегорил. Никакой комендант его сюда не направлял. Он просто ловкий пройдоха.

— Вернуть его во что бы то ни стало! — потребовал староста Василий Ярцев. — Иначе он еще соседей «объегорит», и нам перед комендантом стыдно станет.

И вернули... хомут на свою шею. Каких только номеров не выкидывал этот «Мартино», особенно в первую неделю. Койку свою оставлял незаправленной, знал: за него уберет дежурный. Завтраки и ужины брал из холодильника без оглядки, как безденежный человек, зная, что до получки его никто не заставит покупать продукты. Отсутствием аппетита не страдал. Часто даже ночью заглядывал в холодильник, затем лез под одеяло, накрывался с головой и там истреблял все, что было оставлено на завтрак. В общем, всем своим поведением давал понять: коль староста решил воспитывать меня — терпите, еще не то будет.

Прошла неделя, и новый жилец вдруг воспылал желанием выслужиться перед терпеливыми старожилками. Взаялся подменять дежурных всех подряд. До подъема успевал вымыть полы, согреть чай, накрыть на стол, потом, пока ребята умывались, принимался заправлять койки по единому образцу — под линейку, конвертами, в центре — подушка куклой. Прямо художник-декоратор! И никому не разрешал портить его композицию. На работу убегал раньше всех — там у него что-то не ладилось, — а возвращался под хмельком.

Однажды ребята выдворили его из комнаты и сказали, чтоб без коменданта не возвращался.

Часа через два в девятую комнату зашел комендант.

— Жалоб на Огородникова больше не принимаю, — сказал он. — И не расписывайтесь в своем бессилии: человек к работе не может пристать, а вы собираетесь вытолкнуть его на произвол судьбы.

Мартын поглядывал на ребят с виноватой улыбкой.

— Хотите знать, почему я пил? С горя: два сварочных агрегата запорол. Хотел удивить вас высоким заработком, стать ударником, а попал в аварийщики...

Пришлось помогать парню. Благо, Виктор Кубанец, по специальности электрик, разобрался в схемах

устройства агрегатов, а Володя Волкорезов и Рустам Абсолямов знали слесарное дело. Подключился к ним и Василий Ярцев. Целую неделю после работы, ночами, перематывали они спаленные катушки и перебирали пластины подплавленного трансформатора. Отремонтированные агрегаты мастер принял, но Огородникова к работе не допустил. Мартын снова перешел на коллективное довольствие девятой комнаты. Завтракал и ужинал «дома», за общим столом. Куда его пристроить — никто толком решить не мог.

И вот Василий Ярцев пригласил Огородникова стажером на самосвал, зная, что пользы от него будет немного, — все же со стажером рейсы в дальний карьер и погрузка пойдут веселее и быстрее.

Мартын согласился.

Хорошо, отметил про себя Ярцев, смотришь, приносится к рулю, вот тогда можно будет потребовать: возьми, брат, себя в руки, причепись, в режим шоферской жизни войди, после чего получишь право водить машину. Зацепить его надо за живое. Если хоть раз нормальный человек испытал послушность машины на ходу, потом во сне будет видеть себя за рулем.

Так думалось, так хотелось...

Тронулись в первый рейс. Мартын сидел в кабине, смотрел только на дорогу и ничего не замечал, похоже — спал, как заяц, с открытыми глазами. На втором рейсе в момент погрузки успел сбегать к буфетчице, и будто подменили парня: посвежел, глаза забегали, заискрились.

— Тут у меня тоже есть верные друзья, — похвалился он.

— Кто?

— Обкатаемся, познакомлю. Можем с ночевкой пришвартоваться. Я ведь тутошный уроженец. Со мной не пропадешь...

— Ты, видать, хлебнул?

— Не хлебнул, а освежился для бодрости, но ты не сумлевайся, запаху не будет. Я ведь знаю, в кабине не должно пахнуть сивухой, потому рябиновку советую заказывать. Хочешь, бутылочку на тебя законтрактую?

— Хочу... Чтоб разбить ее о твою голову. Ясно?

— Ясно. — И, высунув лохматую голову из кабины, Мартын громко крикнул: — Поехали!

Кривнул так, чтоб поняли погрузчики: он не просто стажер, а командир. И тут же сознался, что в буфете назвал себя уполномоченным по экспериментальным рейсам — каждая секунда на учете, — потому буфетчица отпустила без задержки.

Теперь Огородников не умолкал ни на минуту. Ни хороший накат самосвала, ни четкая работа двигателя, ни сам процесс подготовки к экспериментальным рейсам — ничто его не интересовало. Он то подсвистывал встречным и поперечным, то рассказывал всякие небывлицы о жителях деревень и поселков, что подстунали к дороге справа и слева, то вдруг начинал барабанить пальцами по ветровому стеклу. И вдруг:

— Хлестко ты меня тогда за пончики пряжкой по спине ожег. Думал, дыханье потеряю.

— Не помню, сочиняешь, — едва нашелся Василий.

— А я помню, в Сызрани... Звезда твоего ремня на моей спине отпечаталась.

— Не отвлекай от дела.

— Ладно, помолчу.

Пошли в четвертый рейс.

— Это последний? — спросил Мартын.

— Для тебя последний. Не выйдет из тебя шофера.

— Вот и ошибся. Я еще семь лет назад гонял колхозную полуторку по этой дороге. Мог стать экстрас, да надоело перед всякими дорожными сигнальщиками унижаться... Вот и сейчас поедем через Переволоки, гляди в оба. Там стала появляться одна красотка с

блокнотом — общественный инспектор. Стройная такая, брюки на «молниях», глазастая, а брови, а грудь — посмотришь и про руль забудешь.

— Пока еще не встречал такую на этой трассе.

— Она под вечер на дорогу выходит. Самый момент, понимать надо. А потом за пустынный зевок в газете пропихнет — горя не оберешься.

— Интересно.

— Никакого интереса ты от нее не будешь иметь. Тебе говорю: на соперника нарвешься.

— Ладно, посмотрим...

На погрузке Огородников командовал засыпкой кузова так, словно тут не было более грозного начальника, чем он.

— Подсыпай еще ковш. Привыкли пыль да воздух возить. Вот мы покажем...

Несмотря на перегрузку, двигатель сравнительно легко вытянул самосвал из карьера на первой передаче, затем была включена вторая, третья. После разгона самосвал покотился по инерции еще быстрее и устойчивее, чем прежде. И если бы не вихрилась пыль перед стеклами кабины, то, казалось, можно было еще надавать.

Огородников замолчал, притаился, напряженно прислушиваясь к чему-то. Он-то знал, как перегружен самосвал.

Еще несколько секунд — и покажется село Переволоки, растянувшееся вдоль дороги на целых три километра. Дома и огороды с крестьянскими пристройками раскинулись в ложине. Лощина напоминает седло, поперек которого черным широким ремнем лежит асфальт. Здесь нельзя забывать про тормоза: дорогу часто переходят дети и старухи. Дети мечутся перед машиной, и трудно угадать, в какую сторону от них отворачивать; старухи не думают отступить назад, им некогда, лимит времени на исходе, поэтому не торо-

пись проскакать перед ними, пусть они перейдут на свою сторону. И еще самая большая опасность для шоферов в деревне — коровы. Перед ними не вздумай маневрировать, жми на тормоза: невозмутимостью коровы утверждают веру в свою доброту и протестуют против людской спешки...

Однако на этот раз дорога в Переволоках оказалась свободной — ни людей, ни скота, и Ярцев уже прикинул в уме — перегруженный самосвал с таким накатом и здесь может выскочить из седловины по инерции.

Огородников снова напомнил о пончиках.

— А тому, что по гитаре врезал, год дали.

— За что?

— За камень. Себя чуть не убил.

— Как?!

И сию же минуту на асфальте выросла фигура человека. Выросла и замерла на осевой линии, как вкопанный столб, нет, как скульптура — высокая, стройная, на голове зеленый берет, куртка и брюки на «молниях». Не иначе, та самая, о которой предупреждал Огородников. Да, она... Вероятно, хорошо знает правила движения, потому встала и замерла на осевой, или... своим выходом на осевую дает понять — сбавь скорость, притормози, иначе запишу твой номер, и тебе попадет за лихачество!..

Огородников схватился за ручку:

— Стой! Тормози!

Ярцев знал, что, если резко затормозить при большой накатной скорости, авария неизбежна: высокий корпус самосвала легко перевернется вверх колесами — и в кювет. Он успел выжать педаль сцепления и включить третью скорость — мягкое торможение газом, затем, чтоб не оказаться так быстро в кювете, подвернул ближе к осевой и дал сигнал девушке, которая будто не хотела слышать и видеть мчавшегося под уклон теперь уже с ревушим двигателем самосвала.

— Это она, та самая?..

Огородников как в рот воды набрал. Ярцев надавил на тормозную педаль... и не почувствовал снижения скорости. Нажал вторично, резко и сильно — скорость прежняя. Отказали тормоза!.. Еще секунда — и девушка окажется под колесами самосвала. Просто негде разминуться с ней.

Эта секунда вместила в себя столько решений и действий, на одно осмысление которых в обычных условиях не хватило бы целого часа. Нет, Ярцев не растерялся, не оробел. Сознание успело напомнить о последствиях, казалось, неизбежной аварии, выбрать решение и наконец подать команду для действий. Все происходило одновременно. Руки, крепко державшие руль, выполняли свою работу скорее всего механически, привычно, по зрительным сигналам, а сознание лишь фиксировало происходящее.

Девушка стояла на осевой черте улицы. Самосвал не сходил с осевой, ибо трудно было уловить — куда, в какую сторону кинется девушка в последний момент. И когда стало ясно, что она не успеет отскочить ни вправо, ни влево, Василий вывел машину на самый край дороги так, что передние и задние скаты колес правой стороны на какое-то мгновение оторвались от земли и стали резать воздух над кюветом. Еще мгновение — и весь корпус самосвала начало кренить вправо: правые колеса просели на конусный срез кювета. Переходить на ручной тормоз при такой скорости бесполезно — его сорвет. Осталось одно — держать руль, держать что есть силы, по прямой, иначе занесет влево от частичного торможения колес на асфальте. Держи и норови пройти кювет наискось, по отлогой диагонали. Дальше машину будет бросать меж телеграфных столбов, вдоль калиток, перед окнами домов, через лужи, через канаву возле водонаборной колонки... А там начнется подъем на вспаханный косогор...

Так надеялся Ярцев выйти из аварийной ситуации. Лишь одного не учел он: как поведет себя груз — более семи тонн щебенки! И случилось непредвиденное. Едва самосвал накренился вправо, затем влево — в момент перехода через кювет, — как перед кабиной распростерлась серая мгла из мелкой крошки дробленых камней. Она, как вздыбленная волна, захлестнула переднее стекло, ослепила обзор справа и слева. Лишь через боковое зеркало можно было увидеть, что делается сзади, и определить, не заносит ли тебя в сторону от намеченного курса, — но только на одно мгновение. В это мгновение Ярцев успел увидеть в зеркале заднего обзора прямую белую черту на асфальте и девушку, стоявшую на прежнем месте. И тут же, чуть впереди нее, выплескивалась из кузова текучей серой массой щебенка. Она, кажется, накрыла девушку или сбила ее с ног и потянула за собой вдоль дороги, будто норovia обогнать самосвал, отчего боковое зеркало тоже ослепило...

Перед глазами серая мгла. Терпкий запах придорожной пыли ударил в нос. Горьковато-горячий песок мгновенно высушил рот. Еще секунда — и самосвал врежется в столб, в дом или... Может врезаться, если не удержишь руль, если поддашься слепой силе страха, не одолеешь дикий в таком случае норов машины. Во мгле она обязательно потянет на опасный путь. Но шофер, даже не видя дороги и не имея возможности остановить машину, обязан управлять рулем по зрительной памяти. Его зрение и чутье как бы перемещаются в скаты передних колес, которые передают по рулевой колонке едва уловимые, но понятные сигналы о неровностях грунта.

Этому не надо удивляться: у водителей машин должно быть и есть второе зрение. Василий Ярцев хорошо помнит рассказ слепого фронтовика, бывшего механика-водителя танка. Тот до сих пор считает, что его

липили глаз врачи в госпитале, а не взрыв мины перед смотровой щелью на лобовой броне. Оставшись без глаз, он провел танк через ров и раздавил пулеметную точку, что отрезала пехотинцев от танков. Ему не верится, что в тот момент у него не было зрения: ведь он видел, кто вытаскивал его из танка, помнит, какое было лицо у санитарки, которая делала противошоковый укол...

Два резких толчка в правое переднее колесо не сбили машину с курса. Ярцев сумел удержать руль и тут же решил кренить влево: справа столбы, дома, впереди канава водостока...

Машина легла набок, проползла по кювету. Мартын, упершись ногами в плечо Ярцева, вырвался из кабины.

Отплевавшись, Ярцев вылез следом и бросился назад к тому месту, где стояла девушка. Надо оказать ей помощь! Других, более серьезных последствий этой аварии, кажется, нет, хотя перед глазами все еще стоит серая с красноватыми прожилками мгла. Под ногами похрустывает щебенка. Вдруг кто-то мягко толкнул в грудь:

— Стой, куда ты, лихач?!

Ярцев тряхнул головой, протер глаза и увидел перед собой девушку в куртке на «молниях». Высокая, взгляд властный... Что ей сказать? Выразить радость, что она жива и невредима, — не поймет. Упрекнуть за гордость — расценит как похвалу.

— Дуреха! — вырвалось из груди.

— Лихач! — опять сказала она.

— Ротозейка! — добавил он.

— Кто-кто? Ну-ка, повтори, — попросила она таким тоном, будто для нее составляло удовольствие принимать оскорбления.

— Ротозейка, — подтвердил Ярцев, озираясь по сторонам: «Куда же испарился Огородников?»

— Не крутись, смотри сюда.

— Нечего смотреть. Одни застёжки да «молнии». Под колесами от них ничего не осталось бы, а мне — в тюрьму.

— Трусливых, говорят, и в тюрьме под нары спать загоняют, — кольнула она, предъявляя удостоверение общественного автоинспектора. — Прошу следовать к машине.

Отказ тормозов — проклятие рабочим цилиндрам и тормозным колодкам. Но почему так произошло?

Возле лежащего в кювете самосвала уже стояли люди. Щебенки в кузове словно и не было. Она вышлеснулась на асфальт, как вязкая жидкость, под давлением какой-то неведомой силы. Это и помогло сравнительно легко погасить инерцию разгона. А если бы в кузове находился монолит такого же веса?.. Ярцев посмотрел вперед, за канаву водостока, и похолодел: он только теперь разглядел, что там, перед окнами школы, на волейбольной площадке толпились школьники. Сейчас они бегут сюда гурьбой с мячами посмотреть, что случилось.

— Зачем ты послал своего напарника в город? — спросила девушка-инспектор.

— Я не посылал, видно, сам надумал.

— Вон, смотри, вдоль пашни копитит, — показала рукой девушка, — вроде не встречала тут такого.

— А он говорил, что знает тебя. Огородников его фамилия.

— Мартя?

— Он самый.

— Все ясно. Почаще бери с собой таких блудней..

На асфальте перед толпой остановился МАЗ. Ярцев попросил шофера вытащить самосвал из кювета и протянуть до смотровой площадки.

— Сейчас выдерну... А где пострадавшие? — спросил шофер.

— Пострадавших нет, обошлось так.

— Как обошлось?.. На бугре меня встретил перепуганный кудлатик, глаза навывкате. Торопись, говорит, самосвал в школу врезался, жуть одна, за «Скорой помощью» бегу, детей спасать надо...

— Врет он, трус и паникер! — послышался за спиной голос теперь уже знакомой девушки.

— А-а... Ирина, и ты тут как тут...

— Как всегда, — подтвердила она и, привстав на подножку открытой двери кабины, начала командовать, куда и как подать МАЗ.

На смотровой площадке, поставив самосвал над ямой, Ярцев развернул сумку с инструментами. Тем временем Ирина со знанием дела принялась проверять крепления тормозных узлов на опорных дисках.

— Внешних признаков неполадок в тормозах не видно, — сказала она. Этим дала понять, что виноваты не тормоза, а водитель.

— Исправность тормозной системы проверяется не по внешним признакам, — уверенно поправил ее Ярцев: он не из тех шоферов, которые умеют только крутить баранку.

— Оправдываясь, обвиняю, — язвительно заметила девушка.

— Общественному автоинспектору положено знать, — продолжал Ярцев, — самосвал «Урал триста семьдесят пять» имеет пневмогидравлическую систему торможения.

— Ну и что?

— Вот, смотри... Этот поршень покосился в цилиндре.

Ярцев извлек поршень рабочего цилиндра. На нижнем торце поршня обозначился эллипс. К тому же, при резком нажатии на тормозную педаль, вырвался из гнезда шток. Он еле держался на двух витках мелкой резьбы — заводской дефект.

— Преступная слепота сборщиков...

— Наверное, они работали тоже на разгоне, без тормоза. — Вглядываясь в дефектную деталь, Ирина попыталась осадить шофера: дескать, вернись к осмыслению своего просчета.

Ярцев, будто не слыша и не понимая ее колючей иронии, отпарировал:

— Эти детали поставили в машину разгильдяи. Выпустили из заводских ворот — не заклинило, и ладно. Да и кто может разглядеть такой перекос сквозь корпус цилиндра?! А теперь, мол, эллипс образовался от неправильной эксплуатации. Дескать, ничего вечно-го нет...

Неожиданно его бросило в жар. В глазах зарыбила серая с красными прожилками мгла. Могла быть катастрофа с жертвами!

— Да, я допустил просчет! — совсем разозлился Василий, ему хотелось наговорить ей грубостей: спас тебя, дуру, а ты ставишь знак равенства между мной и теми, кто работает с разгоном без тормозов, без самоконтроля...

На площадку вкатился мотоцикл дорожной автоинспекции. Лейтенант милиции, видно, летел сюда на предельной скорости. Вслед за ним неслась санитарная машина. Всю дорожную службу всполошил Мартын Огородников. Из его бессвязного, сбивчивого сообщения явствовало, что в Переволоках огромная катастрофа с гибелью детей, что вот-вот все село будет охвачено огнем от взрыва самосвала с большим запасом горючего. Того и гляди, сюда примчатся пожарные Жигулевска и Сызрани. Однако, прибыв к месту аварии, лейтенант дал стбой и теперь выяснял, почему самосвал оказался в кювете.

Разговаривала с ним больше Ирина. Ярцев не мог справиться со своими нервами, которые с оозданием (а может, так и надо?) именно сейчас буквально не

давали ему произнести ни одного слова в оправдание. Получались какие-то сильные выкрики, недоумение — почему, почему? — и угрозы неизвестно кому.

Лейтенант составил акт, посадил Ярцева в коляску и повез в медпункт на экспертизу — не пьяный ли? Ирину попросил вызвать аварийную авиолетучку.

После экспертизы Ярцев вернулся к самосвалу, лег на траву вверх лицом и долго смотрел в синеву вечернего неба. Необозрим простор небесной выси. И там, казалось, наступает теснота от нагромождения провалившихся тормозных педалей. А ведь можно было избежать аварии, если бы, готовясь к такому эксперименту, не поленился перебрать всю тормозную систему. Поленился — теперь держи ответ и не ищи оправданий.

Сгустилась темнота. Площадку осветили фары аварийной авиолетучки.

- Что случилось? — спросил дежурный механик.
- Тормоза отказали. Педаль провалилась.
- Почему?
- Поршень с эллипсом...
- Значит, заводской дефект, не наша беда.
- Если вы сюда с Марса прилетели, то не ваша.

Глава третья

ОНИ УМЕЛИ ДРУЖИТЬ ТАК...

По содержанию второй тетради

1

Кто-то верно сказал: беда не ходит в одиночку. Не успел Василий Ярцев, что называется, перевести дыхание после аварии, как на следующее утро на него обрушилась новая неприятность.

После каждой получки он ждал воскресного дня, чтобы побывать на почте и послать матери очерченной

перевод. Делал он это благоговейно, как прихожанин храма добра и бескорыстия — и костюм почищен, и деньги в конверте новые, хрустящие, будто почта могла передать их в руки матери именно такими...

Получка была в пятницу. Из нее он отложил в карман выходного костюма пять червонцев. Отложил до воскресенья. А сегодня сунул руку во внутренний карман пиджака и... сию же секунду выдернул ее, будто обжегся: денег не было. Костюм висел в шкафу, ключ от которого хранился у самого Ярцева. Шкаф никто без него не открывал, а деньги куда-то «ушли». Куда же, к чьим рукам они могли прилипнуть? Впрочем, деньги прилипают к чужим рукам по вине того, кому они принадлежат.

Чтобы скрыть от друзей досаду и растерянность, Василий заторопился уйти.

— Ключ оставьте у вахтера, — сказал он уже с порога.

— Мы тебя будем ждать, — отозвался Володя Волкорезов.

— С почты я зайду в ГАИ и, вероятно, задержусь там.

— Подождем, — подтвердил Рустам Абсолямов.

— Зачем?

— Вернешься, поговорим, — ответил Витя Кубанец. — В ГАИ, кстати, тебе делать нечего, сегодня выходной.

С тяжелым чувством вышел Василий. Не мог он плохо подумать о товарищах. Володя, Рустам, Витя — однокашники: вместе служили в армии, получали путевки на стройку. Вместе и поселились в этой двухкомнатной квартире на пять коек по талончикам, которые еще в Сызрани дал им Булан Буланович, главный энергетик сантехмонтажа. Жили они тут почти год без тени недоверия друг к другу, и — надо же такому случиться! — пропали деньги. На Огородникова, чья койка пу-

стует, пожалуй, советовать нельзя: в день полочки его никто не видел в общежитии.

Идти на почту не было смысла: вчера купил обеденные талончики на полмесяца, и в кошельке остался один червонец.

В подъезде встретился комендант общежития.

— Знаю, крепко тебя потрянуло в Переволоках, благо, без жертв, — сказал он и, выйдя вместе с Ярцевым на площадку перед подъездом, спросил: — Почему же провалилась педадь?

— Резко нажал, — односложно ответил Ярцев, чтобы не углубляться в технические причины отказа тормозов.

— И только? — спросил Федор Федорович, неудовлетворенный таким ответом.

— Перегрузка была, и разгон дал лишний. —

— Значит, все берешь на себя?

— До окончания технической экспертизы оправдываться бесполезно.

— Да, сегодня в твою правоту никто не поверит, — согласился Федор Федорович и посоветовал: — Не горячись, не теряй голову. Есть у меня тут фронтальной товарищ. Дочка его ночью из Переволок вернулась. Показала нам схему маневра твоего самосвала. Сноровисто у тебя получилось. Потому и говорю: не теряй голову. Вижу, ты сегодня какой-то рассеянный...

Ярцев отрицательно качнул головой, опустил глаза, в которых отражалась тревога. Лишь бы Федор Федорович не стал вызывать на откровенность, он умеет это делать. В то же время стало интересно: он знает Ирину, ее отца. Перевести бы разговор на них. Но как? Скажет: нашел время о девичьей красоте вздыхать.

Они раз, другой обогнули общежитие. «Ноев ковчег», как в шутку назвал его Федор Федорович.

Обыкновенный четырехэтажный дом на шестьдесят квартир, отданный под молодежное общежитие. В

начале стройки этот дом действительно выглядел ковчегом, но только без Ноя. Сколько тут было пар чистых и нечистых, никто сказать не мог. Штатные сотрудники общежития, привыкшие работать в барачных условиях, здесь будто потеряли себя, растворились во множестве комнат. Этим незамедлительно воспользовались опытные холостяки. На лестничных площадках и в комнатах толкались девицы сомнительной репутации, густо пахло водкой, пивом. Собирались разные люди с гитарами и магнитофонами. Ночами перед выходными днями в отдельных квартирах забывали о соседях — включали на всю мощь радиолы, отплясывали твисты и шейки так, что стены и потолки ходуном ходили. А если кто-либо пытался утихомирить не в меру ретивых танцоров, получал угрожающий ответ:

— Не мешай весело отдыхать, иначе тебе скучать придется...

Казалось, этому не будет конца. Холостяки есть холостяки. Ставить возле каждого из них бригаду дружинников смешно, бесполезно и унизительно.

Но вот пришел новый комендант общежития — Федор Федорович Ковалев. Щуплый, на вид нерасторопный человек. Он не спеша обошел все комнаты, попытался, кто где работает, затем объявил:

— Жильцы размещены по комнатам без учета специальности и места работы. Поэтому начнем переселение. Старост комнат и ответственных за подъезд назначают руководители предприятий и строительных участков.

Несогласных с таким решением он не уговаривал, а писал рапортчики руководителям стройки: «Имярек выселяется из общежития, о чем ставлю в известность». Таких набралось в каждом подъезде по доброму десятку. И если до той поры в общежитии не появлялись ни прорабы, ни профорги, то теперь вместе с ними сюда приходят руководители участков, инженеры, сотру-

ники управления стройки, партийные и комсомольские работники. Всех расшевелил Федор Федорович.

Началась в доме нормальная жизнь. Если кто залобродит, затопаёт ногами, как заяц во хмелю, тому завтра же быть на ковре перед начальником участка или на собрании держать ответ перед товарищами.

Теперь подъезды называются по специальности жильцов: «бетонный», «монтажный», «автотранспортный». Лишь в «девятке», где староста Ярцев, состав неоднородный: три шофера, один инструментальщик и вот недавно подселили пятого — «сварщика по тонким швам» Мартына Огородникова, который сейчас остался без работы, и комендант почему-то, на удивление всем, не отсылает его.

— Вот так, — сказал Федор Федорович, — люблю пометать о будущем. Ведь чем меньше времени у тебя остается, тем дороже оно ценится, как последний червонец в кармане.

— Говорят, наоборот, — поспешил возразить Василий, удивляясь: «Неужели комендант знает о пропаже денег?» — Утверждают, у богатых копейку даром не возьмешь.

— Это скопидомы, — уточнил Федор Федорович. — Вообще-то, ты не так меня понял. Я веду речь не о рублях, которые можно разменять, отдать, возвратить. В другом плане смотри на мои заботы. Ты богаче меня во много раз. Время — твой капитал. Придет такая пора, когда все будет подчинено экономии времени. И завод вы сейчас строите такой, где заработок будет начисляться не по количеству затраченного труда на производство той или иной детали, а по количеству времени. В том вся суть автоматике.

— Откуда вы это знаете? — спросил Василий, довольный тем, что намек о червонце обрел иной смысл.

— Друг мой, я не первый день живу на свете. Но об этом было известно еще до моего рождения. Потом

дознаешься, кто так сказал, ведь ты вступил в партию коммунистов не для того, чтобы присутствовать в ней, а проводить ее линию в жизнь. В массовом производстве автомобилей возможен переход на повременно-премиальную оплату труда. Это дело реальное, но посмотришь, сколько возникнет вопросов. Как можно без сдельных расценок, без привычных тарифов повысить производительность труда? Сразу трудно будет понять и такое: а не потеряется ли личная инициатива? Так же недоумевали земледельцы в годы коллективизации, думали, что в том случае, когда один сеет, другой жнет, а зерно везет третий, будет обезличка. Но теперь, как видишь, все встало на свои места.

В рассуждениях Федора Федоровича угадывалось не просто философское настроение души, а реальное видение автоматических линий строящегося завода, движение конвейера, действия многих тысяч людей, их недоумение, словно это был уже не завтрашний день, а сегодняшний, и они — Василий Ярцев и Федор Ковалев — ходят по цехам завода озабоченные экономией времени людей и качеством собираемых автомобилей. Василий также почувствовал, что Федор Федорович готовит его к пониманию таких сложных вопросов завтрашнего дня, к преодолению трудностей перехода от сдельной оплаты труда к повременно-премиальной.

Автоматика... Интересно, как мог Федор Федорович опередить его, Ярцева, умеющего ремонтировать и грамотно водить автомобили, опередить в понимании сути массового производства автомобилей и проблем, связанных с внедрением автоматических линий, о которых идет много разговоров в связи с закупкой оборудования у итальянской фирмы «Фиат». Разговоров много, а вот так толковать еще никому не приходило в голову, во всяком случае здесь, среди строителей завода.

— Интересные мысли вы высказали, Федор Федорович. Тут есть над чем задуматься.

— Только учти, эту проблему с наскака не решишь. Вне времени ничего не бывает. Сейчас я тебе дам кое-какую литературу, почитай, а когда одолеешь, снова вернемся к разговору.

Скоро Василий Ярцев возвратился домой с кипой книг и журналов. Кроме того, Федор Федорович дал ему отпечатанные на ротапринте экономические расчеты по автоматическим линиям к главному конвейеру строящегося завода. Занятные цифры! Через каждые двадцать семь секунд будет сходить с конвейера готовая машина. Все в секундах, все в минутах. И формулы расчетов обозначены: «деталь», «узел», «фонд времени»... Не фонд денег, а фонд времени. То, о чем толковал комендант.

Ребята сидят тихо, пишут письма. Их вроде и не удивило, что так быстро вернулся староста. Или стоворились молчать?

Володя Волкорезов не выдержал:

— Послушайте, что моего батю волнует: «Не пора ли тебе, сын, жениться, не пора ли за ум братья?»

Володя — сын академика, интересный парень. Получил аттестат зрелости, но поступать в институт не захотел. Его призвали в армию, а после службы по комсомольской путевке махнул с друзьями на стройку.

— Пишу ему, — продолжал он серьезным тоном, будто в самом деле сейчас об этом думает. — Берусь, отец, крепко берусь, но, понимаешь, ум не лодка, не знаю, где у него корма, что касается женитьбы — подожду, еще не все туристские тропы исхожены...

Он действительно неутомимый турист. Даже зимой колесил вокруг Жигулей. Нагрузится, как ишак, и на двое суток уйдет. Много рассказывает о морях и океанах, о богатствах пищевых ресурсов в них.

— Что же не попросил батю послать тебя в экспедицию по изучению Атлантики? — спросили его как-то.

— У него свои планы, у меня свои, — неопределенно ответил он.

— Нельзя так обижать отца, — возразил ему Рустам Абсолямов. Этот всегда и во всем серьезен. Возит габаритные стройматериалы, но спит и видит диплом инженера-строителя. Упорный, такой своего добьется.

— Отец всегда остается отцом, — поддержал Рустам Витя Кубанец. Общительный и честный казак. Учится в вечерней школе. После одиннадцати классов собирается поступать в политехнический институт, чтобы стать программистом электронно-вычислительных машин. Не раз встречали его ребята с девушкой из бригады цитукатуров, но расспрашивать не решались, ждали, когда сам расскажет. И вдруг сейчас, как снег на голову, откровение: — Мы с Полиной решили пожениваться, хотим иметь ребенка. Такую девушку невозможно не любить...

Василий подумал: «Пора подыскивать для Виктора отдельную комнату. Но где ее найдешь?.. Однако к чему они ведут свой разговор?»

— Витя, ты, кажется, что-то сказать мне хотел?

— Все, что хотел, уже сказал.

— Не хитри, по глазам вижу.

— Вот молодец, догадался. Раз так, займемся делом. — И Кубанец попытался перевести разговор на аварию в Переволоках.

— Не трать напрасно время, — прервал его Василий. — Федор Федорович дал мне только до утра один материал. Лучше давайте читаем...

2

Две недели не показывался в общежитии Мартын Огородников. Где он скитался, никто не знал. В субботу вечером его койку занял новый жилец, не менее забавный парень: низенький ростом очкарик. Назвал

себя Афанасием Ямановым, оформился бетонщиком. Кому пришло в голову ставить такого на бетонирование, просто смешно: попадет под раствор — блин из парня получится. Но он хорохорится: справлюсь, говорит, не привыкать, уже вибратор подобрал по руке.

Едва успели поужинать с новичком, как появился Огородников. Увидел Василия, бросился на шею:

— Это ведь я на выручку тебе людей посылал. Бежал изо всех сил и ногу вывихнул. Вообще-то вывих у меня врожденный. Из-за него в армию не взяли. А теперь пришлось две недели в больнице проваляться.

Он показал справку: «Находился на излечении по поводу травмы правой ноги». Бумага с печатью, подписана врачом сельской больницы. По ней должны выписать бюллетень и начислить сто процентов среднего заработка, если Ярдев сумеет оформить своего стажера задним числом в штат автоколонны.

— Он сам почти за штатом, — бросил Витя Кубанец.

— Понимаю. Что же со мной будет-то? И место мое, вижу, другой занял.

— Не горюй, найдем выход.

Командант распорядился поставить дополнительно койку и объявил:

— Завтра жильцы нашего общежития всем составом выходят на комсомольский субботник. Надеюсь, не подведете?

— Не сомневайтесь, Федор Федорович, я сумею организовать коллективный выход, — заверил Огородников.

Командант только головой покачал: ну и организатор!

Работать пришлось в корпусе вспомогательных цехов, или КВЦ, как его называли здесь. Завод в заводе... Пока строится главный корпус, пока возводятся стены для размещения огромного количества разных агрегатов и конвейерных линий автомобильного гиганта, в

КВЦ уже начинается заготовка инструментов, шаблонов, отладка автоматов и сколачивание экипажей ремонтников, наладчиков. Монтаж станков и оборудования в этом корпусе завершился, но сантехники не успели создать запланированный микроклимат. Поставщики оборудования конденсированного воздуха выполнили заказ с опозданием. Поэтому здесь пока жарко, пыльно и санузелы работают с перебоями. Требовалось срочно оказать помощь санмонтажникам. Комитет комсомола стройки объявил субботник — молодежный аврал слесарей, сварщиков, электриков.

Руководил расстановкой людей главный энергетик сантехмонтажа Булан Буланович. Он был вконец заматан и задерган. Еще бы не быть таким, когда со всех сторон подгоняют! А тут вон сколько народу собралось, только из одного молодежного общежития более четырехсот человек — каждому дай работу по специальности. Хорошо еще, что помог комендант общежития Федор Федорович. Он называл номер комнаты, и вперед выходили бригады слесарей, электриков и монтажников. Оставалось указывать участок работы с учетом состава каждой бригады. Дело пошло веселей...

Казалось, долго и беспорядочно будет топтаться на месте девятая бригада: ее состав по профессиям разноликий. Однако Огородников нашел короткий ход. Узнав имя и отчество главного энергетика, он без вызова подошел к нарядчику.

— Булан Буланович велел дать нам тонкую работу. Я из девятой бригады универсалов.

— Сколько вас?

— Шестеро.

— На калориферы, в кузнечно-прессовый цех, получите наряд.

— Слушаюсь... Ребята, за мной!

— Стоп! — задержал его главный энергетик. — Кто велел дать тебе тонкую работу? Я — Булан Буланович.

— Вот я вас и ищу. Комендант послал. Мы универсалы.

Булан Буланович подозвал коменданта. Тот смущенно окинул взглядом Огородникова и подтвердил, что девятая бригада по составу универсальная: два автослесаря, один инструментальщик, один электрик, один сварщик, один бетонщик.

— Ладно, — согласился Булан Буланович, — пусть идут в кузнечно-прессовый цех на подвеску калориферов и труб. Там есть наш прораб, подскажет.

Прежде чем приступить к стыковке труб, «универсальная бригада» занялась разборкой склада сантехники. Эта работа пришлась по душе Огородникову. Пробираясь к штабелю труб, он азартно раскидывал пустотелые гильзы конденсаторов, маркировочные шаблоны из жести, листы рубероида, тюки стекловаты, успевал сунуть в карманы какие-то шайбочки и наконечники — все это пригодится не сегодня, так завтра, надо быть запасливым. Добравшись до труб, начал командовать:

— Сначала вот эту берем, ребята. Берем!.. Теперь вот эту. Раз-два... взяли! Давай, давай! На плечо, пошел!..

Пока разносили трубы по фронту стен и блоков цеха, Огородников вдоволь натешился над Афоней Ямановым, новым жильцом девятой комнаты:

— Эй, ты, маломерок, сачковать собрался, не выйдет... Подставляй плечо, я тебе помогу...

Афоня подставлял плечо, Огородников наваливался на него вместе с трубой, затем приказывал продвинуться назад, под центр тяжести трубы и только после этого брал облегченный конец на свое плечо.

— Вперед, вперед! — покрикивал он, подергивая трубу, норовя сбить паренька с ног для потехи окружающих. Тот не падал, лишь изредка припадал на колени, оглядывался на крикуна, привставал и снова ощущал толчок.

— Может, хватит издеваться? — не выдержал Володя Волкорезов, когда Огородников уронил свой конец трубы так, что она сшибла Афона с ног.

— Ха, кто над ним издевается? Дрын получился. Позвонит в ушах и пройдет. Понимать надо своего напарника без лишних слов, по чутью.

— Уже понял. — Афоня сжал голову руками.

— Добрался до права командовать, как Мартын до мзла, и не знаешь, кому боль причинить, — заметил Володя, поглядывая на Ярцева. Огородников тоже покосился на старосту, ожидая упреков. Но тот промолчал. Вообще, последнее время Василий Ярцев замкнулся, ни с кем не разговаривает, никому не смотрит в глаза и, кажется, доволен тем, что Огородников подмывает его на субботнике.

— Я ему не боль, а понятие о совместимости внушаю. Без этого теперь нельзя.

— Без чего: без боли или без твоего участия в разработке теории о производственной совместимости? — спросил Огородникова Афоня.

— Вот ты какой... Недомерок, а вопросы по-ученому задаешь.

Тут вмешался Рустам Абсолямов:

— За то, что обозвал недомерком, извинись или ползешь отсюда на четвереньках с «производственной травмой»...

— Пожалуйста... Могу оставить вас, если староста разрешит, — отступая перед Рустамом, залепетал Огородников.

— Можешь считать — разрешил. Мотай без оглядки.

Рустам напирал на Мартына грудью. Тот трусливо дтяился. Афоня преградил ему путь отступления связкой из тонкой проволоки, приготовленной для обмотки теплоизоляционных труб. Одна нога Мартына попала в петлю, затем вторая. Огородников закрутился,

затренихался, как воробей, оказавшийся в ребячьих силках.

— Помогите! — закричал не своим голосом.

— Не убегай вперед пятками. Сейчас распутаем, — успокоил его Афоня как ни в чем не бывало.

— Ух, напугал, думал, без ног останусь, — выживившись из петель, облегченно вздохнул Мартын и убежал...

• Стыковка труб не требовала особых навыков и знания слесарного дела до тех пор, пока не подошли к установке воздушных фильтров перед вентиляторами у прессовых агрегатов. Разбиравшийся в электротехнике Витя Кубанец окончательно запутался в схемах подключения холодильных и обогревающих камер, так как пояснения к ним напечатаны на «трофейном» языке, — трофейным он называл все иностранное. Более или менее правильно переводил отдельные фразы новичок в очках, бетонщик Афоня Яманов. Но как прикрутить указанный в схеме переключатель коллектора, когда в наличии не оказалось двух соединительных штуцеров? Иностранные фирмы комплекты не посылают. Куда же они делись?

— Надо вернуть Мартына, — сказал Афоня, — он совал себе в карманы какие-то железки.

Через несколько минут Абсолямов привел Огородникова:

— Выворачивай карманы!

Огородников зло рыкнул на Афоню:

— Угледел, очкарик!.. Я же говорил, что не обойдетесь без меня...

На панель высыпались болтики, шайбы и два бронзовых наконечника, похожих на соски полевого умывальника. Это и были соединительные штуцеры.

— Ну, сколько тебе за это дать?! — возмутился Кубанец. — Прохиндей!

Огородников, отступая, бесстыже хлопал глазами:

— Пожалуйста... Только сначала оцените, на какой участок я вас вывел. Нам просто повезло, ребята. Чистая и тонкая работа досталась. А вон рядом три бригады в уборных порядок наводят. Еще четыре бригады из третьего подъезда вкалывают на расчистке водосточков. На чертей похожи. Там два моих знакомых конструктора с горьковского автозавода, специалисты экстра-класса, по пояс в грязи.

— Кто так бесплатно врет? — прервал Огородникова незнакомый голос за спиной.

— Сегодня все бесплатно рубают.

— «Рубают» за столом, а на субботнике трудятся, — уточнил секретарь парткома.

Рядом с ним стояли комендант общежития и Булан Буланович. Все трое были чем-то похожи друг на друга, и костюмы на них одинаковые — в извести, мазуте, брызгах каких-то растворов. Они, видно, в самом деле спускались в колодцы водосточков и раскупоривали там пробки из строительных отходов. В руках Булана Булановича желтел клубок ржавой проволоки и монтировочный ключ от грузовика.

— Он у нас универсал и за столом трудится безвозмездно, — ответил секретарю парткома Володя Волкорезов, чтобы как-то скрыть неловкость за свою бригаду: шестеро топчутся перед какой-то схемой, а кругом работа кипит.

— Когда детей кормят с ложки, это трудный период для них, — заметил секретарь парткома. Он, вероятно, уже кое-что знал об Огородникове от коменданта. — Только не перекармливайте, отрезька появится.

Подошел генеральный директор завода. Тоже в рабочем костюме.

— В чем задержка? — спросил он.

— Сейчас будем устранять, — ответил Булан Буланович.

— Снепните, не торопись. После обеда попробуем

пустить эти агрегаты на полную мощность. Пусть участники субботника посмотрят на работу прессов и подышат прохладным воздухом...

Витя Кубанец, Володя Волкорезов, Рустам Абсолямов, Василий Ярцев и Афоня Яманов, стараясь наверстать упущенное, отказались от перерыва на обед. Огородников принес треугольные пакеты с молоком и булки с «вкладышами» буженины. Закусили на ходу и снова за дело. Задержался здесь и Булан Буланович. Гибкий, ловкий, он сноровисто усаживал радиаторы в свои гнезда. Подоспело подкрепление — бригада сантехников из резерва главного инженера.

Наконец включили один калорифер, другой, третий... Повеяло прохладой, воздух посвежел, дышать стало так легко, будто не было усталости. Но еще не ладился отсос воздуха через подвальные вентиляторы. Металлическая пыль и кузнечный смрад тяжелее воздуха, не должны попадать в легкие, они будут уходить в нижние люки.

— Ребята, внимание! — заговорщически произнес прибежавший Огородников. — Сюда идет начальство, которое всем дает дрозда. Особенно один — высокий, в гимнастерке, вроде военный — Шатунов, того и гляди, ижицу проишет. Заместитель секретаря парткома, но надо знать: «Не так страшен сам, как его зам».

И Мартын не ошибся. Еще не успев остановиться. Шатунов постучал ногтем по часам на руке.

— Какой срок установил вам генеральный директор?

— Срока не устанавливал, но мы знаем: после полудня будет пуск прессовых агрегатов, — ответил Булан Буланович.

— Знаете и прохлаждаетесь перед калориферами... Вот посмотрите, Олег Михайлович, — Шатунов повернулся к своему спутнику. — Они тут, как на прогулочной лодке, под ветерком, а дело стоит...

Жемчугов не спеша окинул взглядом людей и, растегнув воротник нейлоновой рубашки, ответил:

— Когда техника стоит, люди думают.

— Где думают, там и дремлют.

— Таких не вижу. — Жемчугов попытался охладить пыл чем-то разгневанного Шатунова, но тот не унимался.

— А это что? Смотри, какой увалень лежит...

Шатунов подошел к Ярцеву, который, лежа на животе перед открытым люком, подтягивал болты соединения, пропускающего воздух.

И тут произошло то, чего никто не ожидал. Шатунов, не нагибаясь, тронул Ярцева ногой:

— Проснись...

Тот не пошевелился, будто пытаюсь определить, кто с ним шутит.

— Проснись и встань, — повторил Шатунов, — хочу посмотреть на тебя.

Ярцев понял, что с ним не шутят, поднялся. В одной руке отвертка, в другой раздвижной гаечный ключ. Спросил спокойно, ровным голосом:

— Какой сегодня день, суббота или понедельник?

— Наконец-то проснулся... А я ведь где-то встречал тебя. Не помнишь? — спросил Шатунов, не зная, как справиться с собой: не привык он извиняться перед людьми, что ниже его по положению.

Жемчугов хмуро взглянул ему в глаза: дескать, промах получился, остыть пора. Но тот постарался не заметить этого.

— Помню, — ответил Ярцев. — Встречались один раз на заседании парткома в день приема меня в партию. Ярцев.

— Ярцев... И ты, Ярцев, недавно принятый в партию, показываешь такой пример?

— Какой?

— Все видели... Придется встретиться с тобой еще раз в парткоме. Постараемся исправить свою ошибку: аварийщик и тут кавардак наводишь...

— Кавардак, — Ярцев нахмурился, сделал шаг к Шатунову. — Вот вам мой ключ, отвертка. Лезьте исправлять этот «кавардак»...

Трудно сказать, чем бы это закончилось, если бы сию же секунду не встали между ними сразу трое — Рустам Абсолямов, Володя Волкорезов и Витя Кубанец, а смекалистый Афоня Яманов вырвал из рук Ярцева ключ, отвертку и нырнул в люк.

Шатунов, отступая, нацелил прищуренный взгляд на Ярцева:

— Вот как, целую шайку скототил... — и, круто повернувшись, размашисто зашагал к выходу.

Удивленно пожав плечами, за ним последовал и Жемчугов. Кинувшийся было сопровождать их Огородников моментально вернулся.

— Ребята, я тут ни при чем: к прохладе их позвал, а получился кипяток... Молочка принести? — и, не дождавшись ответа, убежал догонять «начальников».

Недоуменно переглянувшись, сантехники продолжали свою работу. Ярцев, склонив голову, остановился перед люком. Стоял окаменело. Плечистый, в армейских брюках и изрядно потрепанных солдатских ботинках, он чем-то напоминал со спины восклицательный знак, поставленный в конце грустной фразы. И, вероятно, такая окаменелость могла продолжаться еще не пять, не десять минут, если бы тут не появились кузнецы — экипажи кузнечно-прессовых агрегатов: три четверки в синих, хорошо отглаженных комбинезонах с широкими карманами на «молниях». Молодые, по-праздничному настроенные ребята. По всему видно, что это уже слаженные экипажи. Вместе с ними пришел шеф-монтажник, всегда веселый итальянец синьор Беллини. Здраваясь с каждым за руку, он

подошел к Ярцеву, заглянул в лицо и, вскинув брови, улыбнулся:

— Зачем так грустно смотрим? Большая суббота — праздник.

— Праздник, — ответил Ярцев и тоже улыбнулся.

— Брависсимо. Мы тоже суббота. — Беллини постучал себя в грудь, затем, хлопнув Ярцева по плечу, повернулся к экипажам кузнецов: — Сегодня тавай-тавай не будем. Тавай-тавай плохо. Сегодня работа, ритмо, музыка...

Его игриво-ироническое осуждение нашего «давай-давай» означало, что сегодня он пришел на субботник тоже добровольно и настроен хорошо. Это как-то сразу передалось всем присутствующим. В самом деле, разве можно за счет одного недоразумения свести на нет всю суть такого трудового дня, названного субботником!

Подготовка агрегатов к пуску закончилась. Начался разогрев поковочного материала — полосового железа, из какого обычно куют тесаки, подплужники, полозья, пешни, ухваты. Здесь этому железу суждено превратиться в ажурные диски роликов, по которым будут скользить бесконечные цепи конвейера. Над козырьками прессов вспыхнули зеленые лампочки. Кузнецы заняли свои места. Каждый положил руки на стол, будто готовясь к собеседованию, отдыхая. И только после этого сработали механизмы. Все получилось как-то неожиданно быстро и красиво. Без оглушительного грохота, без искрометных вспышек заработал кузнечный цех. Каждый агрегат будто играл сам с собой в ладошки. Хлоп-хлоп — и готовая деталь катится к тележке транспортера. Снова кузнецы кладут ладони на свои столики — и снова хлоп-хлоп! Под ладонями у них контактные линейки. Руки заняты — не нажмешь... И если один нажал или даже трое, а четвертый смахивает окалину — хлопка не жди.

Постепенно темп работы прессов стал нарастать, но не за счет быстроты взлета и падения подвижных частей, — они работают на своем режиме, их ничем не подгонишь, — а за счет слаженности экипажей. И действительно, послышалась какая-то музыка, ритмичная и мягкая, с напевным металлическим звоном. В такт с этой музыкой легко и непринужденно покачивались кузнецы — каждый экипаж в своем ритме.

Ярцев, еще не успев подавить раздражение, вызванное стычкой с Шатуновым, окинул взглядом своих друзей. Они стояли возле коменданта общежития, как замороженные, ничего не замечая, кроме слаженных действий экипажей и удивительных преобразований красной ленты полосового железа в бордовые бантики, затем в сизые сдвоенные диски. На лицах друзей читалось восхищение: эх, нам бы достигнуть такого понимания между собой! Но что-то мешает. Что же? Собрались в одной комнате разные по профессиям и по взглядам на жизнь парни. Да, разные. Но ведь и эти кузнецы, как видно, родились, росли и воспитывались не в одной избе...

Кажется, об этом же думает Федор Федорович. Он, как под гипнозом, качает головой — вверх-вниз — вслед за взлетом и падением «молотов». По-другому он не мог назвать эти части кузнечно-прессовых установок. Молоток, кувалда, зубило, лопата, топор — в былую пору именно этими инструментами его поколение утверждало себя в труде. Копай себе лопатой, сколько копается, руби железо зубилом, сколько рубится, хоть на общее дело, но гонишь норму в одиночку, а здесь...

Федор Федорович любит пофилософствовать и наверняка сейчас мысленно заглядывает в свое прошлое и перешагивает в завтрашний день. Экипажи, автоматика и труд — радость и гордость человека за свой разум... Восхищенный взгляд Федора Федоровича устремлен куда-то вдаль.

Перед ним прошел тоже озабоченный синьор Беллини: ждет заводское начальство вместе с представителями шеф-монтажной фирмы, но их все нет и нет. Возле Беллини топчется Мартын Огородников. Тянет Мартына к иностранцам, прямо хлебом не корми. Не зря же еще до приезда на стройку нарядился под итальянца. И сейчас, называя Беллини тезкой, похлопывает его по плечу, как равный равного.

— Давай, тезка, давай, Марино, еще наддай..

— Нет тавай, нет. Ритмо есть, ритмо.

И, вероятно, такое поведение Огородникова тоже заботило сейчас Федора Федоровича.

Наступил вечер, но никто не покидал кузнечно-прессового цеха. Рустам, Витя, Володя, Афоня, Василий наблюдали за работой кузнецов до остановки всех механизмов.

— Говорят, ни физической усталости, ни морального утомления от такой работы нет, — заметил Володя Волкорезов после разговора с кузнецами, когда возвращались в общежитие.

— А почему не все участники субботника пришли посмотреть на работу агрегатов? — спросил коменданта Витя Кубанец. — Ведь генеральный директор говорил: показать...

— Себя спросите, — уклончиво ответил Федор Федорович и, помолчав, напомнил: — Жемчугов сказал: ваша бригада сорвала пуск кондиционеров, вроде нечего смотреть, одно раздражение...

— Жемчугов?! — удивился Володя Волкорезов. — Впрочем, может быть. Покажи всем такую красоту труда, и начнется утечка людей из котлованов и с автобаз. Я инструментальщик, но даже меня потянуло на эту работу...

— Тихо, дезертиром объявят, — одернул его Витя Кубанец, подкашливая: дескать, тут все согласны с таким мнением, но кричать об этом не следует. —

Есть указание закреплять кадры в строительном управлении.

Возле подъезда Василий Ярцев спохватился: не зашел на почту, уже второй месяц мать ждет перевода. «Надо поскорее умыться и сбежать, до закрытия успею», — решил он.

Дома умылся, переделся и только тогда обнаружил на тумбочке открытку от матери.

«Дорогой сынок! Получила от тебя сразу два телеграфных перевода по 25 рублей. Зачем так трагиться на почтовые расходы? Если оставлял себе, а потом передумал, то зря. Я и так перебьюсь. Не смущай меня на тревожные думы.

Мама».

Прочитав открытку, Василий нахмурился: значит, ребята заметили, как он обнаружил пропажу, и решили складчину устроить. Переводы делали в два приема. Кто с кем? Рустам и Витя — один перевод, Володя — второй. Телеграф принимает деньги без предъявления документов. Можно написать любой адрес, оплатить перевод — и до свидания.

— Где Огородников? — спросил Василий.

— Зачем он тебе?

— Нужен, может, теперь сознается. Вот вам пятьдесят рублей, которые перевели в два приема по четвертной. Матерей обманывать нельзя. Зачем вы это сделали?

3

После субботника Афоня Яманов будто сразу стал выше ростом в глазах жильцов девятой и уже не вызывал недоумения, что осмелился пойти в бетонщики. Не такой уж он хилый и беспомощный очкарик. Как измывался над ним Огородников, а он выдержал. И

хоть к утру следующего дня правое плечо у него припухло, над ключицей появился синяк, вроде погона с розовым кантом из живой кожи, он будто забыл, чем это вызвано. Встал, накинул на больное плечо полотенце и ушел умываться, с улыбкой поглядев на ребят близорукими глазами, отчего всем стало стыдно: как же не пресекли такую злую шутку вчерашнего самозванца бригадира?

Кажется, больше всех переживал Рустам Абсолямов. Сдернув с Огородникова одеяло, он, еле сдерживая возмущение, которое надо было высказать вчера, потребовал:

— Встань, взгляни, что сотворил с парнем! — В хрипловатом голосе Рустама прозвучала такая внушительная угроза, что Огородников сразу понял, о чем речь, вскочил и, как ошпаренный, бросился за Афоней в кухню. Через некоторое время они вернулись вместе.

— Ведь вы тоже мне испуг устроили, в петлю ноги загнали, а с ним дрын получился, — оправдывался Огородников.

— Сам ты дрын, — прервал его Рустам и строго спросил: — Извинился?

— Извинился, — ответил за Огородникова Афоня и застенчиво упрекнул Рустама: — Зря ты начал разговор: кость уцелела, а синяк — пустяки, сойдет.

— Вот ты какой терпеливый, вроде исусика, — кольнул его Володя Волкорезов с явным намерением заставить разговариваться: интересно все же, каким ветром забросило сюда, в эту многолюдную коловерть, такого хлипкого очкарика?

Тот понял язвительность Володи, ответил, не скрывая жестковатости в голосе:

— Прыткий ты, видать, на слово. Я прибыл сюда по комсомольской путевке. — И тут же, прикинувшись чудачком-простачком, поведал о себе какими-то неприличными, заковыристыми словами: — Из Сибири я, с

Кулунды. Спервоначально о себе, а вдругорядь вы мне про себя... Фамилия моя от чалдонского слова «яман» — козел значит. Вот получилось вроде Козлов-Яманов. Отец хлебороб. И я, значит, оттуда, с хлеборобных просторов Кулунды.

— А что же ты, браток, покинул свои хлеборобные просторы? — как бы подстраиваясь к незнакомому строю речи, спросил Володя.

Афоня тоскливо посмотрел на него через увеличительные стекла очков и ответил уклончиво:

— Враз понятию не взять. Как-нибудь потом.

Сели завтракать. Дежурный Витя Кубанец приготовил на пятерых по глазунье из двух яиц каждому, по чашке кофе и куску хлеба с маслом.

Афоня разделил свою порцию с Огородниковым, который тоже сел за стол рядом с ним.

Одевались не спеша.

— Ты считаешь, что в земледелии мы тумаки? — натягивая робу, спросил Афонию Володя Волкорезов.

— Не считаю. Захворала там земля, надолго захворала, — вздохнул Афоня.

— Как это понять?

Афоня подумал и на вопрос ответил вопросом:

— А ты про черные бури в Кулунде слыхал? — Он задумчиво посмотрел прямо в глаза Володе Волкорезову. — Черные бури... Зимой и летом они стали приходить. Ветровая эрозия, значит, пашни истощает донельзя. Вот уже который год подряд ветер губит посевы, выдирает из почвы и зерно, и гумс. И там, где пашни остались без гумса, теперь гольши из окаменелой глины лежат. Земля вроде кулаки показывает тем, кто вспахал степь сплошными гонами от горизонта до горизонта. От этих гонов и вспыхнула болезнь. Ее называют ветровой эрозией. Эрозия — это рак земли, сеять хлеб на ней — пустое дело... Лечить ее надо, долго лечить.

— Как?

— Не знаю. Отец говорит: травяной пластырь нужно накладывать. Сейчас сорняк будут сеять, потом раз-нотравье...

К вешалке подошла кошка по кличке «Тигрица». Она потерлась возле ног Афони и тут же принялась точить ногти об пол. Афоня зло отшвырнул ее:

— Уйди, пакость!

— Это Тигрица, будь осторожен, глаза выдерет.

— Выдерет, задушу.

— Кошкодавом прозовут, — предупредил Володя.

— Ну и пусть, — без смущения ответил Афоня.

— Посади ее на больное плечо вместо компресса, прогреет.

— Вибратором разогрею... А на эту кошку я зипунок накинчу...

В самом деле, не прошло и недели, как Тигрица куда-то исчезла. Ребята возмутились.

— Здесь без Афони не обошлось, мялку бы ему за это устроить.

Афоня отмалчивался, будто разговор не его касался. От роду ему двадцать один год, но большие роговые очки старят лицо. Он похож на мальчишку комплекцией. Таких обычно в школе называют головастиками в очках. Служить бы ему сейчас в армии, да не прошел по зрению. Какой смысл трести его за грудки из-за какой-то кошки, еще без очков останется. А руганью не проймешь — найдет ответ, на то и головастик. Решили наказать его заговором молчания: не разговаривать с кошкодавом.

Афоню, кажется, не угнетала такая обстановка. Он все время был чем-то занят, что-то мастерил. Через неделю вместо гвоздей над каждой койкой появились рейки с крючками и кнопками для крепления откриток и картин, в прихожей — самодельная вешалка, перед порогом — половичок, сплетенный из обрывков про-

водов в капроновой изоляции. И, вообще, вся квартира, занятая холостяками, стала обретать домашний уют.

Первым отказался от своей меры наказания Витя Кубанец.

— Где Тигрица? Ты, конечно, знаешь?

— Знаю, — спокойно сказал Афоня и снял очки. — Видишь швы над бровями?.. Когда мальчишкой был, лихоманка меня трепала. Молоко от бруделлезной коровы такую болезнь приносит. Жена дяди не знала, что ее корова больна, и поила меня таким молоком. Ломало, трясло даже в солнечные дни. Положили меня раз на голбец под шубу. Лежу, дергаюсь, а кошка с печки наблюдает. Чуть только я пришел в себя, высунил голову, а она, опалелая, — и моргнуть не успел, — вонзила свои когти прямо в глаза... Мать рассказывала, вытекли бы, да спасибо врачам, спасли...

В комнате повисла тяжелая тишина.

4

Наступила слякотная осень.

Вслед за корпусом вспомогательных цехов входили в строй литейный, прессовый, механосборочный. Начался монтаж первой линии главного конвейера. Жизнь в цехах преобразалась, как в сказке: лег спать в завалах ветролома — проснулся в мире оживающих механизмов... Только здесь благоденствовали не духи добрых ночных волшебников, а сотни, тысячи монтажников, наладчиков, слесарей, техников, механиков, инженеров. Они работали днем и ночью, круглосуточно, находили общий язык и с молчаливыми громадинами чугунных станин, и с прихотливыми подвесками к ним из звонких металлов, распутывали паутину силовых и слаботочных схем электропроводки, подключали их к контактам, а затем легкое нажатие пальца на

кнопку пульта управления — и все начинало дышать, двигаться, вращаться.

На улицах осень, а под крышами корпусов на пустых объектах светло, со всех сторон веет теплом. Пожить бы тут, забыв про осень, поблаженствовать тем, кто создавал такие условия, да где там, не положено. Строителей и монтажников вытесняют литейщики, штамповщики, сборщики автомобилей. Как будут зауждаться автомобили, как они будут обрастать деталями, приобретая свою ажурную форму, наконец, сойти с конвейера и мчаться на обкаточный трек — многим строителям не суждено увидеть. Для них уже маячат зеленые светофоры на пути к новым строительным площадкам.

Такая перспектива не радовала ни Рустама Абсолямова, ни Витю Кубанца, ни Володю Волкорезова, не говоря уже о Василии Ярцеве, у которого после аварии в Переволоках осложнилось дело так, что он, оставшись без водительских прав, не мог и думать об уходе из автоколонны. Кто возьмет аварийщика? Надо ждать окончательных выводов автоинспекции. Когда это произойдет, никто сказать не мог. Экспертиза по каким-то причинам затянулась. Убытки за ремонт и двухсуточный простой самосвала возмещены, однако из управления строительства дана установка «с решением вопроса о Ярцеве не спешить»...

Не спешить... Но ведь кадровики автозавода уже начинают комплектовку экипажей. Друзья Ярцева приехали сюда не только строить завод. У них мечта — работать в одном из цехов. Ради этого инженеры и техники с дипломами по году и больше работали опалубщиками, такелажниками. Пойти втроем, без Ярцева, — предательство, и кадровики предпочитают брать сработанные четверки, шестерки, восьмерки — экипажи! О подключении к четверке вместо Ярцева вихлястого Мартына Огородникова не может быть и речи.

Подведет экипаж очередным фокусом, которых у него неистощимый запас. Трудно понять, на что он способен: то совершенно наивный ребенок, то на редкость ловкий хитрец себе на уме.

Ярцев чувствовал, чем озабочены его друзья, посоветовал:

— Присмотритесь к Афоне Яманову... Хотя некомплектный в нашей комнате получился экипаж, но выход можно найти.

В тот вечер Афоня Яманов где-то задержался. Его ждали два парня из соседней квартиры, а также Рустам и Витя. Они учились в одиннадцатом классе вечерней школы, и для них Афоня был сущим кладом — в любой момент мог дать консультацию по истории и по литературе. Возьмет программу и начнет рассказывать — заслушаешься. Афоня тратил на это два вечера каждую неделю.

Но вот сегодня он будто бы забыл о своих обязанностях, не пришел к назначенному часу. Опаздывал и на коллективный ужин, чтобы отметить полугодие посвящения в рабочий класс.

Непривычное опоздание такого пунктуального человека встревожило всех. Сначала поглядывали в окна, затем, не стовариваясь, вышли на улицу: решили пройти по соседним подъездам — не забрел ли Афоня к кому! Звонили на строительную площадку — и там его не было. Оставалось заявить в милицию...

Ужин давно остыл, когда осторожно скрипнула дверь. На пороге стоял Афоня в рабочей куртке, на ногах — рваные галоши.

— Где сапоги?

— Сапоги? — Афоня поморщился. — С сапогами, братцы, беда стряслась, в бетоне остались.

— Ну и ну... — сказал Володя Волкорезов, окинув взглядом товарищей.

А Афоня продолжал:

— Пришло в одночасье три самосвала, вроде в супряжке, и бух мне на бахилы свой груз. Тычу вибратором в воздух: куда вы, варнаки, валите?! — и чую, как за голенищами бетон твердость набирает. Кумекаю, костыли мои, значит, в бетоне упокой обретают. Жалко сапоги, однако ноги нужнее. И давай выдергивать их. Дерг да дерг, дерг да дерг... Три часа дергал. Наконец приноровился, выдернул — и домой. По дороге чьи-то галоши догнал. Вот они и донесли меня к вам, хоть с опозданием, но, как видите, без ущерба и проколов...

— Загибашь ты, Афоня, крепко загибашь, — сказал, улыбаясь, Ярцев.

— Вот молодец, Василий Ярцев, разгадал мой ребус, но не полностью. А я приготовил его специально для тебя. Без прокола у тебя, Вася, дело обойдется!.. — Он достал из-за пазухи газеты. — Вот на, читай, на второй полосе. «Ротозейка на дороге». Ирина Николаева про твоё мастерство пишет... Здорово пишет! В испытатели тебя прочит. Готовый, говорит, то бишь пишет, ас — испытатель за рулем самосвала.

Афоня вручил всем по экземпляру газеты. Запахло типографской краской. Кто-то заметил:

— Газета не сегодняшняя, а завтрашняя.

— Живу на день вперед, — ответил Афоня.

Стало ясно, что пришел он так поздно неспроста и придуманная им история с сапогами всего лишь неудачная маскировка какого-то доброго дела в пользу Василия Ярцева.

— «Ротозейка на дороге», — внятно, как по радио, прочитал заголовок Володя Волкорезов и, передохнув, пошел по тексту: — «Было это в Переволоках. Перегруженный самосвал снукался под уклон с повышенной скоростью — отказали тормоза. Водитель, шофер второго класса Василий Ярцев, принял все меры к тому, чтобы погасить скорость и не допустить аварии, а

она стояла на дороге и любовалась собой. И быть бы ей под колесами самосвала, если бы в последнюю секунду...»

Далее рассказывалось все, как было на самом деле. Василий слушал и не верил своим ушам. Он поразился, как Ирина сумела разгадать, что мелькало у него в голове и перед глазами в ту напряженную секунду?.. Она оправдывает шофера и обвиняет «ротозейку». Читателю неизвестно, кого она называет так, но Василий то знает — себя обвиняет. Обвинить себя, да еще публично, через печать! Эх, если бы все так поступали!..

— «На место аварии прибыли специалисты, — продолжал читать Володя, — в том числе начальник испытательного полигона будущих скоростных легковых автомобилей строящегося завода. Они установили...»

В этом абзаце Ярцев сделал для себя открытие: оказывается, маневр самосвала с асфальта через кювет и обратно в кювет обследовали специалисты, даже руководитель группы испытателей будущих автомобилей, который сказал, как пишет Ирина: «Шофер самосвала с большим риском для себя действовал расчетливо и точно, как опытный испытатель...»

— Во, слышишь, Вася, какую аттестацию тебе даю! — заметил Володя.

— Это уж слишком, — смутился Ярцев, а про себя подумал: «Ирина оправдывает меня, подкрепляя свои суждения высказываниями авторитетов. Зачем она это делает? Разве ее правда и самообвинение потеряли бы силу без авторитетов? Она действительно честная, но, видно, еще робеет даже перед собой. Перед самосвалом стояла с безрассудной храбростью, а тут за спину авторитета нырнула...»

— «После аварии, — читал Волкорезов, — шофер Василий Ярцев, закончив ремонт самосвала, по собственной инициативе организовал внеурочный профилактический ремонт тормозных систем во всем парке.

Эта работа продолжается. Василий Ярцев считает: машины должны выходить на трассы с надежными тормозами. Но и ретозеек на дорогах не должно быть».

«Это правильно», — заключил про себя Ярцев.

— Молодец, Вася! — похвалил Володя, откладывая газету. — Ну а теперь давайте ужинать.

— Не Вася молодец, а эта самая Ирина Николаева, — неожиданно поправил его Афоня. — Она умный и честный человек.

«Умный и честный..», — про себя повторил Ярцев слова Афоня. — Это, пожалуй, верно. До того честная и откровенная, что забыла сказать или не захотела трогать того самого главного, что возмущало меня тогда до темноты в глазах и возмущает сейчас: как избавиться от привычки выпускать детали с недопустимыми допусками — «не заклинили, и ладно».

— Она говорит, — продолжал Афоня, — аварий на дорогах в сто раз было бы меньше, если бы все умели так держать руль, как держит Василий Ярцев. Так и сказала при мне редактору газеты и начальнику автоинспекции города, который был приглашен в редакцию на обсуждение статьи...

— Постой, постой, — перебил его Витя Кубанец, — теперь нам ясно, кому ты одолжил свои сапоги.

— Ну и одолжил. А что тут выяснять? Доехали на автобусе до нашей остановки. Сошли. Я уже дома, а ей шпатель по грязи вон куда... На ногах туфельки... Как бы ты поступил на моем месте?

— Пригласил бы на ужин, — ответил Виктор.

— Не догадался... — огорчился Афоня.

— Уж не влюбился ли?

Тут поднялся Ярцев:

— Ладно, садимся ужинать. Нашелся босой сын, теперь можно и о себе подумать.

Афоня понял, что друзья не без тревоги ждали его, поэтому легко вскочил с койки, сунул ноги в модельные

туфли, что стояли под койкой Ярцева — своих у него еще не было, — и к столу.

— Какую тему дали для сочинения? — спросил он Кубанца.

— «Севастопольские рассказы» Льва Николаевича Толстого.

— Ясно...

Ярцев слушал Афоню, а перед глазами мелькали чьи-то торопливые руки, лица со слепыми взглядами, перед которыми сыпались, катились в ящики разные детали с дефектами и без дефектов в общем потоке...

Радоваться бы ему в такой-то час — тысячи людей будут читать о нем завтра в газете! А он будто испугался этого и с грустью думал о завтрашних встречах с товарищами в автопарке. Этот Афоня, как показало ему, не без умысла затеял разговор о творчестве Толстого, о величии человека, о царстве доверия.

Ярцев еще не знал, что через день его пригласят в управление завода на беседу, а затем состоится встреча с начальником испытательного цеха, который предложит поехать с группой шоферов-испытателей в Италию, в Турин, чтобы познакомиться с практикой выборочных испытаний легковых автомашин фирмы «Фиат».

Глава четвертая

ВИКТОР КУБАНЕЦ И ПОЛИНА

По выпискам из третьей тетради

1

Прошла еще одна зима. На Крутояре она была похожа на затяжную страду, когда дожди начинают чередоваться со снежной крушой, а люди в летних майках, будто забыв о холоде и усталости, дни и ночи бьются за хлеб: еще одно усилие, еще... и зерну не

угрожает ни зимовка под снегом, ни прелесть... К весне семидесятого года тронулась первая линия конвейера, и главный корпус, куда стекались заготовленные в разных цехах детали, напоминал полевой ток с зерном нового урожая. Только здесь люди не выкладывали последние силы, а с удивительной легкостью приращивали одну деталь к другой, которые тут же сами собой стыковались с узлами кузова зарождающегося автомобиля. Перед глазами вершилось то, во что трудно было поверить три года назад. С главного конвейера сходили один за другим автомобили.

Первая тысяча, вторая, третья — верь не верь: сразу начали отсчитывать тысячами, наступая на пятки убегающей от действительности сказке про чудеса в некотором царстве. Вот оно, это царство автоматике и новейшей техники! И для сомнений нет причин — все автомобили удобны в управлении и носятся вихрем, с ветром спора. А когда с главного конвейера сошла столетничная машина, завод приступил к монтажу второй очереди автосборочных линий.

Именно в этот момент продолговатая площадь, лежащая между управлением строительства и генеральной дирекцией завода, стала ареной состязаний двух ведомств за кадры. Они объяснялись по этому поводу на разных языках: одни отстаивали интересы строительства, другие — своевременный пуск агрегатов. Между тем большие группы строителей перекатывались из одного конца площади в другой, недоумевая: «Мы строили завод, чтобы работать в его цехах, а нас не отпускают: дескать, нельзя оставлять стройку без шоферов. А ведь эта специальность ходовая, и заводу она нужна день ото дня все больше и больше».

Пожалуй, сильнее всех вымотал этот период Виктор Кубанца. Вместе с товарищами по общежитию он еще зимой уволился из автоколонны — перевода не дали — и поступил в заводской парк автослужбы, где

исподволь сколачивались экинажи второй очереди пускового объекта. Казалось, так и должно быть: Виктор приехал сюда не на год, не на два...

Пришла очередь получать комнату-малометражку по списку молодоженов. Список составлялся и утверждался в постройкоме, когда Витя работал в автоколонне, а штукатурица Полина, ставшая его женой, еще не уходила в декретный отпуск. Жили они в разных общежитиях, и по ходатайству друзей их включили в первоочередной список. Но вот Полина уже в родильном доме, а Кубанца из списка исключили. Кинулся в постройком. Там развели руками:

— Дом ведомственный, а вы уволились от нас, просите там, где работаете.

Метнулся в завком:

— Исключили из очереди, как быть?

— Не имели права исключать, потому что жена осталась на прежнем месте работы.

— Она в декретном сейчас. — Виктор умолчал, что Полина уже в родильном доме: говорят, нельзя оповещать об этом, примета плохая.

— Тем более, никто не имел права вычеркивать ее из списка, — попытались успокоить его на новом месте работы. — У тебя есть все основания требовать...

Виктор снова прорвался в постройком, затем в партком стройуправления.

— Вот справка: жена — ударник бригады штукатуров жилстроя, находится в декретном.

— Ваша жена не просила комнату, ее нет в списке. Был ее муж, Виктор Кубанец. Но вы же уволились с работы, потому и вычеркнуты. Пусть она сама напишет заявление, тогда посмотрим.

— Она сейчас в роддоме, помогите! — взмолился Виктор.

— Сочувствуем, но помочь не можем..., Решайте этот вопрос по месту работы.

И пока Полина находилась в родильном доме, Витя носился из одного конца площадки в другой резвее любого футболиста, влетал в кабинеты взмыленный, но дело не двигалось с места: автозавод еще только планировал строить дом для молодоженов, а жилищное строительство, руководствуясь Положением о ведомственных домах, вообще не имело права выдавать ордер на имя человека, который уволился из этого ведомства.

Полина с волнением ждала радостной вести, но Виктор прибегал к окну палаты и беспомощно разводил руками — снова неудача!

Когда у Полины родилась девочка, Виктор и его друзья подъехали к родильному дому в трех легковых автомобилях, и сразу празднично стало на площадке против окон палаты, где лежала Полина. Ребята устроили парад цветов, словно яркий ковер расстелили на асфальте. Так и должно быть — родилась девочка.

Прошла неделя, вторая. Полина выписалась из родильного дома и до конца декретного отпуска уехала с Галкой — так назвали девочку — к матери в деревню. А Виктор между тем продолжал обивать пороги ведомств и учреждений. Везде вежливо советовали подождать, потерпеть. Новые дома временно заселяли иностранными специалистами. Там же для них оборудовали столовые, комнаты отдыха, салоны. Стоило ли скучиться на мелочи, коль отгрохали такие корпуса для автогиганта? Молодоженам, видимо, предстояло ждать квартиру до окончания пускового периода всего завода.

Как-то вечером, возвратясь домой, Виктор увидел на своей койке кипу книг, инструкций, чертежей итальянской машины «Фиат-124». На базе этой модели выпускалась советская под литерным номером «2101». Учитывая особенности наших дорог, были внесены изменения: увеличена мощность двигателя, усидена

ходовая часть, поднят дорожный просвет, поставлены автономные тормоза для задних и передних колес... Конструкторы учли предложения шоферов-испытателей, обкатавших более сотни «фиатов». Один «фиатик» из обкатанных, на спидометре которого отсчитывалась вторая сотня тысяч километров, был приписан к учебной автобазе завода и закреплен за Кубанцом. Вот уже три месяца ездил на нем Виктор по городу и заводу без ремонта. Поэтому удивился, когда друзья «угостили» его инструкциями и чертежами знакомой машины. Вероятно, чтобы отвлечь от грустных дум о квартире. А что еще они могли придумать? Спасибо и на этом.

Перекидывая книжки и чертежи на пустующую четвертый месяц койку Ярцева, Виктор обнаружил условия конкурса шоферов «Знай свою машину» и записку: «Кубанцу. Ознакомься с этой литературой. Тебе надо включиться в конкурс».

Прошел день, и ребята один за другим стали приставать с предложением открыто. Надо, надо. Особенно много убедительных доводов выставлял Афоня Яманов.

— Мы тебе поможем стать победителем, — убеждал он.

— Мне сейчас не до конкурсов, — отмахивался Виктор.

— Именно сейчас это и надо делать, — подтвердил Володя Волкорезов.

— Обязательно надо, — строго, будто подвел черту, сказал Рустам Абсолямов. — Выполняй волю экипажа.

Даже Мартын Огородников, который до сих пор мотался где-то в подсобном хозяйстве завода на поденной работе, и тот включился в общий хор жильцов девятки:

— Сказано: «надо» — значит, надо... Вот Ярцев скоро вернется из Италии, тогда дело веселее пойдет. И

вообще надо авторитет зарабатывать, глядишь — квартиру дадут...

Виктор включился в конкурс без особого желания. Но, видя, с каким старанием помогают ему друзья, постепенно стал входить в азарт. Дважды проехал по предполагаемой трассе.

После первого тура его не отчислили. Во втором Виктор попал в десятку сильнейших. Уже приближался третий тур, заключительный и самый трудный — регулировка и самостоятельное устранение дефектов на трассе. В десятке больше половины асы — водители с многолетним опытом. Попробуй потягайся с ними!

И снова друзья надели на него:

— Понимаешь, Витя, ты должен обставить их всех, — убеждал Афоня.

— Должен! — потребовал Володя.

— Обязательно должен! — сказал Рустам так, что хоть реви, но не отступай.

— Сначала говорили — надо, теперь — должен.

— Конечно, должен.

— Не могу. Попал в десятку, и ладно. Это мой потолок.

— Почему так плохо говоришь? — вскипел Рустам Абсолямов. — Какой потолок, где в голове потолок?

— Нет в голове потолка, по себе знаю, — заверил Мартын Огородников, — поэтому нельзя против всех, понимаешь? Нельзя...

Что за человек Мартын? Хвастливый, вертлявый, он будто не замечал всего того, что происходило на Крутояре, по-прежнему верил в свои универсальные способности и сохранял за собой право поучать остальных, находить выгодные позиции для самоутверждения, думать, как ему удобно.

Виктор только улыбкой ответил на его заверения.

Помолчали, подумали и решили: каждому, кроме Афона Яманова, за оставшуюся неделю освоить практику регулировки клапанов, карбюраторов, зажигания, тормозов, найти верные способы устранения дефектов и тем вооружить Виктора для решающей схватки.

2

Вернулся из Турина Ярцев. Вернулся усталый, чем-то озабоченный, потому молчаливый. Но Афоня Яманов сказал ему о заключительном этапе конкурса, — взять хоть третий приз во что бы то ни стало!

— Нужна оснастка — инструменты для регулировки разных узлов! — зажегся «туринец».

Раскрыл свой сундук, с тоской посмотрел на столлярные инструменты, затем начал перебирать слесарно-шоферские. Выбрал самые необходимые, преимущественно универсального назначения, включая походный вулканизатор с запасом сырой резины. —

Прошло еще два дня, и стало известно, что заключительный этап конкурса и выявление победителя состоятся на той площади, при упоминании которой Кубанец бледнел и терял рассудок.

— Держись, Витя, та площадь обязана тебя выручить. Ты ее знаешь, как свою ладонь, запомнил небось каждую выбоину, — успокоил его Афоня. Он где-то раздобыл схему размещения препятствий на площади. — Машину придется вести через узкие коридоры между хрупкими тростинками, расставленными в замысловатом порядке.

На совете друзья распределили между собой обязанности: кому где находиться и какими сигналами предостерегать Виктора от ошибок.

Утром, в воскресенье, перед зданием генеральной дирекции выстроилось десять машин. На каждой

табличка с номером и фамилией водителя. По жеребьевке Кубанцу достался седьмой номер. Это, надо считать, счастливый жребий — можно ориентироваться на водителей первой шестерки. Правда, позади девятым номером пойдет известный в городе автолюбитель, участник многих автогонок, инспектор отдела технического контроля заводской автобазы Альберт Вазов. От него не уйдешь, скорее всего он всех обставит. Только бы не прозевать, не дать ему оторваться сразу, когда будет обгонять, а там посмотрим. Однако судейская коллегия решила поставить всех в равные условия: перед стартом каждый участник должен перебортовать запасное колесо, снять баллон, сменить камеру, накачать до двух атмосфер и только тогда выходить на круг — около тридцати километров по кроссовой трассе.

— Внимание! Даем отсчет секунд к началу соревнований, — пронеслось над площадью. — Три, два, один! Пуск!..

Участники кинулись к своим машинам. И ни одна не завелась: умышленно были перепутаны проводки зажигания. Виктор Кубанец по специальности автоэлектрик и, конечно, сразу обнаружил неисправность, восстановил нужный порядок проводов и снова включил стартер. Свечи сработали нормально, двигатель завелся. Глушить его не надо, пусть греется, разогретый резвее наберет скорость.

Точно так же поступил и Альберт Вазов. Только спущенный баллон запаски он осадил наездом переднего колеса, а Виктор с помощью монтировки и деревянных клинышков. Тут шефствовал над ним Рустам Абсолямов, который то и дело подавал условные сигналы — ладонь вниз и шевелил пальцами, будто посыпал песок на землю: не спеши и не забудь припорошить корд баллона изнутри тальком. Виктор не замечал его сигналов, весь был поглощен своим делом и все же о тальке не забыл.

Как и следовало ожидать, первой на трассу вырвалась «девятка», за ней «тройка», затем сразу две — первая и седьмая. На повороте к песчаной балке стоял контрольный пункт. Тут крутой спуск и еще более крутой подъем из балки по песчаному взвозу. Этот участок привлек много любителей, среди них были итальянские специалисты. Перед спуском стоял общественный автоинспектор с жезлом — Ирина Николаева. Она дала сигнал Виктору — притормози и смекай, как сподручнее выскочить из оврага, видишь, буксует лидер, зарывается в песок. И Виктор смекнул. К удивлению зрителей, он развернул машину, задним ходом спустился в овраг и сразу выскочил на другую сторону по более крутому травяному откосу.

Этот способ подсказал ему Ярцев: на крутых подъемах силовая ось должна быть впереди. Ее колеса не упираются, а цепляются за крутизну. Поэтому надо разворачивать машину...

— Патенто! Патенто! — закричали итальянцы, что означало для них открытие неизвестных возможностей «Фиата-124» или, по крайней мере, изобретение.

На той стороне стоял страховщик с буксирным тросом — Володя Волкорезов.

— Стой! — остановил он Виктора. — Не спеши, лучше лидеру помощи.

Альберт Вазов, кажется, даже не поверил, что соперник подает ему конец буксирного троса. Хотя его машина зарылась колесами в песок и села, как говорится, на брюхо, он не терял надежды вырваться из этой ловушки самостоятельно: в багажнике хранились связки резиновых шипов на брезентовых лентах — подложи под задние колеса, и они превратятся в гусеницы. Однако предлагают буксир. Отказываться нет смысла.

Когда машина Альберта, взятая на буксир, поползла вверх по взвозу, на той стороне оврага итальянцы уже скандировали Кубанцу:

— Эрколли! Эрколли! Эрколли!

То ли им вспомнилась партийная кличка Пальмиро Тольятти, именем которого назван здешний город, то ли вообще это слово обозначало что-то светлое, солнечное — трудно было понять, только всем участникам соревнования стало ясно, что они должны поступать так, как поступил водитель «семерки». И ни одна из следующих машин не осталась в овраге на песчаном взвозе.

Через несколько минут «девятка» на бешеной скорости проскочила второй контрольный пункт. Шофер «девятки» будто напояк заложил такой вираж при выходе на автостраду, что какое-то мгновение машина шла на двух колесах левой стороны. Афоня Яманов даже очки снял, чтобы не видеть катастрофы, однако все обошлось благополучно.

Через считанные секунды здесь показалась «семерка». Афоня сорвал с головы кепку и принялся крутить ею перед собой: двигайся по кругу!

Так и есть. На площади перед заводом, против корпуса вспомогательных цехов была обозначена флажком спираль. Конец спирали упирался в тупик. В тупике стеллаж. На стеллаже десять камер, бывших в употреблении. Шофер мог взять любую, определить дефект и устранить его. Прокол или разрыв. То и другое устраняется вулканизацией. Бери, какая попадет, и приступай к делу. За работой наблюдают специалисты по вулканизации. Приехал сюда и генеральный директор.

Виктору досталась камера без прокола и без разрыва, но воздух сочился из шейки ниппельного соска. Заводской дефект, или пересохшая резина дала трещину? Возни с ней много, а время ограничено. Не успеет — камера пошла в брак, считай, десять баллов вылетят из общей суммы. Виктор показал сосок камеры арбитру: дескать, такой дефект нельзя устранить. Тот пожал плечами и ничего не ответил.

И тут стало ясно, зачем Ярцев сунул в сумку походный вулканизатор и сверток сырой резины. Сосок надо снимать и приклеивать заново.

Дольше всех провозился Кубанец с этим злополучным дефектом, но когда камера была накачана и сосок не дал течи, арбитр мелком поставил на ней семерку, и восклицательный знак. Подошел генеральный директор, пожал Кубанцу руку:

— Молодец...

И вот снова она, площадь, с которой началась гонка. Въезд на нее был обозначен для участников соревнования флажками. Путь лежал по коридору такой ширины, что ошибись на три-четыре сантиметра — и посыпятся штрафные очки. Виктор проскочил через эту ловушку благополучно.

Теперь начались сложные для водителей и красивые для зрителей фигуры автомобильной езды. Надо было выписать узкий круг, восьмерку, не затронув ни одного флажка на хрупких тростинках, — каждый сбитый флажок минус один балл. Еще сложнее проколоть по площади через штрафные ворота — сколько сбил флажков, столько и заходов в ворота, и только после этого разрешается выехать на стадион.

Много народу на знакомой площади, но, кажется, еще больше на стадионе. Трибуны гудят. Но попадешь ли туда, если тут нахватаешь штрафных заездов, до темной ночи? Вон уже две машины — «двойка» и «четверка» — поставлены на прикол, не хватило проходных баллов, чтобы попасть на стадион...

Виктор не замечал ни лиц, ни жестов людей, обступивших площадь, он видел только хрупкие тростинки и жезлы регулировщиков. И все же сбил две тростинки. Много это или мало, он не знал. Два заезда в штрафные ворота. Снова узкий коридор между кирпичами, поставленными «на попа». Каждый впритирку к колесам справа и слева. Следи за передним левым, при-

жимайся до предела, тогда есть надежда уйти от дополнительных штрафных.

Один заезд. Благополучно. Второй — коридор из кирпичей позади, и над площадью загремели репродукторы:

— «Семерка», водитель Кубанец, получает пропуск на стадион.

Регулировщик, стоявший в центре площади на полозатой тумбе, красивым жестом открыл дорогу «семерке» к воротам стадиона.

По кругу стадиона носились две машины — «единица» и «тройка». В центре поля стояли «пятерка» и «девятка». У «пятерки» бок обшарпан. Водители тех машин, видать, получили вводные по регулировке. Капоты открыты. Какую же вводную дадут «семерке»? Нет, прежде чем получить вводную, надо проделать десять кругов с преодолением препятствий — яма с водой, проезд по двум бревнам, лежащим вдоль дорожки на ширине колес, тряска на кирпичах, объезд трех условных ям, обозначенных кругами один меньше другого. Так десять кругов на предельной скорости, время фиксировал секундомер.

Это объяснил стартовый судья, остановивший Виктора перед выездом на круг.

— Условия не повторяются, идет проверка на внимательность.

Значит, «девятка» и «пятерка» уже прошли этот этап. Каков же у них результат?

Трибуны стадиона то аплодируют, то замолкают или взрываются смехом. Это «единица» свалилась с бревен, зацепилась брюхом за одно из них. Колеса ошало крутятся, а машина ни с места. К ней подбегают несколько человек, сталкивают с бревна. Туда же подошел Огородников. Косматый, взъерошенный, он неистово машет руками, возражает против такой помощи неудачливому шоферу — его надо снять с трассы, что-

бы не мешал Кубанцу! «Единица» направляется в центр круга.

— Внимание, на старте «семерка»!..

Только теперь Виктор окинул взглядом трибуны. Справа — большая группа итальянцев, спорящих между собой, показывающих на линию старта, куда подрулил Виктор. Среди них Ярцев и Ирина. Они, кажется, так увлеклись спором, что забыли дать условные сигналы.

— Три, два, один. Старт!

Именно в эту секунду Виктор заметил, что возле Рустама Абсолямова стоит Полина с Галкой на руках. Вернулись! Все зашело в нем от радости. Машина, кажется, сама рванулась вперед, вслед за «тройкой». Ее водитель уже освоился, делает последний круг, и надо держаться за ней.

Круг, второй, третий. Трибуны гудят. Полина с Галкой спустились к самой дорожке. Возле них уже Ирина, Василий и Рустам. Надо бы еще добавить газу, но Ярцев грозит кулаком — сбавь, чертов Кубанец, сбавь скорость!

Да, действительно, кажется, разгорячился. Сказалась казачья кровь. Чуть не вылетел руль из рук на кирпичной тряске...

У стартовой линии показались «шестерка» и «восьмерка». Это последние. На «восьмерке» смекалистый парень. Не спешит, не обгоняет, идет след в след за «семеркой».

На восьмом кругу Виктор получил отмашку красного флага после ямы. Одно колесо оставило отпечаток на краешке белого круга, но стадион так неистово загудел, что судьбе осталось только поднять зеленый флаг — движение разрешено!..

Пройден десятый круг. У Виктора еле-еле хватило сил дотянуть до конца гонки. Задохнулся, и руки одеревенели.

Вводные по регулировке объявлялись по радио, и последние участники показывали и рассказывали перед микрофоном, как надо регулировать зажигание, подачу горючего, тормозные колодки. Кубанцу досталась вводная — регулировка клапанов.

Это была уже пропаганда знаний автомобильной техники. Но она вызвала особый интерес присутствующих, и каждый ответ сопровождался возгласами одобрения, аплодисментами. Все получили отличные оценки.

Пока судейская комиссия подводила итоги, на стадионе шли соревнования мотогонок. Возле Виктора хлопотали Афоня Яманов и Рустам Абсолямов. Они принесли котелок воды, заставили умыться. Полина подала белую рубашку и галстук.

— К чему такая торжественность? — удивился Кубанец.

— Переодевайся, сейчас узнаешь, — улыбнувшись Полине, ответил Афоня, явно намекая, что ему уже известны результаты конкурса.

Наконец судейская комиссия объявила итоги:

— Три машины — седьмая, восьмая, девятая — получили равное количество баллов. Специалисты фирмы «Фиат» присудили свой приз водителю машины семь Виктору Кубанцу. Общее первое место завоевал...

Больше Виктор уже ничего не слышал. Он стоял на пьедестале почета, увенчанный лаврами победителя, в руках панка с грамотой, букет цветов. Затем друзья подхватили его на руки, пронесли по площади и поставили на ноги лишь возле парадного входа, перед машиной генерального директора. В машине уже сидела Полина с Галкой на руках, раскрасневшаяся, со слезами радости на глазах. Подошел председатель завкома вместе с начальником цеха и вручил Виктору ордер на вселение в двухкомнатную квартиру из фонда генерального директора.

Виктор растерялся от радости, не знал, что сказать. А друзья с таким восторгом, с такой нескрываемой радостью смотрели на него, что казалось, не ему и Полине выпало счастье, а Рустаму, Афоне, Василию, Володе, Ирине. И не двухкомнатная квартира — мало! — целый дворец!..

Глава пятая

ИРИНА НИКОЛАЕВА

По заметкам из четвертой тетради

1

Олег Михайлович Жемчугов не спеша прошелся по кабинету, присел к столу. В голове стоял звон, будто кто-то бил по ржавым струнам гитары. Винить себя за вчерашнюю прогулку на Федоровские луга он не мог: все было в рамках приличия. И при чем тут понедельник — «день тяжелый», когда мозг принимает какие-то тревожные сигналы. Приходится лишь сожалеть, что генераторы и приемники биотоков пока еще не поддаются настройке и регулировке.

Может, волнует вкрадчивый утренний звонок главного инженера: «Олег Михайлович, генеральный директор приглашает на оперативку с трехминутным сообщением по графику наладочных работ автоматических линий».

Что можно сказать за три минуты, когда одно переключение пультов управления по агрегатам займет не менее десяти минут? Но сказано «три минуты» — и укладывайся. Надо бы еще пробежаться по отделам монтажного управления, собрать новые факты небрежного отношения к автоматике, что придаст выступлению злободневность, да уже некогда. К тому же нельзя быть пленником сутолоки и демонстрировать способность

своего ума ногами, на то есть голова. Намекни мягко и лаконично о неполадках, и тебя поймут, оценят. Пора уяснить — наступил век разума и веры в электронику: «читай ход мысли по импульсам». Электронные импульсы ведут теперь человеческий разум к совершенству, к достижению цели...

Выступление затянулось. Генеральный директор, приучивший своих подчиненных говорить по строгому регламенту — не более трех минут, однако не прервал Жемчугова, только в конце оперативки пригласил проехать по заторным объектам.

Впрочем, не один Олег Михайлович попал в число приглашенных в директорскую машину. Рядом, справа и слева, сидели начальники цехов — литейного и кузовного. У них не ладится с автоматикой. Значит, утренние предчувствия и тревоги не обманули?

Да, не обманули. Едва машина обогнула участок будущего спортивного комплекса, как в пыли за багажником замотался огнисто-красный клубок. Он будто зацепился за выхлопную копоть, и кажется, вот-вот переметнется на крышу кузова или с разгона врежется в салон. Кто затеял такую опасную игру?

Оглядываясь, Олег Михайлович уловил: за ними гонится мотоциклист в куртке огнистого цвета. За рулем Ирина Николаева. И его снова охватило какое-то неприятное ощущение. Ему почему-то подумалось, что она преследует директорскую машину по заданию заводской многотиражки. Знает, где брать объекты для критики — из рук начальства, открытые, незащитные. Редактор многотиражки наловчился так вгонять зановы под ноготь, что зубами не прикусишь и пинцетом не возьмешь. Сколько от него достается начальникам объектов и служб, не сочтешь. И все с помощью таких вот репортерчиков с фотоаппаратами и блокнотами!

Многотиражка... Еще в начале монтажных работ в корпусе вспомогательных цехов, когда устанавливали

карусельные станки, в ней появился фельетон «Один с сошкой, семеро с ложкой». Автор Шульженко — не поймешь, она или он? — высмеял группу инженеров, которые, как было сказано, «топтались вокруг одного слесаря-монтажника». Топтались... Как могла газета пропустить такое слово? А в итоге: «Все присутствующие при этом попали в ведомость на получение премиальных, кроме слесаря-монтажника». Закруглили, что называется, концевочку...

«Бумажный чертополох», «Трутни», «Свистопляс», «Ротозейка» — такие заголовки пестрят в газете. И одернуть редактора никто не решается. Пробовал кое-кто в горьком с жалобой обратиться — почему газета называет людей трутнями и ротозеями? Там ответили: критика есть критика, что же касается трутней и других нарицательных имен, то постарайтесь не попадать в их число, защищать плохих руководителей горьком не будет.

Да что и говорить, когда что-нибудь не ладится, будь особенно осторожен с газетными репортерами. Статью «Ротозейка на дороге» написала она, Ирина Николаева, инструктор мото клуба. Дерзкая персона. Даже с генеральным директором спорила о каких-то правах мото клуба. По ее мнению, завод обязан отпускать людей в этот клуб в рабочее время по требованию инструкторов: дескать, они готовят для завода специальных автомобильных гонок и мотопробегов по смежным предприятиям. Добивается она этого, как видно, не без корысти.

Сергей Викторович Шатунов, заместитель секретаря парткома строительного управления, считает, что ее давно надо призвать к порядку: «Якшается с компанией дезорганизаторов трудовой дисциплины. Не зря же она выступила в печати в защиту аварийщика Ярцева».

Имя Ярцева не сходит с уст Шатунова после того, как он столкнулся с ним на субботнике. Конечно, неос-

мотрительно поступил тогда Сергей Викторович — тронул лежащего на полу увальня ногой. Однако надо понять поступок Шатунова: всю свою сознательную жизнь человек посвятил перевоспитанию несознательных элементов; жизнь, как он говорит, бросала его и на север и на восток. Вот только в одном он обижен на нее: нигде не сумели заметить в нем прирожденных, так сказать запрограммированных, способностей разгадывать хитрости людей, видеть в них скрытые пороки. А вот о том, что он просто преданный исполнитель любых поручений, никто и думать не хотел. Последние годы, до стройки автозавода, Шатунов исполнял обязанности заместителя начальника главка по оргработе. Здесь его избрали заместителем секретаря парткома, потом ввели в состав членов горкома. Разумеется, такое доверие обязывает быть на высоте. Но нервы есть нервы — рвать их все умеют, а сращивать, увы, дано не каждому. Получился срыв, последствия которого необходимо локализовать убедительными доказательствами — с кем, с какими людьми столкнулся на субботнике. Если бы попытались выступить против него на собрании или пожаловаться в горком, то материалов для самозащиты набралось бы достаточно. Однако жалобы не последовало, а материалы позволяют, как он сказал вчера за обедом на Федоровских лугах, перейти от оброны к наступлению.

— Ты, Олег, самый современный специалист, я твои способности заметил еще там, в Москве, когда ты пришел ко мне в главк со свеженьким дипломом технолога. Тебя надо выдвигать на пост секретаря парткома. Именно такие талантливые молодые кадры должны освежать атмосферу...

Далее Сергей Викторович заверил, что по вопросу кадров к нему прислушиваются и в обкоме и в Москве, что выдвигаемая им кандидатура получит одобрение и в низах, только этой кандидатуре необходимо доказать

свое умение давать объективные оценки в решении конфликтных дел, подобных делу Ярцева. Для этого следует обстоятельно проанализировать имеющиеся материалы, дополнительно побеседовать с так называемыми друзьями Ярцева, взять объективки у тех, кто с ним сталкивался по работе в автоколонне — Рем Акимович Угодин и другие; обязательно изобличить Николаеву, — кто толкнул ее защищать в печати аварийщика? — и тогда дело обернется поучительным уроком для других секретарей низовых парторганизаций. Горком наверняка одобрит такую обстоятельность...

Что и говорить, задачу Жемчугову Сергей Викторович поставил нелегкую. Опытный человек знает, на чем проверять верность долгу перед другом. В этом плане у него в голове будто кибернетическая машина работает. Подводить его нельзя хотя бы потому, что он в нужный момент помог получить назначение на хорошую должность, а теперь намекает на более серьезное продвижение. Однако с чего начинать исполнение его поручения, если, кажется, сам попал под прицел репортера из газеты? Появится фельетон вроде «После обеда на Федоровских лугах», попробуй опровергнуть.

Олега Михайловича вывел из задумчивости голос генерального директора:

— Заедем сначала в ремонтно-литейный, затем на штампы...

Тут и там придется сталкиваться с людьми, о которых напоминал Шатунов: «Поговори с ними доверительно...» Кроме того, на штампах есть один огрех, который не удастся устранить и замаскировать трудно...

2

Однако Ирина не собиралась писать ни о Жемчугове, ни о ком-либо другом. И фотоаппарат взяла с собой просто так, по привычке. Была у нее сейчас иная

забота: подписать почетные грамоты участникам авторалли по приволжским городам и утвердить маршрут мотопробега по заводам-смежникам. Генеральный директор — председатель совета мотоклуба, но к нему не так-то легко попасть. Все его время рассчитано по минутам. Опоздала проскочить к нему в кабинет до оперативки, теперь лови момент где-нибудь на пусковых объектах.

Машина нырнула под своды «Малыша». По сравнению с другими цехами, ремонтно-механический кажется действительно маленьким, но попробуй обойди его пешком — дня не хватит. Только в нижнем ярусе около семнадцати километров подземных коммуникаций. Если генеральный въехал сюда на машине, не отставать же от него...

И напрасно Жемчугов с опаской поглядывал на Ирину. Она знает его не первый день и думает о нем хорошо: одаренный технолог по автоматике, вежливый, статный, с мягким характером... Только глаза вот — круглые, едучие — настораживали. С людьми, похожими на него, говорят, нельзя быть откровенным: взгляд мягко ввинчивается в душу, а на уме корысть.

Ирина сталкивалась с Жемчуговым и на производстве, точнее на крыше корпуса вспомогательных цехов. Там работала бригада девушек. Носились они по крыше из конца в конец на мотороллерах. Рулоны рубероида и бидоны разогретого битума шли потоком на последний сектор крыши корпуса. Мотороллер в таком деле незаменимый помощник. И захотелось Олегу Михайловичу стать регулировщиком потока мотороллеров. Поднялся на крышу, занял пост и ни одну девушку не пропускал без опроса по правилам техники безопасности. Стоит гладкий, в модных ботинках, строгий, а в глазах бесенята. Девушки поняли его по-своему и... подшутили над ним: вроде нечаянно вылился би-

тум на модные туфли. Еле вытащил ноги из вязкой массы и, будто не заметив, кто это сделал, тихо сказал:

— Спасибо за коллективный фокус...

Правильно поступил: кричи не кричи, что возьмешь с девушек-проказниц...

Себя Ирина тоже относит к разряду таких проказниц. И родители: отец — пенсионер, в прошлом армейский политрабработник, мать — врач, — ждут не дождутся, когда к ней придет серьезность. Скажем, поехала гостить к родственникам в Переволоки на целое лето, а вернулась через месяц. Почему? Она и сама не знала, что ответить. Потом придумала: надо поработать в мо-токлубе еще один год.

— А институт? — спросила мать.

— Перехожу на заочное отделение.

— Отец, слышишь, твоя дочь опять озорует.

— Почему только моя? У тебя больше прав утверждать обратное, — с привычной иронией в голосе отозвался отец.

— Перестань! — возмутилась мать. Ее всегда, как помнит Ирина, раздражали намеки на вечную тему супружеской верности. — Говорю тебе не для шуток: озорует, бросает учиться.

— Не бросаю, а перехожу на заочное отделение, — поправила ее Ирина.

— Как пить дать останется без диплома и пойдет недоучкой свет мутить.

— Свет мутить я, мама, не собираюсь...

— Помолчи, не с тобой разговариваю. Отец, что ты молчишь?

— В разговоре с тобой, мама, он придерживается правила: «Молчи больше — за умного сойдешь».

— Не дерзи, Иринка! Как тебе не стыдно отца с матерью дураками называть? Отец, шлепни ее.

— Не отвлекай его, мама, на такие пустяки.

— Какие же это пустяки?.. Училась, училась, и все в трубу, ветер у тебя в голове.

— О ветре ты правильно сказала: его у меня хоть отбавляй, — вздохнула Ирина.

— Отец, слышишь, какой подарок преподносит нам дочка? У нее не все дома.

На лице матери выступили багровые пятна. Их заметил отец и наконец-то ответил:

— Значит, совесть или качество знаний не позволяют ей показываться в институте.

Слова «совесть» и «качество» он произнес почти по слогам и тем подчеркнул, что ему известны думы Ирины. Он часто встречается с комендантом молодежного общежития Федором Федоровичем Ковалевым — фронтовые друзья. Так или иначе, а из его ответа следовало: «Хоть ты и взбалмошная у меня дочь, но, кажется, уже умеешь понимать людей, поэтому живи своим умом, по совести».

Мать еще долго сокрушалась, угрожала вывести на чистую воду «заговорщиков», уличала дочь в бессовестности, мужа — в безволии, называла их растратчиками необратимых ценностей жизни — здоровья и времени. Но отец и дочь, попав под такой обстрел, избрали единую форму защиты — молчание. И вскоре в квартире наступила тишина. А когда из клуба юных шахматистов пришел Юра — младший брат Ирины, возобновился мирный разговор. Мать пожаловалась сыну на «заговорщиков», и тот, не зная, в чем суть заговора, ответил по-своему: .

— Сегодня нам тоже показали «заговор двух коней». Вот посмотрите, очень интересный. Этот этюд знала даже Надежда Константиновна Крупская...

Юра расставил шахматы и показал этюд, который знала Крупская, что, конечно, привлекло внимание матери, затем отца.

— Вот умница, вот молодец! — хвалила мать.

Черты лица, цвет глаз, посадка головы с чуть вытянутым затылком — все у него отцовское. Послушный, ласковый мальчик. Между Юрой и ею, Ириной, кажется, нет ничего общего. Она в этом возрасте являлась из школы с синяками и шипками, дралась с мальчишками на равных, а этот приходит домой без единого пятнышка на костюме. Осторожный, тихоня. Что из него будет после окончания десятилетки, в какой институт ему идти — загадка. Мама, вероятно, будет настаивать, чтобы поступил в медицинский, как она требовала этого от Ирины, когда та получила аттестат зрелости. Сколько было по этому поводу увещеваний и домашних консультаций!

Тогда победила мать. Ирина послала документы в Куйбышевский медицинский, а затем, опять же по настоянию матери, поехала туда заниматься в подготовительной группе. Приехала и удивилась: она уже значилась в списке первой группы, ее ждет место в общежитии, хотя большинство приехавших из далеких сел и городов снимали койки у частных. Удивительно, заработки врачей не ахти какие, и условия работы далеко не идеальные, и срок обучения в медицинском институте шесть лет, а, поди ж ты, сотни, тысячи девушек и парней рвутся сюда. В чем дело? На этот вопрос ответил ей позже отец, а пока перед ней встала дилемма: готовиться к конкурсным экзаменам — на одно место восемнадцать кандидатур, наверняка провалишься — или под видом занятий на подготовительном курсе увильнуть в другую сторону. Ирина выбрала последнее. Поступила в аэроклуб и к моменту сдачи экзаменов в институт получила значок парашютиста: по тайному сговору со спортсменами, готовящимися к Всесоюзной спартакиаде ДОСААФ, совершила пять групповых прыжков и три индивидуальных. Тогда же оформила направление в школу инструкторов автоклуба.

ба. Ее привлекала не медицина, а спорт, точнее, технические виды спорта.

Вернулась в родительский дом без проходных баллов в институт.

— Провалилась? — спросила ее мать сокрушенно.

— На таком конкурсе сам Ломоносов провалился бы, — попыталась оправдаться Ирина. — Все обалдело прут в медицину. К чему бы это? — Она посмотрела на отца.

Тот помолчал немного и ответил:

— Нет, не обалдела наша молодежь. Она идет в медицину, и это очень интересный факт. Если не осознанно, то по какому-то другому закону. Скорее всего, у нее появилась забота о завтрашнем дне.

— Какая же? — спросила Ирина, рассчитывая перевести ход общих суждений отца на предметное, детальное истолкование забот завтрашнего дня, в чем он был, по ее наблюдениям, не очень силен, если не сказать — слаб.

Однако отец подумал и не спеша уточнил:

— Неудержимо свирепствует палач века — рак. Изверги человечества изобретают биологическое оружие. Еще не найден надежный щит от белокровия, от губительных последствий проникающей радиации, от радиоактивных веществ, которыми все больше и больше засоряется атмосфера, моря, океаны... Ты порадовала меня: коль молодежь напором идет в медицину, значит, срываются заложённые природой те самые силы, которые мы привыкли относить к инстинкту самосохранения, к способности вести борьбу за безопасность поколений.

Лучше бы отец упрекнул тогда за разгильдяйство, за обман родителей, за лукавство перед ним, чем вот так: ты по существу дезертир с фронта борьбы за здоровье и сохранение жизни завтрашних поколений. Мать, конечно, была целиком на стороне отца, но де-

лать нечего, придется поступать в институт через год. Время же изменило планы: на следующую осень, вопреки воле родителей, Ирина поехала не в Куйбышев, а в Москву и сдала экзамены в автодорожный институт, на факультет механизации дорожного строительства.

На факультете Ирину считали способной студенткой — с увлечением изучает технику дорожного строительства, имеет права шофера, поэтому летнюю практику разрешили проводить по личному плану. Она и приехала на стройку. Два лета работала здесь. Приспела пора думать о теме диплома, но тут подвернулась работа в мото клубе, затем встреча с Ярцевым и... все пошло кувырком. Перевелась на заочное отделение. И не жалеет об этом. Автозавод переживает пусковой период. Все интересно: невиданная механизация производства, новая система оплаты труда... Продлила срок представления дипломной работы на один год. Тему подсказал Василий Ярцев, но еще не ясно, с чего начать проявление тех самых сил, которые должны подняться против слепого выгона норм. Василий и его друзья пока не заметны на фоне общих дел, они будто затерялись среди станков, агрегатов, автоматических линий. Парни тревожатся за качество завтрашней продукции завода. Количество будет, а качество? Без качества нет темпа, без постоянного самоконтроля нет гарантии от брака. Охватит такая забота всех или хотя бы половину автозаводцев, тогда пиши, а не вымучивай диплом...

Мотоцикл круто повернул вправо и помчался вдоль вспомогательной линии цеха. Ирина не отвлекалась на управление мотоциклом, руки сами направляли его куда надо, и с возрастающим интересом отмечала про себя разительные перемены в этом цехе. Несколько недель назад здесь теснились раскрытые ящики, контейнеры, связки арматуры — ни проехать, ни пройти.

В пустых утробах печей гулко отдавались перестуки монтажников, под сводами крыши цеха вспыхивало множество молний электросварки, и оттуда густо сыпались искры: всюду чад, едучая гарь красок и смол, попавших в костры вместе с обломками снятой опалубки. Все это как бы готовило людей к привычным условиям работы в металлургическом цехе. Дыши дымом и чадом плавленого металла, привыкай улавливать в оглушительном грохоте кувалд и сатанинском реве огня нужные тебе звуки — и действуй. Так виделся этот цех в момент пуска на полную мощность. И вдруг такая праздничность. Светло, в воздухе ни пылинки, хоть выключай мотоцикл — бессовестно коптит выхлопная труба, — но машина генерального директора не останавливается, проскакивает один пролет цеха, другой... Вероятно, генеральный запланировал эту «прогулку», чтоб показать своим спутникам недоделки, или испытывает, как долго может преследовать его девушка на мотоцикле.

«Испытывает... Смешно, слишком много ты стала думать о своей персоне», — тут же устыдила себя Ирина.

Машина выкатилась на площадку перед печами и остановилась. Заглох и мотоцикл. Ни грохота кувалд, ни рева огня. Звонкая тишина. Быть может, цех отмечает последний час покоя? Отдает прощальный салют тишине?..

Нет, ничего подобного. Возле пунктов литья идет напряженная работа: на приборном щите торопливо перемигиваются разноцветные лампочки, внутри разогретого агрегата бушует какая-то грозная сила — стенка печи, кажется, предостерегающе вибрирует.

— Внимание, — донеслось сверху, — двенадцатитонный агрегат переводится на рабочий режим.

Это объявил по радио диспетчер цеха. Он, видно, ждал, когда тут появится генеральный директор. Чет-

веро литейщиков переглянулись и сделали по шагу вперед; каждый по очереди стал нажимать на кнопки, передвигать рычаги от одного деления к другому. Руки литейщиков словно закольцованы на одном проводе электрической цепи. Импульс первого передался второму, третьему, четвертому и снова первому. Остался неподвижным только Рем Акимович, бывший механик автоколонны, инженер-металлург по образованию, о робком характере которого Ирина знала от Василия Ярцева. Рем Акимович будто остолбенел, не может тронуться с места. Здесь он теперь сменный инженер по литью. Ирина подошла к нему.

— Неужели это литейный цех, Рем Акимович?.. Я не заблудилась?

Того смутил столь странный вопрос и, конечно, удивил: в присутствии генерального директора и главного металлурга к нему обращаются по имени и отчеству — заметили незаметного.

Наблюдая за стрелками, поднимающимися по температурной шкале к красной черте, он держал на ладони хронометр.

— До команды «можно пускать» пройдет еще несколько минут и... — Рем Акимович попытался объяснить дальнейший процесс литья, но его прервал строгий голос справа:

— Не отвлекаться!

Ирина почувствовала, как кто-то грубовато оттесняет ее от Рема Акимовича. Перед лицом чья-то широкая спина. Это Жемчугов. Пришлось сделать шаг в сторону. Неожиданно она оказалась рядом с генеральным директором. Здесь, конечно, не будешь подставлять ему грамоты на подпись, но постоять рядом не зазорно. Он предупредительно поздоровался с ней. Как это восприняли стоящие чуть поодаль от него начальники, трудно сказать, но в отличие от всех Жемчугов, кажется, в эту минуту изменил себе: он засуетился

перед печью, предупреждая о чем-то экипаж литейщиков.

— Олег Михайлович, — остановил его генеральный директор, — не мешайте...

— Внимание! — снова прозвучало в репродукторах.

Наступил тот самый момент, когда надо затаить дыхание и смотреть, смотреть туда, где выплеснется живой металл. Вот уже лицевая часть печи озарилась ярким светом, над ковшом затрепетали радужные всполохи...

3

Из литейного цеха Ирина метнулась за машиной директора в корпус прессовых линий. Там что-то не ладится со штамповкой фигурных деталей кузова. Вот уже вторую неделю наладчики не могут устранить прилипание: отштампованный лист прилипает к подвижной части штампа. Почему так — разгадке пока не поддается.

Машина остановилась возле работающего агрегата штамповки правого заднего крыла. Кажется, пошло дело. Листы отстают где-то на полпути поднимающегося штампа и со звоном падают на платформу, где их с небольшим запозданием подхватывают автоматические пальцы транспортера. Можно ли считать это началом успешной борьбы с прилипанием?

Рядом, на штамповке опорных дисков, стажируются Рустам Абсолямов, Володя Волкорезов, Витя Кубанец и Афоня Яманов. Они рассказывали, что «прилипаловка» измучила и наладчиков и технологов.

Устранить ее без каких-либо конструктивных изменений деталей штампа, кажется, невозможно. Были предложения вмонтировать отталкивающие пружины, масляные клапаны, пневматические подушки, но генеральный директор запретил:

— Никаких конструктивных предложений, иначе поставщик этих штампов откажется даже выслушать наши претензии. О рекламации и разговора не может быть. Ищите выход...

Испытывали разные варианты. Одни листы проката идут хорошо, без задоринки, а другие прилипают, хоть караул кричи. Наконец в тупике обозначился просвет.

Генеральный директор внимательно следит за работой штампа. Лист за листом, позвякивая, катится на роликах транспортера к исходному пункту конвейера. Кажется, пора торжествовать! Нет, генеральный директор чем-то недоволен. Он поднял руку:

— Стоп!.. — затем подошел к станине и, погладив пальцами передний срез отштампованной детали, которая после команды «стоп» осталась на месте, спросил: — Значит, решили монтировками отклеивать?

— Другого выхода нет, — ответил Жемчугов.

— Ловко, — не повышая тона, заметил генеральный директор. — А где же кувалды?.. Кувалды рихтовщиков — выправлять эти вмятины. Смотришь, к началу точечной сварки это крыло будет похоже на памятную рубашу. Сваривай точки наугад с воздухом, чтоб прорехи были шире...

Молчание. Кто-то снял со станины крыло, поставил его на ребро и принялся ощупывать незаметные глазу вмятины: дескать, это не такой уж большой огрех, его трудно обнаружить даже чувствительными пальцами.

— Не трудитесь, — сказал генеральный. — Позовите вон того парня с монтировкой, и он точно покажет, где вмятины.

Генеральный директор показал на тень между боковыми станинами агрегата. Оттуда вынырнул Мартын Огородников.

— Откуда такой бракодел? — спросил его генеральный директор.

— Я не бракодел, а подсобный рабочий.

— А кто дал тебе монтировку?

— Монтировку?.. — Огородников воровато оглянулся. — Сам взял. Меня не зачисляю в экипаж, по своей инициативе помогаю найти выход из затруднения. Стараюсь, честь по чести...

Он, вероятно, был предупрежден не выдавать тех, кто поставил его к штампу с монтировкой, поэтому набрался храбрости взять вину на себя. За это ему, пожалуй, был больше всех благодарен Олег Михайлович, который тут же попытался смягчить ход разговора:

— Мы рассчитывали устранить такой незаметный изъян при грунтовке, затем на покраске. Технологически...

— Технологически, — прервал его генеральный директор, — замазывать брак грунтовкой и краской. Кто додумался до этого? Начнем обманывать себя, затем... Оставайтесь здесь и наведите порядок, вместо того чтобы доказывать правоту глупости.

На штампах объявили перерыв на обед. Генеральный директор был явно не в духе, но Ирина все же осмелилась показать ему маршрут мотопробега. На схеме были обозначены города, где смежные предприятия выполняют заказы завода. Утвердит схему, тогда можно попросить подписать грамоты. Генеральный директор выслушал Ирину внимательно, одобрил предложенный маршрут и, подписав грамоты, сказал, что постарается выкроить время на беседу с участниками мотопробега по смежным предприятиям.

Ирина была рада тому, что ей удалось выполнить задание начальника мотоклуба так быстро и удачно. Теперь у нее есть время побывать в главном корпусе, где идет монтаж второй линии конвейера. Там, в цехе готовой продукции, работают шоферы-испытатели и слесари-сборщики. Там Ярцев.

Вчера она говорила с его друзьями, интересовалась, как идет у них стажировка на штампе опорных дисков,

расспросила, почему в последнее время Ярцев замкнулся, насторожился, будто на каждом шагу его ждет подвох.

— Измотался он весь, неполадок много всяких, — ответил Афоня Яманов. — И по две смены вкалывает: первую — с лопатой на строительстве испытательного трека, вторую — с монтажниками на конвейере. Испытателю надо знать весь процесс сборки машины. И цапается он с наладчиками, хоть все общежитие поднимай на дежурство возле него...

— Зря тратит шорех по пустякам.

— Не о пустяках он думает, сама знаешь.

Такой разговор был вчера, а сегодня, за обедом, и Афоня, и Володя, и Виктор, не скрывая своей озабоченности плохим настроением Ярцева, упоминали Шатунова, Жемчугова, Угодина, Булана Булановича и других, а в какой связи — уловить было трудно. Несколько раз повторялось слово «партком», что-то готовилось против Ярцева в парткоме, но что — они не знали. Только догадывались: над головой Василия собираются тучи.

Витя Кубанец обмолвился, будто Огородников предлагал ему «прибирать к рукам» бракованные детали, из которых можно потом и машину собрать. Не зря он, Огородников, кружит по всем цехам завода, везде у него есть друзья. А если бы он еще мог стать испытателем с правом вникать в ход сборки автомобилей на всех ее этапах, то озолотил бы каждого, кто с ним дружит...

Ирина не на шутку встревожилась.

Мотоцикл помчался вдоль подвески первой линии главного конвейера и, чихнув, остановился перед широкой канавой. На дне ее возился с прутьями арматуры Ярцев. Ирине была видна его спина в тесной гимнастерке. Работал он увлеченно, даже не замечал, что вокруг происходит. Камушек, что ли, бросить ему на спину, чтобы оглянулся? Нет, глупо, подумает, что загрываю с ним...

После возвращения из Турина Ярцев действительно изменился. Смотрит на всех так, будто видит впервые, будто перед ним не те люди, с которыми был знаком. Смотрит на ребят, а думает о чем-то другом, отчего взгляд его кажется рассеянным.

Вот и сейчас он ведь знает, кто наблюдает за ним, а головы не поднимет. Или не хочет показывать усталые глаза? Чудак...

Неожиданно к мотоциклу подошел председатель завкома Григорий Павлович Черноус, которого Ирина знала еще и как хорошего организатора спортивных соревнований среди электромонтажников. Быстрый, поджарый инженер-электрик. На профсоюзную работу его перевели недавно. И сейчас он, кажется, еще не знает, куда девать себя, чем заполнить свое время, поэтому прохаживается по цехам.

— Гоночный? — спросил председатель завкома, кивая на мотоцикл.

— Гоночный, — подтвердила Ирина.

— За кем же вы гоняетесь?

— Сейчас подумаю и скажу.

— Хорошо, готов ждать.

— Вам в самом деле нечего делать?

— Дерзость — не признак учтивости, — упрекнул Ирину Черноус и пояснил, что ищет здесь Василия Ярцева. Генеральный директор посоветовал подключить того к проведению важного мероприятия.

— Вот он, ваш Ярцев, — Ирина показала на дно канавы. — Спускайтесь к нему, если запачкаться не боитесь.

— Не боюсь, — ответил председатель завкома.

— А-а... Григорий Павлович... — донесся оттуда голос Василия.

Пока Ярцев разговаривал с Черноусом, Ирина успела побывать в цехе алюминиевого литья и снова вернулась сюда. Беседа затянулась, Василий доказывал

что-то свое, чертил прямо на стене схемы, узлы, ни разу не подняв головы. «Увлёкся или считает, что ему уже не о чем со мной говорить?» — с обидой подумала Ирина.

Мотоцикл понес ее в сторону города с такой скоростью, что поднятая пыль слоилась над дорогой языками пламени: отсвечивала ярко-оранжевая куртка Ирины, и казалось, что пыль воспламеняется.

Глава шестая **САМОКОНТРОЛЬ**

По материалам пятой тетради

1

Кабинет технической пропаганды быстро опустел. Последним выходил Григорий Павлович Черноус. Захлопнул дверь и удивился, что на сей раз его никто не перехватывает «попутными» разговорами о распределении квартир, о путевках на курорты, в дома отдыха... Да мало ли вопросов, связанных с профессиональным обучением, с организацией отдыха рабочих и служащих, приходится решать завкому! И вдруг все эти вопросы будто потеряли свое значение или обозначился какой-то провал, после которого председателю завкома осталось только пенять на себя. Почему?

Здесь собирался актив постоянно действующего совещания по управлению производством. Тему подсказал генеральный директор:

— Качество... Теперь это нас заботит. И пусть такие парни, как Ярцев, на деле включаются в управление производством.

Григорий Павлович настроился добиваться повышения ответственности коллективов цехов и бригад за качество деталей, за строгость соблюдения технических

норм с помощью привлечения широкого круга молодых рабочих. Он, разумеется, не исключал опытных рабочих, инженеров и техников, но упор сделал на молодежь. В пригласительном билете очередного заседания было обозначено, что с заглавным сообщением по теме «Самоконтроль и качество» выступит шофер-испытатель Василий Ярцев. Конечно, в билете не было указано, что эта кандидатура подсказана генеральным директором. Думалось, руководители цехов и так поймут, что к чему, однако начальники цехов и ведущие инженеры просто не пришли на заседание, послав своих заместителей. Председательствовал главный инженер производства, но все знали, кто готовил заседание, поэтому вся ответственность легла на Черноуса.

Что же все-таки случилось?

Свернув с тропинки, которая вела домой, Григорий Павлович решил пройтись по берегу моря. Захотелось побыть одному, спокойно продумать ход заседания. Шаг за шагом память восстановила начало — шумная реакция зала. Вот уже слышится голос Ярцева. Он рассказывает о том, как проходил в Турине стажировку, как обкатывал там серийные модели легковых машин.

— Ближе к делу! — нетерпеливо бросил кто-то из зала.

— Не торопите, — ответил Ярцев.

Там, в цехах завода фирмы «Фиат», он не видел инженеров, прохаживающихся возле станков. Они заняты своими инженерными делами на пунктах управления. В цехе всему голова мастер. Он царь и бог над рабочими и, конечно, все знает, все чувствует — какая шестеренка на что жалуется. Его не проведешь, и, если он подошел к рабочему с дефектной деталью, считай, все-таки конец, увольняйся без выходного пособия и затем долгие месяцы изнывай у заводских ворот в толпе безработных. Рабочих высокой квалификации стараются не увольнять.

Там почти не знают, что такое ОТК — технический контроль. Все в руках приемщика. Перед ним и мастер вытягивает руки по швам. И опять же, не дай бог, обнаружится дефект или недоделка. Виновника сразу же выводят на чистую воду. Один шплинт не поставил — и нет ему жизни от самих рабочих, потому что из-за него весь узел машины идет как брак по самой низкой оплате.

В зале наступила тишина.

— Ну и ну, — протянул кто-то из задних рядов.

— Время работает на нас, — продолжал Ярцев. — Мы верим электронике. Но если сами автомобильные короли Запада говорят, что их начинают эксплуатировать советские автомобилестроители, что у них остался один очень сильный против нас козырь — качество! — то нам не мешало бы задуматься... По темпам они не собираются конкурировать с нами. Туринские автосборочные линии достигли нынешней мощности за семьдесят лет, мы построили свой завод за четыре года. И если в таком темпе проскочим мимо забот о качестве, капиталисты будут хвалить нас за темп и потешаться над массовым потоком рекламаций. Кому это нужно?..

— Не много ли берешь на себя, Ярцев? — крикнули из зала.

— Беру столько, сколько могу. К тому же я не один, у меня есть помощники, — ответил Ярцев, показав на стеллажи, размещенные вдоль лицевой стены технического кабинета. На них лежали разные детали, в том числе лист правого заднего крыла с дефектом от «прилипаловки». — Теперь прилипание устранено, чем вправе гордиться присутствующий здесь Олег Михайлович Жемчугов. С конвейера сходят тысячи наших автомобилей, — продолжал Ярцев. — Десятки тысяч рук прикладывают свои усилия к выпуску автомобиля, но все ли они, эти руки, делают свое дело на совесть?

О совести Ярцев говорил с особым увлечением. И о людях, занятых организацией соревнования.

— Передовиком объявляется тот, кто перевыполняет норму. А как можно дать полторы нормы на конвейере? В определенное время, через определенный интервал к тебе приходит деталь. Только одна, больше не будет. Откуда же берутся показатели сверх нормы? Обманываем себя или сознательно уходим от ответственности за качество. И если в таких условиях, — говорил он, — меня одного объявят ударником коммунистического труда, я откажусь от такого звания, чтобы не оскорблять всех, кто работает со мной на одной линии.

И высказал свою заботу о том, что прежде, чем автомобиль выйдет на дороги страны, он попадет в руки испытателя. Часть автомобилей прямо с конвейера идет на испытательный трек или на трассу со сложным профилем. Крутые виражи, подъемы, спуски, канавы. Их надо преодолеть на предельном режиме работы двигателя. И не один он, Василий Ярцев, занимается этим, а две сотни испытателей: свыше двух тысяч автомобилей в сутки будет сходить с конвейера. И если в этих двух тысячах лишь одна сотая часть окажется с дефектом, значит, каждому десятому испытателю предстоит ежедневно выходить на трассу с риском погибнуть или, в лучшем случае, оказаться на столе хирурга.

— Это ты сам себя пугаешь, — донеслось из зала.

— Пугаю, чтоб потом не бояться.

Далее Ярцев сказал, что если допустить лишь один процент недоброкачественных деталей, то его предупреждение должно насторожить всех. Какая деталь с браком не таит в себе угрозу аварии на скоростной трассе? В ходовой части таких деталей нет. В рулевом механизме одна плохо зачищенная заусеница на червяке приведет к заеданию колонки и — неизбежная катастрофа. В двигателе, в тормозных устройствах — всю-

ду малейший отступ от нормы означает мину замедленного действия, она взорвется на самом трудном участке пути. Даже дверца салона с плохо отрегулированными запорами может на повороте «отпустить» пассажира на асфальт, под колеса идущего следом грузовика... Совершенно недопустимо, чтобы в изготовлении легковых автомобилей кто-то осмелился классифицировать детали на ответственные и второстепенные. Так могут думать только люди без стыда и совести.»

Постепенно Ярцев подвел слушателей к демонстрации экспонатов, выставленных в техкабинете.

— А теперь позвольте мне показать, какая дырявая совесть у шлифовщика распределительного вала, — сказал он и с микрометром в руках доказал, что шейки вала имеют отклонения от допусков... Лишь в одной шейке допуски совпали с нормой. — Теперь посмотрите на этот диск колеса. Он с явным эллипсом внешней кромки. Уронил штамповщик горячий диск на пол, образовалась вмятина, выправить которую после охлаждения невозможно. Такой диск тоже попадает в поток готовых деталей.

Ярцев прошел в передний угол кабинета. Там скопилось столько деталей, что, казалось, целую машину можно собрать. И каждая деталь имела пометки браковщиков. Как вскоре выяснилось, Мартын Огородников считал эти детали бросовыми, часть из них стала его личной собственностью, но Кубанец уговорил показать их здесь...

— Кто вас уполномочил ревизовать работу цехов, да еще в период наладки? — требовательно спросили из зала.

— Сама жизнь, забота о качестве уполномочили нас прийти сюда с такими вещами, — ответил Ярцев. Он положил на стол президиума лист правого заднего крыла с меловыми пометками вмятин на переднем срезе

и пояснил: — Этот дефект некоторые руководящие товарищи даже решили не замечать, запрятать под грунтовку.

Ярцев остановил свой взгляд на лице Жемчугова, сидящего во втором ряду. Тот нацелил прищуренные глаза на председателя завкома, затем отвернулся. Весь его вид как бы говорил: «В этом присутствии я отсутствую, а ты, председатель, заварил кашу и расхлебывай сам, такой выпад даром не пройдет». Возле Жемчугова сидели сотрудники из ОТК, за спиной металлург Рем Акимович Угодин, чуть правее Булан Буланович, Ирина Николаева. До сей минуты они внимательно следили за Ярцевым, даже записывали отдельные его фразы. Угодин давал какие-то пояснения Жемчугову, и тут вдруг его дернул за рукав Булан Буланович:

— Замолчи, наушник!..

В зале поднялся шум. В первые минуты даже трудно было понять, кто кого обвиняет, кто кого защищает. Наконец наступила тишина. На трибуну поднялся заместитель начальника ОТК. Он не стал оспаривать подмеченные в деталях дефекты, а высказал свои сомнения по той части выступления, Ярцева, где, как ему показалось, видна тенденция преклонения перед мастерами «Фиата» и неверия в наши возможности плюс нагнетание мифического страха испытателей перед придуманными опасностями. И закончил заместитель начальника ОТК вопросом:

— Кто разрешил выносить с территории цехов такое количество деталей? Так растащим все заготовки новой модели и начнется сборка автомобилей в общезжитиях...

Поднялся комсорт группы монтажников, молодой инженер Пушкив.

— Вы хотели сказать: началось хищение на общественных началах?

— Предпочитаю не повторяться, — ответил оратор и, многозначительно посмотрев на комсорга, прошел на свое место во втором ряду, рядом с Жемчуговым.

«Ого, вон как поворачивается разговор! — насторожился Черноус. — Неужели и Пушкив будет говорить в таком же плане? Смысл его реплики не очень понятен...»

— Товарищ из техконтроля предпочел не повторяться. Дескать, и так все ясно. А мне не ясно. Поэтому повторю смысл вашей речи так, как я ее понял... — Комсорг сделал паузу, посмотрел на потолок. — Вот оттуда, свысока, вы смотрите на рабочих. Все они для вас маленькие люди. Вы выдаете себя за прозорливого политика, заботливого хозяина и тем самым лишаете нас права вмешиваться в производственный процесс. Пустили козлов в огород, и вот вам факт, факт налицо — идет хищение деталей. Улучили расхитителей публично. Так, да? — Пушкив требовательно взглянул на заместителя начальника ОТК.

— Постарайтесь не передергивать, — ответил тот.

— А вы постарайтесь оставить такие мысли при себе. Не лишайте рядовых людей доверия, они честнее, чем вы думаете. Что касается выставленных здесь экспонатов, то мы считаем, принесли их вы. Ведь выявление брака — ваша служебная обязанность. Однако получилось все наоборот. Вот почему вы попытались повернуть совещание в другую сторону. А почему — спросите собственную совесть. У вас много контрольных приборов, но это не значит, что вы избавлены от общественного контроля. Приборы строгие, но я больше верю строгой совести человека, в чьих руках находятся эти приборы.

Последняя фраза комсорга вызвала аплодисменты в задних рядах. В самом деле, предельно чуткий, предельно точный электронный прибор, улавливающий ошибки до одной сотой миллиметра, скажем, на

шлифовке шеек коленчатого вала, будет пропускать любые зазоры, если выйдет из-под контроля самого шлифовальщика или техника по электронике.

Попросил слова заместитель начальника цеха испытаний, затем заместитель руководителя монтажных работ на главном конвейере. Все заместители. Ведь основной тон разговора задал не генеральный директор, а всего лишь шофер-испытатель...

Вот так, молодой председатель завкома, знай табель о рангах — кто перед кем должен икру метать. Довольствуйся хоть тем, что заместители помогают тебе приподнять значимость такого мероприятия. Разве ты не видишь, твоя затея уже обрастает демагогией, перебранками?..

2

Шумит и плещется вода под берегом Крутояра, где остановился Григорий Павлович. Ночь. И набегу неумных волн оседланной здесь Волги кажутся ему более грозными, чем днем. Неожиданность всегда грозна. Он ощутил ногами, или ему почудилось, что берег пошел на обвал...

Ноги сами отступили назад. Благо, тут никого не было, иначе пришлось бы смеяться самому над собой, чтоб скрыть испуг.

К неожиданностям привыкнуть нельзя, хотя сама жизнь почти сплошняком состоит из них. Готовил себя к напряженной работе в одной области, вдруг перебрасывают на другую. Закончился период электромонтажных работ, и можно было переходить в электронно-вычислительный центр завода, осваивать новейшую технику согласно образованию — окончил московское Высшее техническое училище имени Баумана, — но пригласили в партком, и секретарь, полистав личное дело по учету кадров, неожиданно спросил:

— Почему кадровики не отметили, что был профоргом факультета?

— Не знаю... и не сожалею об этом.

— Напрасно. Три года на профсоюзной работе пропали бесследно.

— Не пропали. По студенческой привычке занимаюсь спортом, судейством спортивных игр, помогаю профоргам в разрешении производственных конфликтов. Многие из них правовых норм не знают и в КЗоТ не заглядывают.

— Точно, — согласился секретарь парткома, — не знают, и не заглядывают, и незнанием прикрываются. Может, послушаем твои, Григорий Павлович, суждения по этому вопросу на заседании парткома?

— Непонятно, почему выбор пал на меня?

— Мы решили рекомендовать тебя в состав заводского комитета. Этот вопрос уже обговорили на парткоме.

— Без меня меня женили.

— Нет, пока еще сватаем.

— И приданое приготовили?

— В корень смотришь: и приданое приготовили. Партком будет рекомендовать твою кандидатуру на пост председателя...

— Это уже не приданое, а хомут. Осмелюсь отказаться.

— Может, сначала подумаешь?

— Думать нечего. Я инженер и в профсоюзные боссы не гожусь. Электроника — мой завтрашний день.

Секретарь парткома еще раз перевернул первую страницу анкеты и строгим голосом напомнил, с какого года Черноус в партии. Затем смягчился.

— Хорошо, — сказал он, — отменять решение парткома не могу. Приходи завтра на заседание. Послушаем. Если члены парткома согласятся с твоими доводами, тогда будем агитировать генерального директора

на пост председателя завкома: ему труднее отказаться, ведь производство автомобилей — его родное дело...

Мягкий человек секретарь парткома, бывший фронтовик, почти всю войну прошел рядовым, дважды ранен, заслугами не козыряет, однако линию свою взял так, что не пытайся петлять перед ним.

Кабинет председателя завкома рядом с кабинетом генерального директора, напротив кабинет секретаря парткома. Треугольник. Первое время рядовому инженеру, ставшему председателем завкома, казалось, что в этом треугольнике он просто присутствующая фигура. Планы, графики, контроль за исполнением решений, мобилизация техники и людских сил на важнейших участках — все решается у директора и в парткоме. Где и как приложить свои силы председателю завкома в таком напряженном круговороте дел на пусковых объектах — никто не подсказывал. Ищи сам. Будешь заниматься только проверкой: как наклеиваются марки в профсоюзных билетах, — прослывешь ретивым сборщиком взносов. И потянуло обратно в заводские корпуса, к электрикам, монтажникам, слесарям, в молодежное общежитие. Каждый рабочий, техник, инженер несет в себе то, без чего любой график, любой план и решение могут остаться лишь благим намерением руководителей. Значит, здесь, в цехе, в общежитии, на спортивной площадке, ищи, председатель, точку опоры для своей деятельности.

И втянулся в круговорот новых дел, неожиданных для себя хлопот, от которых раньше инженеру-электрику было не жарко и не холодно. Скажем, профсоюзное собрание — проходящий эпизод. Казалось, переизбрали сборщика взносов и до нового отчетно-выборного можно не являться, все равно ничего существенного в производственной жизни профсоюзники не решают. А теперь хоть ночь не спи, хоть в кипятке варись, но находи силы побывать на цеховых собраниях, чтоб

подключить свежие силы членов профсоюза к решению насущных задач в цехах и на строительстве жилья. Приходится вступать в суровые перебранки с администраторами, хозяйственниками, которые то и дело «забывают» о профорганах, о правах завкома.

Общение с молодыми рабочими — особая статья. Молодые, как правило, не умеют таить своих оценок, высказывают свои настроения прямо и без оглядки. Хочешь знать, как пойдет монтаж второй линии конвейера по новому графику, иди к молодым монтажникам в общежитие или на монтажный объект. Не спрашивай, сами скажут, где дело пойдет хорошо, где плохо.

Много парней и девушек проводят время на спортивных площадках. Вспомнились Григорию Павловичу студенческие годы, когда неплохо играл в футбол, а затем стал признанным судьей спортивных игр. Будто вернулось то время: он так увлекся спортивными состязаниями, что забыл и про свой кабинет. Как-то даже опоздал на партийное собрание управления — судил ответственную встречу волейбольных цеховых команд. Секретарь парткома будто не заметил такой недисциплинированности. Лишь однажды, когда на заседание парткома приехал представитель обкома послушать сообщение о работе профсоюзных организаторов в цехах, секретарь парткома послал гонца за своим выдвиженцем. Вот-вот начнется заседание, а председателя завкома не видно: в этот час шел футбольный матч на первенство завода двух ведущих команд.

Примчался гонец — немедленно явиться в партком. Но разве можно бросить свисток в самый разгар игры?! Наконец приехал сам секретарь парткома. Приехал к финальному свистку и сию же минуту посадил Григория Павловича в свою машину.

— Разрешите переодеться?

— Не разрешаю. Приехал заводделом обкома, хочет познакомиться с нашими профсоюзными деятелями. Первым представлю твою персону, прямо вот так, в трусах и в майке. Пусть посмотрит на тебя в натуральном виде.

— Остановитесь, иначе выпрыгну из машины.

— Воздержись. Костюм и туфли ждут тебя за стенкой моего кабинета. Там и приведешь себя в порядок, архаровец...

Слово «архаровец» было произнесено с ироническим оттенком в голосе, чему обрадовался шофер: гроза прошла, все обойдется без строгих выводов.

Конечно, секретарь парткома был вправе возмущаться, пока не видел, сколько заводской молодежи собралось на стадионе. И вообще, его вроде устраивала хватка председателя завкома в работе с массами. Теперь бы еще с таким же задором развернуть борьбу за качество, за честь своего завода...

И вот первый шаг — постоянно действующее производственное совещание. Первый блин комом. Так было сказано в конце заседания. Один из членов парткома даже прислал записку: «Не принимать никаких решений, надо некоторые вопросы, всплывшие здесь, обсудить на парткоме». Дескать, допущены какие-то серьезные ошибки. Однако решение было принято, из которого явствовало, что «выступления участников о необходимости массового движения общественных контролеров за качество заслуживают одобрения и поддержки». Это окончательно возмутило товарища, подавшего записку. Во взглядах окруживших его людей можно было прочесть упрек: зачем приняли такое решение, от него пахнет подменой партийно-хозяйственного руководства профсоюзными директивами; заскок, политический заскок...

Разумеется, не завтра, так послезавтра партком обсудит итоги совещания. Сгустят краски против

Ярцева. Перебрал он и со своими подсчетами предполагаемых аварий, нагнал страх на водителей-испытателей...

Вероятно, такая неосмотрительность Ярцева настроила людей на перебранку. Из этого, конечно, можно сделать всякие выводы, вплоть до политической несостоятельности и ораторов, и организаторов заседания...

Так будет докладывать парткому автор записки. Как ему ответить?

А зачем, собственно, ломать голову для поиска ответов? Шла магнитофонная запись выступлений. Включить ту же речь Ярцева, затем спросить: разве Ярцев и его друзья не имели права говорить о том, что их беспокоит? Где, кроме производственного совещания, они могли заставить покраснеть некоторых начальников за такие вещи, которые были показаны на совещании? И вся недолга...

Досадно лишь за соседей по дому, а также за некоторых товарищей из управления производством. Подбрасывали, подбрасывали вверх и вдруг сразу руки пошвам — падай на булыжники. Не угодил чем-то, или по взгляду влиятельного товарища поняли — пусть падает, раз слишком много на себя берет...

Послушав еще несколько минут шум и плеск ночных волн перед Крутоярром и ощутив ногами еле уловимую дрожь берега, Григорий Павлович не спеша зашагал домой.

Огни в домах давно погашены. Не светятся окна и в собственной квартире: жена уже закончила проверять ученические тетради и, вероятно, видит сладкий сон. Сладкий ли?

Светятся окна на втором этаже молодежного общежития. Там, где живет со своими друзьями Василий

Ярцев. Похоже, обсуждают совещание, небось волнуется. Пожалуй, следует зайти, успокоить, хотя у самого в душе зреет тревога...

Зашел и удивился. Двери и окна всех комнат настежь. Коридор, кухня — все забито народом, слушают магнитофонную запись сегодняшнего совещания. Это Волкорезов параллельно с клубным магнитофоном, сделал запись на узкую пленку портативного магнитофона для себя и сейчас демонстрирует, чего стоит отцовский подарок ко дню рождения. Магнитофон чуткий, звучание чистое, ясное. Все слушают внимательно. Идет уже конец совещания. Принимается решение, которое, кажется, не следовало принимать...

Интересно, что же скажет по сему поводу Федор Федорович? Комендант общежития сидит на председателем месте. Это, наверно, по его инициативе собрались тут жильцы. Вдумчивый человек, в войну был комиссаром полка. Слушает и поглядывает на Ярцева. Тот пристроился на подоконнике, неузнаваем. Глаза посветлели, привычной хмурости как не бывало, чувствуется, легко ему стало дышать и думать. Вроде разрядился он сегодня от дум, отягчающих его, и доволен. Не рано ли?

Запись кончилась, и Федор Федорович тронул Волкорезова за плечо:

— Уступи место председателю завкома... Садись, Григорий Павлович, рядом со мной. В ногах правды нет.

— А может, наоборот, правду стоя выслушивают.

— Правда не приказ, ее обдумывают, поэтому, как видишь, все сидят, хоть на корточках, но сидят.

Пришлось присесть.

Федор Федорович спросил:

— Может, Григория Павловича послушаем?

— Меня вы, как вижу, слушали в записи на магнитофоне. Добавить пока нечего.

— Ну, что ж, — сказал Федор Федорович, — хоть завтра воскресенье, однако ночь дана для сна. Пора закругляться.

Никто не шелохнулся. Знали, Федор Федорович внимательно следит за событиями на заводе, думы жильцов этого дома стали его думами, скажет, обязательно скажет, что его волнует сейчас.

И он сказал:

— В дни штурма Познанской крепости, было это в феврале сорок пятого, ко мне подошел разведчик Евгений Горчаков. На голове немецкая каска, на плечах польский жупан, сапоги черт знает чьи, только звездочки в глазах нашенские искрятся. Подошел и говорит, что минувшей ночью побывал в цитадели. Не взять нам этот форт лобовым ударом, напрасно тратим снаряды и людей под огонь подставляем. Есть другой выход. Какой же?

И он предложил раздать всем гвардейцам схему разведанных им лазов внутри форт. Пусть каждый подумает и внесет предложение, такое, чтоб сам мог выполнить... Не все сразу поняли замысел разведчика. Некоторые командиры рот и один комбат высказали сомнения: расползутся люди, как управлять такими распыленными силами? Привыкли видеть свои подразделения собранными в кулак и попросту чуть-чуть не верили подчиненным, побаивались оставлять их без присмотра. Дошло это до командующего армией. Тот посмотрел на схему и сказал: в каждом солдате живет стратег, одобряю. И тысячи умов приступили к поиску и выполнению разумных предложений.

Через три дня, это было двадцать третье февраля сорок пятого, Москва салютовала в честь войск, взявших Познанскую крепость, которая во всех военных документах той поры оценивалась как неприступная. Вот так. А теперь по своим койкам, прижмите «небитый козырь» головой к подушке. И спать, спать...

В воскресенье состоялось открытие лодочной станции. Председатель завкома пришел сюда, как на работу, но вместе с женой. Среди прогулочных лодок и яхт закачалась на волнах плавучая база туристов с оркестром. Вальс парусников на воде — одно загляденье. Театр под голубым куполом неба. Сцена на водной глади залива, зритель на солнечном косогоре в сосновом бору. Слева от лодочного причала песчаная коса — купайся, загорай, детвора! Справа беседки, ларьки, тенты — дышите чистым до звона воздухом, отдыхайте. Здесь нередко проводит выходные дни генеральный директор. Сегодня его нет. Не пришел сюда почему-то и секретарь парткома, не видно и вчерашних «друзей» по совещанию. Неужели их так больно задела выступления бойких ребят? Послушали бы они мнение Федора Федоровича. Как он вчера восславил мудрость солдатскую! Даже салют в Москве вспомнил! А вдруг эти товарищи уже готовят обоснованные заключения к заседанию парткома?..

Забыть, забыть о них, когда перед глазами земные, человеческие радости отдыха. На миру у любой тревоги бег короток. Садись, жена, в лодку, и махнем на веслах до горизонта...

Вернулись домой не очень поздно. Можно было еще поиграть в волейбол, да что-то устал он. Пока жена готовила ужин, Григорий Павлович прилег на диван и уснул. Зазвонил телефон. Пришлось подняться. В трубке голос генерального директора:

— Беспокою по делу, Григорий Павлович.

— Слушаю.

— Сижу над проектом приказа по итогам вчерашнего производственного совещания... Нет, нет, правильно решили: производственное совещание должно быть постоянно действующим. Его рекомендации мы будем

оформлять в наших приказах. Какие, на твой взгляд, важные пункты вчерашнего совещания надо вынести на первый план?... Алло, алло! Кто нас прервал? Кто там дует в трубку?..

— Я и дую и думаю. Немного растерялся. Мне, вероятно, придется писать объяснение.

— Какое объяснение?... А-а-а... понял, понял, могу поручиться: никто письменного объяснения требовать не будет. Ярцев этот говорил резонно. Кто может отрицать, что у нас не хватает рабочих рук? Некоторые наши товарищи, не вдумываясь, спешат приписать ему и еще кое-кому всякие перегибы и прогибы...

— Откуда вы это знаете?

— Вот только что секретарь парткома и еще некоторые товарищи закончили слушать магнитофонную запись. Внимательно, очень внимательно слушали.. Этот парень критиковал нас крепко, но по-деловому.

— Я тоже так думал, но колебался.

— Григорий Павлович... Наш автомобиль должен отличаться по качеству, без этих привычных «но»!..

— Разрешите, я сейчас буду у вас.

— Не разрешаю: уже ночь, пора отдыхать. Позвонил, чтоб сказать тебе спасибо и уведомить: первый пункт приказа, согласно рекомендации производственного совещания, будет выглядеть примерно так.. Впрочем, завтра сам посмотришь. Спокойной ночи.

Глава седьмая

ВОЛОДЯ ВОЛКОРЕЗОВ

По выпискам из шестой тетради

1

Степной ветер, пахнущий весенней прелью, ласково подталкивал Володю Волкорезова то в грудь, то в спину. Он будто пытался закружить туриста, возвращаю-

щегося в город по извилистой тропе вдоль кромки моря, голубые клыки которого врезались так глубоко в степь, что казалось, именно здесь Волга собирается ухватиться за край степного небосклона. И если не хочешь обмануться, обходи каждый клык, не жалея ног: обрывистые кручи так и так приведут к Крутояру. Впереди еще целый день отдыха, можно не спешить.

Володя ночевал на берегу Сусканского залива. Тот залив образовался в долине речки Сускан. В момент перекрытия Волга метнула туда свои воды через узкую горловину междугорья, однако расширить владения больше, чем было запланировано гидростроителями, не смогла. Сила волн гаснет в горловине, поэтому залив обрел постоянные границы. Не зря же говорят: тихую воду, без волн, можно тыном запрудить.

Спалось там, на Сускане, тревожно, вероятно потому, что после заводского шума тишина залива обострила слух... Где-то далеко всплескивали весла, звенели девичьи голоса. Звенели и катились по водной глади, как серебряные монетки, высыпанные на стекло. Выйди из палатки, посмотри на воду, прислушайся. Для тебя, холостяк, звенит самая бойкая хохотушка. Звенит призывно и пугливо, даже боязно за нее, вдруг вывернется из лодки и захлебнется. Какой уж тут сон...

В селах каждая девушка вроде рыбки в стеклянном аквариуме — привлекательна и пуглива. Привлекательна естественной красотой, пуглива строгостью к себе — видна со всех сторон, вон сколько глаз следят за ней. Правда, последнее время и в селах стало много модниц в коротких юбках, но это всего лишь наивное подражательство городским. Подражательство перед многолюдием — вот мы какие, не отстаем даже от кинозвезд! — а про себя думают об одном: выйти замуж с чистой совестью, как наказывала мать, чтоб муж не упрекал и верил тебе, как себе, до глубокой старости.

От этого в деревне не уйдешь. Материнские глаза во всех окнах, на всех улицах и в проулках.

Думы, думы... Малых деревень становится все меньше и меньше. Они начали таять после того, как сократили карликовые школы. Деревня без школы что колодец без воды: не напиться, не освежиться. Вот и пошли отселяться родители туда, где учатся дети, — в крупные села. Ведь все живут ради детей и хотят видеть их рост своими глазами. Может быть, потом будут жалеть, что дети стали неслухами, поучают отцов и матерей, но что поделаешь, листопад с ветром не спорит.

В туристских походах по глухим местам Володя насмотрелся на буйный рост бурьянов в бывших огородах малых деревень... Свои мысли по этому поводу он высказал как-то отцу. Тот выслушал и только сказал на это:

— Дурью мучаешься! Знаю, зачем бродишь по глухим закоулкам. Невесту на кладбищах не ищут. Пора за ум браться. Мне не важно, откуда приведешь жену, лишь бы чиста была и внучат рожала...

У Володи еще до призыва в армию была на примете девушка из владимирской деревни Заозерки, однако теперь той деревеньки не стало, а девушка затерялась в районном селе, попала в сети многоголюдия и, кажется, завяла до цветения. Серебрянка. Голос напевный, глаза улыбочивые, притягательные, движения мягкие. Дала слово ждать до возвращения из армии, хранить верность. Строга была, даже ни разу не обняла.

— Потом, — говорила она, — потом, когда поженемся...

И не обняла... Отец знал эту историю, однако сейчас разговор с ним сын завел в другом плане, но он, как всегда, опередил думы собеседника и тем самым отрезал путь к доверительному обмену мнениями. Строгий и дальновидный старик верит только своему

уму, или ему просто трудно убедить себя, что сын, как он говорит, неуч, тоже научился читать книгу жизни по первоисточникам — не зря же столько исходил на своих двоих с рюкзаком на загорбке.

Думать никто не учит, думы сами собой приходят в голову, было бы понимание. И Володя стал понимать отца раньше, чем тот предполагал. Еще семь лет назад, в день двухлетия со дня смерти матери, отец сказал:

— Строй, сын, свою жизнь, как разум подсказывает, навязывать тебе свою волю не буду.

Он хотел подготовить сына к разговору о женщине, с которой встречался на службе, ходил с ней в театр, но не решился привести в дом. Однако Володя опередил его:

— Я тоже не буду тебе мешать. Женись. Говорят, молодые дамы добавляют старикам прыткости к фи-нишу...

Отец, как в рот воды набрал, ничего больше не ска-зал. Посидели, помолчали и разошлись. Через несколько дней в особняке появилась молодая, красивая Викто-рия Павловна. Отец объявил ее хозяйкой дома, и она быстро вошла в эту роль. Шофер личной машины больше выполнял ее распоряжения, чем самого акаде-мика; садовник забыл о фруктовых деревьях и зани-мался только цветами. Перед научным сотрудником Станиславом Павловичем, который все чаще и чаще стал появляться в библиотеке мужа, она поставила за-дачу:

— Провести полную инвентаризацию всех матери-альных и духовных ценностей по страховой ведомо-сти — нельзя жить беззаботно.

В тот день, когда Володя получал аттестат зрело-сти, Виктория Павловна пошла в школу вместо отца, томная и строго внимательная к друзьям сына акаде-мика. А утром вложила в его аттестат предьявитель-

ский чек на тысячу рублей для «подготовки» в избранный институт.

Володя не спешил искать своего счастья в институтских приемных комиссиях. Он все лето колесил по дальним и ближним окрестностям Москвы с друзьями-туристами. Затем махнул в Атлантику с экспедицией научно-исследовательского института рыбной промышленности подручным дизелиста. Больше года набирался строгой мудрости океанских рыбаков, затем его призвали в армию; оттуда вместе с однокашниками приехал на стройку автомобильного завода.

Предъявительский чек так и лежит в аттестате. Как-никак, тысяча рублей дана для поступления в институт, только в какой — еще не решил. Прежде всего надо установить призвание. Хотя в течение этих семи лет заботливая «дама», успевшая стать фактически и юридически хозяйкой дома академика Волкорезова, присылала и программы, и добытые по знакомству билеты приемных экзаменов в институты разного профиля, но Володя не спешил: без призвания любой профиль мозги клинит. Она же не раз намекала, что в солдаты и рабочие идут те парни, которые провалились, не попали в институты — «дебилы». Слово «дебилы» дежурит на ее языке, когда речь заходит о таких, как Володя.

Все разговоры с отцом о призвании заканчивались обычно так:

- Смотри, сын, смотри.
- Смотрю, отец, смотрю.
- Тогда говори, куда тебя тянет. Помогу.
- Не решил пока. Ведь сам когда-то говорил: поповоле стать ученым нельзя, но человеком быть обязан. Хороших слесарей, механиков, шоферов, хлеборобов без призвания тоже не бывает.

После такого разговора отец замолкал, как бы уходил в себя или, споря с самим собой, прятал от сына

усталые глаза. Однако недавно прислал письмо, вроде извинительное. Вычитал в какой-то газете имя сына в числе зачинателей общезаводского движения молодежи за качество. Понравилось ему, что сын осваивает новейшую технику производства автомобилей, и пишет: «Рад за тебя, Володимир, так держать». Не Володька, не Вовка, а возвышенно — Володимир. И ни слова о своих делах, о семейном благоустройстве.

Академик, похоже, не забывает о сыне. «Чую, по-солдному у вас дело поставлено. Такой завод построили и людям верное понимание жизни утверждаете, по тебе сужу».

Перебрал тут, конечно, отец. Завод можно построить еще быстрее, а вот попробуй так же быстро поставить на верный путь, скажем, такого парня, как Мартын Огородников, если он сам способен сбить с толку любого. Не суди по мне, а посоветуй — как тут быть? Совершенно бездарных ловкачей не бывает. Лени и хитрости в нем хватит еще не на одну пятилетку. Вот и прикинь, кто из нас тут ближе к истине? Ведь ты знаешь о заводе по газетным статьям. А газеты, как известно, порой подсказывают поспешные выводы...

Академик земледелия, поверив в сына, подкидывает идею для всего завода: «Для проселочных дорог тоже нужна красивая, легкая маневренная машина с четырьмя ведущими колесами. Молодые парни тянутся к рулю, потому и уходят в город...» В корень смотрит старик, но, кажется, опоздал: опытный образец такой машины, как сказал недавно на комсомольском собрании генеральный директор завода, скоро начнут испытывать на проселках...

Лишь в конце письма отец спросил, как выглядят нынешней весной прибрежные поля Заволжья. Этот вопрос натолкнул сегодня Володю пройти вдоль степного берега Жигулевского моря, которое так жадно вгрызается в хлебобобную степь. Пройтись и о

своих наблюдениях рассказать или написать отцу. Что он скажет по этому поводу?

На берегу отлогой излучины перед Крутояром, где степной ветер смешался с дыханием огромного завода, Володя будто проснулся и даже удивился: так много прошагал. Степь, хлебобобовые поля всегда возвращают думы к отцу...

Собравшись передохнуть, Володя остановился. Внезапно на тропе, как привидения, появились Афоня Яманов и Рустам Абсолямов. По всему было видно, что бежали сюда не зря, и вдруг предложили сесть на бережок отдохнуть, поговорить. О чем же? Друзья чем-то озабочены и встревожены. Неужели пришла какая-то плохая весть? Отцу не семнадцать лет...

— Ладно, говорите, что случилось?

— Мы так... ничего не случилось. Сядем, поговорить надо, — снова предложил Афоня.

— О чем же?

— Понимаешь, Володя, — чуть было не проговорился Рустам, но, встретив прямой взгляд очкастого Афона, попытался уйти от ответа в сторону и зачастил уж совсем невпопад: — Мы так... на прогулку вышли. Ирина на мотоцикле на Сускан махнула. Скоро вернется. Вася, как позвонили из горкома, так убежал обкатывать машину по твоему маршруту. Кубанец на служебной с Федором Федоровичем к Молодецкому кургану подались. Даже Полина с ребенком по городу твой след ищет...

— Да перестань ты! — возмутился Афоня и, как задиристый петух, выставив грудь, кинулся на Рустама. Того и гляди, свалится под обрыв.

— Стойте! — Володя схватил Афонию за шиворот и подтянул к себе. — В чем дело?

— Вот я и говорю, в чем дело, — оправдывался Рустам. — Сказано, в такой час надо быть возле тебя. Федор Федорович сказал...

— Объясните же наконец, что случилось?

— Звонили... и телеграмма... из Москвы... — Афоня задыхался, мучительно выдавливая из себя слова. — Нет, нет, отец жив..., Понимаешь, жив? Но у него инфаркт...

2

К мысу крутояра подкатила одна машина, вторая, сюда же приткнулся мотоцикл Ирины. Василий, Виктор, Полина подошли к Володе робким шагом. Значит, надо сначала убедить друзей — перед ними не птенец, выпавший из гнезда академика.

— Где телеграмма?

— У коменданта.

— Кто ее подписал?

— Виктория Павловна и какой-то Станислав Павлович, — ответил Василий.

— Ясно, — сказал Володя упавшим голосом. — Садитесь, хочу посоветоваться с вами.

Они расположились между двумя машинами. Полину с Галкой усадили в кабину: пришло время кормить ребенка. Виктор опустил стекло кабины.

— Надо ехать, — растерянно сказал Володя и быстрым взглядом окинул окруживших его друзей. — А как же я уеду? Ведь сегодня выходной. Кто оформит мне отгул? Самовольщиком не хочу быть...

— Это не твоя забота, — прервал его Василий Ярцев. — Кстати, кто такие Виктория Павловна и Станислав Павлович?

— Жена отца и ученый секретарь. Они давно обгегорили отца и теперь за мной гоняются.

— Брат и сестра?

— Не знаю, кажется, нет... Они хитрят, но я-то давным-давно раскусил их. Они хотят подчинить меня себе, хотят видеть меня покорным и униженным.

— Но ты не к ним едешь, а к отцу, — заметил Рустам.

— Правильно, к отцу. Но ведь они тоже будут возле него. Собыют с толку, вынудят отца сказать: оставайся, сын, возле моих дел, тебе тут найдут место...

— Ну и как ты ответишь? — спросил Василий.

— По твоему примеру.

— Опять не туда гнешь.

— Как не туда?.. Тебя звали мать и сестра. И работу тебе там подыскали, однако ты запрягал отцовские столярные инструменты в сундук. Почему?

— Обрел новую специальность, — ответил Василий и, помолчав, уточнил: — Инструменты храню и буду хранить — память об отце. Никому не миновать часа расставания с отцом, однако отречься от него — значит, отречься от себя.

— Я не отрекаюсь от отца, а просто не хочу видеть этих... Станислава и Викторию. Они будут предлагать свои условия, они уже наверняка подыскали мне место... Противно даже думать об этом.

— Что так? — спросил Витя Кубанец.

— Я уже нашел свое место по призванию. Оно здесь.

Володя нахмурился. Да, в детстве он не знал, что такое голод, его кормили, поили вдоволь, порой ел через силу, чтоб не огорчать отца, мать и няню; затем, повзрослев, тоже не знал нужды: одевали, обували так, чтоб было видно — сын академика; учился без особого прилежания, только в старших классах стал наверстывать упущенное, но было уже поздно. Аттестат зрелости все-таки выдали. Выдали в угоду академику Волкорезову: мол, сделали доброе дело... И оно обернулось против его совести: дутые оценки в аттестате угнетали его каждый раз, как только заходила речь о поступлении в институт...

С рюкзаком за спиной уходил от стыда, от навязчивых покровителей. Предлагая свои услуги, они не видели и не хотели знать, что переживает их подопечный, как подтачивается в нем вера в свои силы. Уходить надо от них, обязательно уходить! Высокомерные, они боятся глухоты. Только там можно укрыться от них. Поэтому подружился он с рюкзаком, хотя знал, что они успели наградить его новыми кличками: Горбатый Пешеход, Дебил, — дескать, больше ума в пятках, чем в голове... Теперь эти покровители зовут обратно, в свой мир, чтоб убедиться в своей правоте, поставить на колени жалкого сына перед завещательным письмом умирающего академика. Не будет этого! Пусть отец хоть в конце своей жизни удостоверится — сын знает себе цену и найдет верное решение. Соблазн жить вольготно и сыто за счет отца — удел убогих, если не сказать — трупоедов...

— Похоже, ты сбежал от них, но тянуть с вылетом в Москву нельзя, — заметил Василий.

— Вы считаете, что я должен вылететь сегодня же? — спросил Володя.

— Об этом мог бы и не спрашивать, — ответила за всех Полина с нескрываемой обидой в голосе. Она оставила уснувшую дочку в кабине и вышла из машины. — Верю тебе, Володя: и сдобные пышки бывают горше полыни. Не горюй, проживешь без них...

— Погоди с полынью и пышками, — прервал ее Витя Кубанец. — Тяжелую вест обговариваем.

Над головой Полины черными стрелами пронеслись стрижи. Полина присела рядом с Ириной.

— Опять стрижи берег раскачивать прилетели, — сказала она почти шепотом.

— На кормежку, — односложно ответила ей так же тихо Ирина.

Сидят на земле тесным кружком верные друзья. Стройка, преодоление трудностей, работа, учеба,

отдых, — все это, вместе взятое, сроднило их так, как, вероятно, роднит бойцов фронтовой окоп под огнем, как космический корабль космонавтов в космосе. Они умеют чувствовать переживания друг друга, и, несмотря на то что у каждого свой характер, бескорыстная дружба ведет их в царство взаимного доверия. Без такого доверия между людьми нет радости на земле.

На степном горизонте по небосклону ползли кучевые облака. Они густели и сливались в караваны навьюченных верблюдов, превращались в башни, в сказочных богатырей с длинными бородами ливня. С другой стороны, от Жигулевских гор, надвигались двухъярусные тучи, напоминая грудастых буйволов, подгоняемых бичами молний. Над Крутояром помрачнело. Быть здесь весенней грозе с ливнем. Друзья с тревогой поглядывали на небо. Еще не все обговорено, еще не все обдумано.

— Конечно, Володя, — сказал Василий Ярцев, — ты должен лететь в Москву сегодня же.

— В очередной или административный отпуск? — спросил Витя Кубанец.

— Нет, ни то и ни другое, — ответил Василий. — В очередном он был. Завтра с утра договоримся, чтоб на вашем агрегате начал стажироваться резервный экипаж, а вас пошлют на две недели в жилстрой...

— Вот молодец, правильно придумал, — одобрил это предложение Рустам. — Каждому по одной лишней смене в неделю. Я могу через день выходить за него.

— Принято, — заключил Ярцев. — Пусть Володя летит сегодня в ночь, а мы с утра зайдем к начальнику цеха и договоримся, кто в какой день будет выходить за Волкорезова.

— Пожалуй, надо сразу составить график выходов, — предложил Афоня Яманов. — Ну, хотя бы недели на две...

— Не надо... — остановил его Ярцев. — Володя про-

будет в Москве столько времени, сколько потребует обстановка... Слышишь, Волкорезов?

Володя поднял голову, посмотрел на небо и ответил куда-то в пространство:

— Работать за меня собрались... Вернусь через два-три дня. Повидаю отца и вернусь.

Над Крутояром блеснул зигзаг синей молнии. Ее острый конец скользнул возле мотоцикла, метнулся под машину и, свернувшись в продолговатый клубок, напоминая кувшин, наполненный яркой желтизной, покатился к обрыву берега. Редкое явление природы — шаровая молния весной. Она, казалось, опалила берег, и там вздыбились серые столбы вихревой мглы. Какое-то мгновение шаровая молния будто пыталась воспламенить эти столбы, но они крутыми спиралями ввинчивались в низкое небо, откуда низвергался хлесткий ливень. Сотрясающие воздух и землю раскаты громовых разрядов, ураганный ветер с ливнем будто вознамерились смахнуть и смыть все, что прицепилось и выросло за эти короткие годы на голой степной возвышенности. Может, поэтому она и была такой голой, что здесь, перед хребтом Жигулевских гор, нависших над материковым руслом Волги, время от времени вступали в яростное противоборство два потока ветров — злых, суховейных со степных просторов и не менее грозных, с тяжелыми тучами, которые собираются под прикрытием всхолмленного правобережья и потом разбегаются вдоль рукава Волги. Ведь именно здесь, в Жигулях, Волга сделала замысловатую петлю, вроде бы подготовила арену для столкновения могучих сил природы.

Друзья укрылись в машинах.

Осатанело небо, застонала земля, забился, как в лихорадке, Крутояр. Раскаты грома глохли в ревущем круговороте ураганного ветра и хлынувшего степного ливня. Песчаные гривы взбухали и пузырились.

Полянки покрылись прыгающими шляпками каких-то водянистых цветков, похожих на одуванчики, будто не ливень с неба, а сама земля выталкивала их для спасения своего покрова: огонь гасится огнем, а вода — водой.

Еще один заход урагана — и вырванные с корнем стебли отзимовавшей лебеды поволокли за собой хвосты непроглядной мглы. Стало темно. Лишь всплески ярких молний на мгновение обнажали наползающие одна на другую толстые черные тучи над Крутоярмом. И будто этого момента ждала перегороженная здесь Волга. Раскачалось и расхотелось рукотворное море. Не брызги и пену, а словно дым с искрами и синим пламенем выбрасывали на высокий берег вздыбившиеся волны. Теперь они уже не ухали «ух-ходи, ух-ходи», а громыхали, как залпы салюта. И Крутояр ходуном заходил, точо собрался сдаться на милость разбушевавшейся стихии, сбросить, стряхнуть с себя сотворенное человеческими руками. Штормовые удары напористых волн отдавались подземными толчками так, словно там, под обрывом берега, запульсировал вулкан неукротимой силы. Казалось, горы, степь опрокинутся и отступят под напором неистовых волн и ураганного ветра.

Друзья вернулись в общежитие затемно. Тут их тревожась, долго ждал комендант. Усталый, лицо в густой сетке морщин, а в глазах доброта. Вон какая буря пронеслась, все могло случиться, и у самого перед тем часом в затылке ломило до темноты в глазах, но нельзя оставлять такую телеграмму Володе Волкорезову просто в столе. Федор Федорович уже успел заказать билет на самолет и только что уточнил: состоится ли рейс после такой бури? Ответили, что состоится.

— Кофе тебе, Володя, в термос налил, бутерброды подготовил, — сказал Федор Федорович, будто заранее

зная, какое решение приняли ребята. — Слетай, разбе-
рись. Телеграмма мне не очень понятна...

— А где она? — спросил Володя.

— Ах да, я забыл. — Он открыл стол. — Можно не
читать. Вроде раньше смерти хоронить собрались, ждут
тебя решить какие-то срочные дела...

Володя взял телеграмму, но читать не стал. Не
тронулись с места и остальные. Наступила неловкая
пауза. Ее нарушил Федор Федорович:

— Разговаривал я с врачами. Современная медици-
на научилась спасать человека и после инфаркта,
давным-давно научилась!...

Володя пробежал глазами телеграмму и тут же
мысленно увидел пакет: «Владимиру Волкорезову,
вскрыть после моей смерти...» К пакету приколот бланк
доверенности, которую должен подписать Володя в
присутствии нотариуса и тем дать право ученому сек-
ретарю быть опекуном сына умершего академика, а
это значит и распорядителем той доли, какую опреде-
лил отец сыну в своем завещании. После вскрытия
пакета будет виден объем доли. Отец наверняка писал
это завещание под контролем Викторией Павловны и
Станислава. Опекуны, они в самом деле заставят уми-
рающего старика торговаться с сыном заочно... Нет,
этого допустить нельзя! «Обойдусь без опекуна, — по-
думал Володя. — Свою долю я передам дому инвали-
дов».

И если до этой минуты он еще колебался, лететь
ему сегодня в Москву или не лететь, то сейчас решил
твердо:

— Лечу, ребята, помогите достать билет на само-
лет.

— Билет уже заказан, — сказал Федор Федорович.
Звякнул телефон. Командант поднял трубку.

— Да, вернулся. Все нормально... Ясно... — И пото-
рошил ребят: — Собирайтесь, в аэропорт ехать пора.

Глава восьмая
РАЗГОВОР С ПАМЯТЮ

По тексту седьмой тетради

1

Накануне Дня Победы кому-то пришло в голову пригласить коменданта общежития Федора Федоровича Ковалева в клуб интересных встреч. Обычно там собирались молодые специалисты и, как было известно Федору Федоровичу, за чашкой кофе слушали конструкторов, кибернетиков, опытных спортсменов, участников автогонок. Иногда туда приходили итальянские специалисты, которые по собственной инициативе рассказывали о совершенствовании той или иной модели автомобиля фирмы «Фиат». Между выступлениями бывали музыкальные антракты или короткометражные фильмы, как правило, из туристской фильмотеки местных кинолюбителей.

Федор Федорович согласился выступить на такой встрече, а потом спохватился: быть может, организаторы решили музыкальную «прокладку» заменить выступлением ветерана войны? Еще поставят рядом плясуна с балалайкой или какого-нибудь вруна с лубочными байками: «Фрицев штыком через головы швырял, как снопы». Много сейчас таких сочинителей развелось. После войны как после охоты: у кого полон ягдташ, тот молчит от усталости, а мазила врет: «Душлетом десять штук свалил, все подранки в камышах остались...»

Однако отступать было поздно: клуб интересных встреч уже расослал приглашения и вывесил объявление, где обозначено: «Выступление участника штурма Берлина Ф. Ф. Ковалева».

Опасаясь собственной памяти, Федор Федорович стал думать, как установить доверительный контакт

со слушателями? Ведь иногда бывает грустновато от забывчивости тех молодых людей, которые смотрят на былое с прищуром, с ухмылкой, будто им нет никакого дела до прошлых земных неурядиц и драк. Иные даже ехидствуют: за что воевали, коль некоторые страны, поверженные в минувшей войне, обходят ныне победителей по каким-то статьям?! Вроде бы в наш век выгоднее быть побежденным, ибо побежденный лишен права содержать армию и тратить огромные средства на вооружение...

«С чего же начать разговор?» — спросил себя Федор Федорович.

«Ну, хотя бы с того, что заботит сегодня думающего человека», — ответила ему память.

И он решил продемонстрировать перед памятью свою способность толковать о сегодняшней жизни с позиции смелого и даже дерзкого в прошлом вояки.

«Конечно, о жизни, о завтрашнем дне... Если даже глупый своей назойливостью сверчок откладывает личинки в самых глубоких щелях и утепляет их своей плотью, то человеку тем более положено заботиться о своих потомках».

«Так, так, — сказала память, — узнаю гвардейца».

«Бывшего, теперь в обозе — комендант общежития, но от партийных обязанностей в отставку не прошусь. Еще могу будить дремлющие от сытости мозги».

«Как же, каким путем?» — спросила память.

«Своими тревогами».

«Они у тебя есть?»

«Жизнь без тревог остается у человека в рыбке».

«Высказывай, что волнует тебя».

«Думы мои не от радости. Замечаю: безразличным людям шить или пороть — одна услада, лишь бы сверху команда была».

«Знакомая тема, — отозвалась память, — от такой услады до тошноты один шаг».

«Уже подташнивает, но что делать?»

«Есть испытанный метод: откройте пошире окна и двери для заботливых людей. Заботливый будет шить не спеша, но так, чтоб не пороть».

«А как быть с темпом?»

«Темп без качества — бег назад».

«Вот этого я и боюсь».

«Бояться не надо, но тревога резонная. У тебя, наверное, есть конкретные наблюдения?» — спросила память.

«Есть. Вон какой завод вымахал! Темп космический. При такой скорости верстовые столбы в сплошную стену сливаются, хотя известно, что нет метра без одного сантиметра».

«Ты хочешь сказать, — заметила память, — инерция — злая сила?»

«Да. Почти все поломки механизмов при торможении или поворотах приносит она».

«Это давным-давно известно. Но к чему ты об этом заговорил?»

«Выпуск машин, да еще массовый, без резкого поворота в сторону качества может принести огорчения».

«Узнаю заботливого человека, — сказала память, — надеюсь, ты не в единственном числе».

Федор Федорович помолчал.

«Еще что?» — спросила память.

«Люди приезжают сюда из Казахстана, с Кулунды, из Сальских степей, с Кубани и жалуются: черные бури землю истощают».

«Эрозия земли? — удивилась память. — Такой хвори на наших землях не знали и мои предки. Откуда она взялась и почему?»

«Она пришла недавно. Размахнулись на гигантские гоны, вспахали все подряд и — гуляй, ветер, уноси гумс в облака».

«Ветер и раньше гулял».

«Гулял, но не такой свирепый. Беда... Дети и внуки будут проклинять наше поколение, если оставим им хворую землю».

«Заботливо сказано, — согласилась память. — Только где ты был до сих пор, почему молчал, или куриная слепота напала на тебя в ту пору?»

«Ох, и злая же ты, память! Ведь знаешь, где был, а спрашиваешь, чтоб пристыдить, позлорадствовать».

«Я независима от тебя, потому могу не только злорадствовать, но и сурово наказывать. Не вызывай на дуэль и не казни мертвых. Чем это кончилось, тебе известно. Мог быть еще более суровый приговор», — напомнила память.

«Все, сдаюсь, пощади и помоги», — взмолился Федор Федорович.

Теперь уже память взяла верх и начала диктовать свои условия:

«Если ты считаешь себя думающим коммунистом, то сделай все, чтоб дети и внуки твои не отрепились от боевых традиций отцов. Хотя некоторые молодые люди смотрят на тебя с прищуром, с ухмылкой, не огорчайся. Традиция не инерция, ее не надо опасаться. Это осмысленное исполнение долга перед предками. Она обязывает сохранять завоеванные моральные богатства и оберегать их... Бережливость. Зафиксируй свое внимание на этом. Бережливость духовных богатств общества исключает эгоизм, заботу только о себе, о своем благополучии и подсказывает пути приложения сил к общему делу, утверждает строгую совесть без права на самооправдание. Кто умеет обвинять себя, того жизнь постоянно оправдывает».

«Погоди, память, погоди. Ты толкаешь меня на то, чего я боюсь больше всего: поучать нынешних молодых людей опасно, они не терпят поучений».

«А я не боюсь этого, — ответила память. — И презираю таких трусов. Ты собираешься стать приспособ-

ленцем, подладиться под общий тон и потеряться. Я не узнаю тебя. Вспомни, каким ты был в боях под Москвой, при штурме Берлина? Плелся в хвосте или вел за собой людей?»

«Сама знаешь».

«Знаю, потому и спрашиваю: с каких пор изменил себе?»

«Не изменил, но и не хочу, чтоб думали обо мне, будто живу старыми заслугами».

«Они у тебя не такие уж старые, если не собираешься козырять ими на каждом шагу».

«Не козыряю, только подсажи, я не буду спорить с тобой, подсажи — с чего начать и чем закончить выступление о Дне Победы?»

«С чего угодно, только не отвергай меня. Открой ящик в столе и найди там свои награды, которые скрываешь от людей».

Федор Федорович на этот раз не решился спорить с памятью. Выдвинул ящик стола. Там, в большой коробке, хранились его ордена и медали. Выбрал только один орден — Боевого Красного Знамени, полученный за штурм Берлина. Закрепил его на лацкане пиджака, посмотрел на себя в зеркало. Орден блестит, даже, кажется, греет грудь и чуть-чуть пощипывает сердце.

Послышался стук в дверь.

— Входите, — отозвался Федор Федорович.

Как и следовало ожидать, это был Василий Ярцев со своими друзьями.

— С наступающим днем рождения, Федор Федорович.

— Спасибо. Только вынужден уточнить: второй счет своих лет веду со дня окончания Сталинградской битвы. Мне, по существу, еще и тридцати нет.

— Мы так и считаем, — согласился Витя Кубанец и, глядя на орден, сказал: — Ведь мы знаем, это не единственный...

— Так надо, сами поймете почему.

И тут вперед выступил Афоня Яманов:

— Мы уже поняли. Это за Берлин, по теме вечера.

Удивительный этот очкарик! Когда в комнате беспорядок, он больше всех переживает, берет вину на себя, чтобы других не ругали. Но спроси его, кто сделал новую вешалку или отполировал тумбочку, промолчит или ответит неопределенно: «Мы все любим порядок».

Сейчас он будет выштыгивать, за что получен орден, ведь ему все надо знать раньше других... Так и есть, спросил, как выстрелил, прицельно:

— Кто вручал этот орден?

Федор Федорович насторожился: «Неужели знает, чем закончился для меня штурм Берлина?»

Ковалев пристально посмотрел на Афонию, и вспомнился ординарец Сережа Березкин — вечная ему память! — верткий, шустрый сибирячок. Тому тоже всегда хотелось все знать раньше других. Только глаза у него были на редкость зоркие. Перед Берлином он из винтовки снял двух фаустников, засевших на чердаке дома. Они держали под прицелом мост через железную дорогу, куда прорывались штурмовые танки. Снял и помазливает.

«Это ты так точно бьешь?»

Сережа только и сказал:

«Может, и я, но у нас все меткие...»

После ночного боя за аэродромом Тепельхоф штурмовые отряды полка, заняв исходные позиции для нового удара, сделали передышку на завтрак. Танки замаскировали так, что не поймешь — груда развалин громоздится или боевая машина. Гвардейцы-сталинградцы знали, как надо укрываться в такой обстанов-

ке. Лишь белесый дымок и запах походных кухонь не знали как маскировать в том тротильном чаду.

На время завтрака Сережа Березкин остался наблюдателем на четвертом этаже флюггафена, взятого ночью здания управления аэродромной службы. Не успели повара развернуться, как Березкин подал сигнал со своего наблюдательного пункта:

«Прекратить раздачу!»

«В чем дело?»

«Фашисты сюда прут, прямо на запах кухонь».

«Много?»

«Всю улицу запрудили, конца не видно».

В самом деле, в этот момент из центра Берлина, из Тиргартена, шла огромная колонна немцев. Юнцы, школьники. Они шли вдоль Колоненштрассе восьмьюрядным строем. На плечах фаустпатроны, в ранцах, как потом выяснилось, вместо книг и тетрадей тротил со взрывателями. Живые, на юношеских ногах, противотанковые мины. Их вели офицеры из бригады Монке «Лейб-штандарт Адольф Гитлер». Вели умирать под гусеницами русских танков. Как предотвратить безумие? Открывать огонь, затем бросать в контратаку штурмовые танки — гибель юнцов неизбежна. Запросили по радио командира корпуса — как быть? Там находился командующий армией. Он ответил:

«Остановить и повернуть обратно к Адольфу».

«Не получается, они уже разнесли в клочья одну кухню и повозку вместе с езовым».

«Остановить. Не первый день воюете...»

Было ясно, что командующий запретил открывать огонь и давить танками юнцов. Между тем первые квадраты колонны уже расчленились на группы. Еще минута — и внутри боевых порядков полка начнется бой, прольется кровь. Где же выход?

И, кажется, раньше всех осенила счастливая догадка Сережу Березкина:

«Пашками, дымовыми пашками их надо слепить!» — крикнул он. Крикнул через плечо радиста в микрофон радики в тот момент, когда командиры отрядов и танков перешли на прием и ждали команду.

Через несколько секунд дымовая завеса непроглядной тучей поползла вдоль Колоненштрассе. Верховой ветер с юга прижимал ее к земле вместе с юнцами. Не обошлось, конечно, без крови. Те, что захлебывались дымом, падали вниз лицом, остались живы, а те, что опрокидывались на ранцы с тротилом, не успевали и слезу смахнуть, подрывали себя вместо русских танков.

Оставшиеся в живых сознались, что в минувшую ночь они клялись фюреру умереть за великую Германию. Было это во дворе имперской канцелярии. Десятя тысяч юнцов выстроились буквой П. В центре костер, у которого — Адольф Гитлер. Перед своей смертью он бросал их на верную гибель, без права возвращаться к учебникам, к родителям, к жизни. К счастью, большинство из тех, что шли по Колоненштрассе, не смогли выполнить данную Гитлеру клятву и, вероятно, до сих пор не знают, кого за это благодарить.

Командующий приказал представить Березкина к ордену Красного Знамени, о чем было объявлено во всех подразделениях полка. Сережа будто напугался такой вести и целые сутки не показывался никому на глаза, вроде застыдился: зря его таким орденом отмечают, хватило бы медали «За боевые заслуги». И не успел он получить свой орден...

Нет, нет, это не тот, что на груди Федора Федоровича. Вопрос Афони Яманова смутил сейчас Ковалева так, что хоть снова проклинай свою память или вступай с ней в непримиримый спор.

...Начался заключительный штурм центра Берлина. Федор Федорович заменил командира полка,

выбывшего из строя по ранению. Сережа Березкин взял на себя обязанность адъютанта — замполиту не полагалось иметь такового — и проявил редкостную расторопность в оценке боевой обстановки. Он успевал нанести на карту продвижение каждого штурмового отряда, связаться с разведчиками, чтоб обозначить наиболее опасные объекты, проверить, где повозки с боеприпасами, вызванные по приказанию «двадцать второго» — так обозначался замполит в таблице кодированной связи. И удивительно, Сереже удавалось найти время подшить свежий воротничок и почистить сапоги своему начальнику.

Полк продвигался к имперской канцелярии. Этому, кажется, больше всех радовался Сережа Березкин.

«Вот будет здорово, если Гитлера живым схватим!» — говорил он, нанося на карту обстановку.

Однако путь к имперской канцелярии с юга преграждал Ландвер-канал. Полку не удалось преодолеть этот рубеж с ходу. Целые сутки протоптались на месте. Тут действовали батальоны бригады Монке — охраны Гитлера. Полк нес потери. И если бы «двадцать второй» не взял на себя смелость приостановить атаку, чтоб подготовить мощный удар прицельного артвоинетного огня, для чего требовалось несколько часов, то от полка осталось бы одно название.

Между тем части, наступающие на центр Берлина с севера и северо-востока, уже завершили штурм рейхстага. Над продырявленным куполом символического центра законодательной власти третьего рейха взвился алый стяг! Но гитлеровцы еще продолжали ожесточенно сопротивляться. Кто мог тогда знать, что наше знамя над рейхстагом еще не будет обозначать конец кровопролития на улицах Берлина? Героические воины, водрузившие это знамя, не знали, что управление гитлеровскими войсками сосредоточено в другой точке — в подземелье имперской канцелярии на Лаос-

штрассе. Лилась кровь и первого мая, когда Москве уже стало известно о водружении знамени Победы над Берлином. Встала задача — подавить сопротивление батальонов, обороняющих подступы к имперской канцелярии, и тогда последует капитуляция берлинского гарнизона, бессмысленное кровопролитие кончится. Эту задачу могли выполнить раньше других полки, что остановились перед Ландвер-каналом.

...Обычно Сережа Березкин ходил вслед за замполитом как ординарец, а в этот день почему-то вдруг вышел вперед. Захотел показать свою лихость или... Нет, скорее всего, заметил цепким взором или почувал, что «двадцать второй» уже пойман на мушку гитлеровским снайпером. Выскочил вперед, приостановился, как бы прикрывая собой идущих за ним замполита и радиста. И пуля прошла ему голову. Попала в лоб. Она, конечно, была предназначена не для него.

Горько и больно было прощаться с верным фронтовым другом. Федор Федорович взял его на руки, опустился с ним на минуту в подвал — скоро последует сигнал возобновления штурма. И надо же, именно в эту минуту в наушниках радики на полковой волне слышался голос:

«К микрофону «двадцать второго». Вызывает «ноль седьмой». Это кто-то из штаба корпуса.

«У микрофона «двадцать второй», слушаю».

«Доложите, как идет подготовка к подписке на заем?.. Почему молчишь? Ты должен был донести об этом еще три дня назад. Нам важно знать предварительные итоги. Так все хозяйство ставишь в трудное положение. Чем объяснить такое разгильдяйство?»

В ту пору ежегодно проводилась подписка на заем. В 1945 году она намечалась на пятое мая. «Ноль седьмому» важно было знать предварительно, какую сумму даст гвардейский полк. Ему, видно, очень хотелось козырнуть перед высшей инстанцией: «Вот смот-

рите, штурмуем Берлин успешно и по подписке на за-ем не отстаем». А тут нерасторопность «двадцать вто-рого» портит все дело.

«Алло! Алло! «Двадцать второй», завтра же яви-тесь на парткомиссию. Такое политическое недомыслие несовместимо с пребыванием в партии. Вы слышите?»

«Слышу... Можете исключить заочно».

«Что? Повторите...»

«Повторяю: пошел ты к такой-то матушке...»

Этот разговор на полковой волне, конечно, слуша-ли радисты всех полков корпуса. Вероятно, в эфире возникла пауза или хохот, но «двадцать второй» уже ничего не слышал. Бросив микрофон, он поклонился Сереже Березкину и ушел в боевые порядки первого штурмового отряда. В те часы... он, кажется, искал смерть, был все время впереди, первым ворвался во двор имперской канцелярии. Но смерть миновала его.

3

Пришел день разбирательства в армейской партий-ной комиссии. Все торжествовали победу, а бывшему «двадцать второму», отстраненному теперь от всех обязанностей, надо было думать — ведь могут ото-брать партбилет. Что делать? Решил побывать у ко-мандующего армией, который знал его еще по Ста-линграду. Пришел к особняку командующего рано утром, походил перед окнами и уже собрался было идти обратно в полк, как возле калитки закричели тормоза машины. Сию же минуту из дома вышел командарм.

«Ты что тут, Федор, с утра пятки отбиваешь?»

«Да... вот пришел сказать: на парткомиссию меня сегодня».

«Знаю».

«Но ведь я не случайный человек в партии».

«Знаю. Иди отчитывайся, потом посмотрим».

И командарм уехал в штаб. Некогда ему тут выслушивать самооправдания. Там, в штабе, его ждут не менее важные дела: вон какую гору взвалили на него — обеспечение порядка в поверженной столице Германии...

Но когда стали разбирать персональное дело Ковалева Ф. Ф., командарм внезапно появился в комнате, где заседала парткомиссия.

Послушав выступления двух или трех членов парткомиссии, он попросил слова:

«От имени Президиума Верховного Совета СССР и по личному поручению Михаила Ивановича Калинина вручаю Федору Федоровичу Ковалеву орден Боевого Красного Знамени».

Вручил и тут же покинул комнату парткомиссии. Членам комиссии осталось только переглянуться, принять решение — закрыть дело — и поздравить Ковалева с высокой наградой...

И сейчас, вспоминая, как в момент поздравления одни члены партийной комиссии прятали свои взгляды, а другие искренне радовались, Федор Федорович решил предупредить Василия Ярцева о чем-то очень важном, но тут снова заклинил ход мысли Афоня:

— Говорят, этот орден у вас вместо Золотой звездочки.

— Чепуху ты городишь!

— Не горожу, а читал в записках дяди Левонтия. Он ведь был в вашем полку. Яманов, Левонтием его звать. Помните?.. Ну, вот. Записки его я все равно опубликую. Вас нашел и того, бывшего «ноль седьмого», встречал.

— Не знаю никакого бывшего «ноль седьмого», не знаю. Чепуха все это!

— Если вам так надо, больше не буду бередить ваше сердце, — смирился Афоня.

Однако этот разговор вынудил Федора Федоровича вернуться к столу, достать коробку с наградами и попросить ребят разместить их на груди. Грудь его на этот раз показала ребятам очень узкой. Теснота, хоть медаль на медаль накладывай.

Зал клуба встретил ветерана войны вовсе не так, как предполагал Федор Федорович. И опять начался его спор с собственной памятью:

«Ты презираешь меня за трусость, называешь приспособленцем, но посмотри, какие умные люди, как внимательно они слушают».

«Вижу, но ты будь самим собой, не припадай».

«Не припадаю, но они уже все поняли».

«Сомневаюсь, проверь».

«Как?»

«Говори и замечай, кто поглядывает на часы».

«Нет таких».

«Не обманывай себя, приглядишься».

Заканчивая рассказ о штурме Тиргартена, о героизме однополчан, исключив, конечно, эпизод ругани по радио с «ноль седьмым», Федор Федорович увидел Огородникова. То и дело крутит своей косматой головой по сторонам, посматривает на ручные часы, прихлебывает кофе. На шее японский транзистор. Того и гляди, включит музыку. Ребята говорят, что приладился Мартын к гостинице, в которой живут итальянцы и шведы. Молоко разносит. Итальянцы любят наше молоко. Сегодня Огородников вырядился во все заграничное: желтые носки, зеленый галстук. Сидит рядом с итальянскими специалистами. У них и прически нормальные, и костюмы у многих из нашего добротного материала, слушают напряженно, стараются понять смысл без переводчика, в руках русско-итальянские словари.

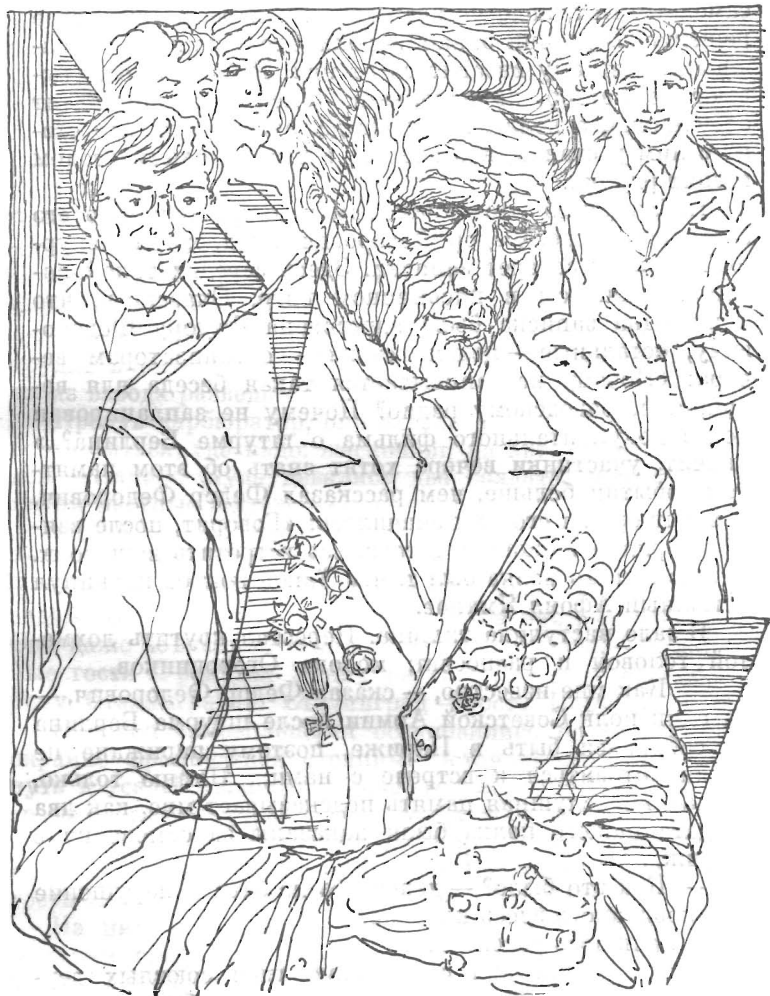
Когда обозначатся перемены в характере Огородникова, когда к нему придет желание вытряхнуть из

себя хитроватую глупость рисоваться под обиженного судьбой неудачника и затем честным трудом завоевать уважение товарищей, — кажется, не дожидаться. Уже завершается подготовка к пуску всего комплекса механизмов огромного завода, а он, Огородников, остался таким, каким пришел на строительство. Тысячи парней и девчат овладели за это время специальностями комплектовщиков и сборщиков основных узлов серийного выпуска автомобилей, а он, мотаясь по всем цехам, готовился к сборке личного автомобиля из «бросовых», как он считал, деталей.

— Не бросовые, а ворованные, — говорили ему друзья по общезнанию.

— Поймайте — тогда говорите «ворованные», — отвечал он, отставывая свой замысел еще в начале такой авантюры. — Жмите на контроль за качеством, озолочу. Из бракованных буду собирать не на мировой рынок, а для себя, для личного пользования...

Не без умысла он поступил на службу в ВОХР — военизированную охрану завода. Там нашелся оглядистый человек Тимуров, в помощниках начальника ходил со своим планом. Про запас ему нужен был такой хваткий парень. Не зря же говорят: везде необходим козел отпущения, на которого можно свалить любой просчет. Но ребята убедили Огородникова показать личный запас бракованных деталей на совещании по управлению производством, и Тимуров вынужден был писать объяснение, как и почему попал под его покровительство такой хват. Теперь Огородников снова мотается, молоко вот разносит... Можно ли такое парня заставить задуматься о завтрашнем дне? Пожалуй, напрасно согласился Василий Ярцев с доводами Абсолямова, Волкорезова, Яманова и Кубанца, что нельзя допускать Огородникова даже к стажировке на том агрегате, на котором они работают и понимают друг друга, как хорошо слаженный экипаж танка или

самолета. Нет, надо посоветовать им пересмотреть свое решение. Ведь они знают пороки Огородникова и должны помочь ему избавиться от них. Рабочего воспитывают не мастер, не начальник смены, не комендант общежития, а коллектив, бригада, экипаж, те, кто стоит с ним у станка, кто обедает с ним за одним столом и спит рядом...

Наблюдая за Огородниковым и думая о нем, о его завтрашнем дне, Федор Федорович ждал, когда дежурный по залу соберет записки. Здесь заведен такой порядок — вопросы в письменном виде. Оказалось, что лишь одна записка была адресована Федору Федоровичу, остальные — целая стопка — организаторам вечера: «Почему не записывается такая беседа для вещания по заводскому радио? Почему не запланирован показ документального фильма о штурме Берлина?..» Значит, участники вечера хотят знать об этом памятном событии больше, чем рассказал Федор Федорович. А в записке на его имя значилось: «Говорят, после взятия Берлина парижане готовились встретить ваш полк. Кто из вашего полка был там?» Такой вопрос подкинул дотошный Афоня Яманов.

В зале наступила тишина. Перестал крутить лохматой головой и разносчик молока Огородников.

— Как мне известно, — сказал Федор Федорович, — ни один полк Советской Армии после штурма Берлина не собирался быть в Париже, поэтому парижане не могли готовиться к встрече с нами... Помню только, точнее, непослушная память подсказывает мне, как два солдата нашего полка были наказаны за самоволку в Париж...

— Как это было? — донеслось из зала в нарушение установленного здесь порядка.

И пришлось рассказать.

После подписания соглашения глав союзных держав о зонах оккупации — это соглашение было подпи-

сано в Бабельсберге (Сан-Суси) близ Потсдама второго августа сорок пятого года — наши войска двинулись за Эльбу. Полку, в котором служил Федор Федорович, была указана точка, обозначенная на карте, — Хильбург-Хаузен. Это в трехстах семидесяти километрах западнее Эльбы — в Тюрингии, занятой американскими войсками. Двигались не спеша, но быстро. За Эльбой, на горном перевале западнее Заофельда, все чаще и чаще дорогу преграждали брошенные американцами «доджики» и «студебеккеры». Перед Хильбург-Хаузеном на обочинах валялись даже легковые «виллисы». Почему американцы так гнали машины, трудно понять. Подобрали один «виллис» два смельчака из взвода разведки.

Продув карбюратор, они завели двигатель и забыли остановиться, где надо, выскочили на автостраду Дрезден — Париж. Куда девались два солдата, подсказали потом местные жители — немцы.

«Цвай русиш сольдат фарен градаус нах Париж (два русских солдата поехали прямо в Париж)».

Американские дорожные патрули пропустили их без задержки. Французы оказались более внимательными. Они даже объяснили, что два русских солдата — желанные гости Франции. У них на груди медали «За оборону Сталинграда». Сталинград — гость Парижа...

Наконец самовольщики остановились на восточной окраине французской столицы. Остановились передохнуть в усадьбе владельца кафе-гостиницы. Вокруг них сразу собралась толпа любопытных французов. Хозяин гостиницы успел вывесить рекламу: «Здесь остановились герои Сталинграда и штурма Берлина — почетные гости Парижа».

На них кирзовые сапоги, выцветшие гимнастерки, помятые брюки, заношенные пилотки. Но, кажется, никто не замечал этого. Внимание парижан было приковано к поблескивающим на гимнастерках медалям.

Советские войны! Парижане готовы были носить их на руках, но не смели прикоснуться к ним. И будто солнце потускнело в глазах гостеприимных парижан, когда было сказано, что эти «гости» должны немедленно возвращаться в полк. В минуту машину самовольщиков завалили подарками. Но те ничего не взяли, кроме трех канистр с бензином на обратную дорогу.

И на обратном пути их никто не остановил.

— За самовольную отлучку смельчакам, конечно, пришлось побывать на гауптвахте, и мне поцало за них, — признался Федор Федорович, — и вспоминаю я об этом по воле непослушной памяти.

— О-о-о, — протянул один из итальянцев, вскинув ладони над головой, — непослушная память!*

От дальних столиков донеслось:

— Спасибо такой памяти!

Все вскочили. Зал взорвался аплодисментами. Не жалел ладоней и Мартын Огородников.

Вот и пойми ее, память, куда она может повернуть ход дела.

Глава девятая

РУСТАМ АБСОЛЯМОВ

По восьмой тетради

1

Рустаму не терпелось видеть на трассе новую модель автомобиля с универсальным кузовом. Последнюю неделю он крепил на опорных дисках тормозные устройства для нее. И когда Ярцев сказал, что завтра испытатели выведут на обкатку пробную серию «универсалов», Рустаму было трудно справиться с собой: отложил контрольную работу, — он теперь студент ве-

черного отделения Политехнического института! — коллобродил всю ночь в общежитии, не давал друзьям спать. И на работу пришел на два часа раньше обычного. Пришел вместе с Огородниковым.

Уговорил все же Федор Федорович взять этого непутевого косматика в экипаж: «пока стажером, а там видно будет». Рустам резко возражал против такого решения, потому именно его в первую очередь и обязали приноровить Мартына к работе. Первые дни Мартын пытался сачковать, но разве перехитришь агрегат, если он сам указывает вспышками красных лампочек, где стоит ротозей и ловкач? Тут хитрость видна сразу всему экипажу и даже соседям справа и слева. Рустам взял с собой Мартына и на крепление тормозных устройств. Неделю сам крепил и за Мартыном следил, чтоб огрехов не допустить.

И вот настал день проверки — что дала совместная работа с Огородниковым?

Какой это был день, Рустам и сейчас не может объяснить. Грудь распирала тревога: вдруг тормоза откажут и кто-то из испытателей врежется в столб. Потому, когда стало известно, что испытатели пошли на третий круг с повышенным режимом, Рустам оставил Огородникова на своем месте одного, а сам выскочил из цеха. На площадке перед главным корпусом стояли все начальники управлений во главе с генеральным директором. Чуть поодаль толпились цеховые инженеры. Здесь Рустам встретил своего начальника, но не оробел: пусть в грозу превратится — не отступлю, у меня тоже есть право быть тут в такой час.

Мимо проскакивали один за другим «универсалы». Промелькнуло лицо Ярцева. Потный, сосредоточенный, даже глазом не повел, хотя Рустам крикнул ему во все горло: «Как тормоза? Тормоза как?» Лишь потом, после четвертого круга, когда Ярцев по отмашке руководителя группы испытателей остановился перед

генеральным директором, Рустам рванулся туда и раньше всех добился ответа на свой вопрос.

— Держат мертво, — сказал Василий.

Значит, тормозная система сработала надежно. Ради такого момента можно пожертвовать чем угодно.

И тут же Рустам встревожился. Ему показалось, что он один-единственный из своего цеха, а быть может, со всего завода осмелился на такой шаг. Грустное одиночество. Эх, ровесники, ровесники, неужели природа лишила вас чувства ревности или хотя бы простого любопытства: как ведет себя в деле деталь твоя, которую ты готовил или ставил на свое место?..

Однако прошло еще несколько минут, и Рустам успокоился. Сотни таких же парней, как он, прилипли к окнам главного корпуса, многие забрались на крыши, откуда была видна вся трасса трека. Столько же, если не больше, наблюдателей, как сказал Ярцев, облепили заборы на самых опасных поворотах.

— Разглядывают, как тупканчики из нор....

Зря Василий называл их так. Это верные друзья завода. И вообще этот день надо было объявить заводским праздником. Едва ли объявят из-за принципа: «Меньше шума, больше дела». Может, в этом есть свой резон.

Вспомнился почти такой же праздничный настрой после пуска первой очереди, когда с конвейера стали сходить сотня за сотней, затем тысячи автомобилей первой модели. В цехах уже приготовились кричать «ура»... Тогда генеральный директор опередил восторг строгим приказом о результатах обкатки первой серии, и начальники цехов обливались потом в мучительных поисках: как избавиться от того или иного огреха, отмеченного на схеме узлов автомобиля синим крестом испытателей. Потом подключились еще пять тысяч автолюбителей города и области, которым были проданы автомобили из первой серии. Продали с пра-

вом обращаться со всеми неполадками в отдел рекламации завода. Пять тысяч самых привередливых оценщиков всех деталей. Как-никак, личная собственность, заплачена за нее не одна тысяча рублей...

И началось самое грустное время в первоначальной жизни завода. Перед его проходными, перед отделом рекламации посинели и побагровели площади: кузова первого выпуска были покрашены в синий и вишневый цвета. Побледнели начальники цехов, инженеры отдела технического контроля. Стали багровыми от возмущения мастера, ремонтники, слесари. Сотни претензий, да каких — уши вянут. Вот тебе и праздник...

Лишь цех опорных дисков и тормозных устройств не трогали. Правда, позже нашлись два чудака. Один из Куйбышева, другой из Чапаевска. Кричат: «Колодки не регулируются!» По номеру шасси дознались, кто устанавливал колодки. «Виновника» вызвали в отдел рекламации:

— Устраняй дефект!

Залез Рустам под одну машину, под другую и видит — эксцентрики стоят не так: владельцы машин «отрегулировали» с помощью зубила. Послал он их на станцию техобслуживания менять эксцентрики за свой счет, чтобы не порочили цех такими претензиями.

Были и до сих пор поступают претензии законные. Выдергивается рычаг переключения скорости. Кое-кто называет это «противоугонным» приспособлением: попробуй угнать машину без такой детали, она за голенищем шофера — во как здорово! На самом деле этот дефект порожден ленью сборщиков и синтетикой. В момент крепления рычага положено смазывать гнездо кулисы специальным раствором, а некоторые умники смазывают солидолом, который разъедает синтетику, и рычаг легко выдергивается.

Есть жалобы на сцепление: трясет при разгоне на второй передаче. Почему? Плохо отрегулированы ме-

ханизмы сцепления. Сборщиков из соседнего цеха надо бить по рукам за это. Чутье в руках должно быть при регулировке. А кто там регулирует? Чаще всего люди без опыта. А где их найдешь, с опытом? Текучка, большая текучка в соседнем цехе. Поработал парень месяц — не понравилось, уволился. Приходит в новый. Его и тут не привяжешь, пока сам не поймет: хватит колобродить, закрепляться пора. Закона такого нет, а совесть должна быть.

Подстерегает владельцев новых автомобилей, как рассказывает Ярцев, «странная» опасность. Кто не любит быстрой езды?! Жми, пока жметесь! Такой лихач вспоминает о тормозах, когда стрелка спидометра упрется в красную черту и начнет гнуться. Обманула его мягкость рессор. И кузов не тарахтит, как натянутая струна, и двигатель не жалуется на большие обороты, поет. Поет даже тогда, когда дорожные столбы сливаются и асфальт, извиваясь, стремительно струится под машину. Теперь уже никакие тормоза не помогут. Лети под откос, перевертывайся или врежайся в грузовик, идущий впереди. Остался жив азартник, — значит, будет проклинать завод на Крутояре, тормозную систему. А при чем тут тормозной цех, если у самого в голове тормозные колодки отсутствуют!

Как тут быть — пусть сами лихачи думают, иначе весь завод еще целую пятилетку лихорадка будет трепать по семь дней в неделю, без единого выходного.

Судя по всему, не будет праздника и по поводу начала выпуска «универсалов». Генеральный директор опять чем-то недоволен, или натура у него такая: «Не кажи гоц, пока не перепрыгнул», — а барьеров впереди еще вон сколько, один за другим, все выше и выше. Третью очередь надо монтировать, и по качеству машина должна быть пригодна для мирового рынка. Так он говорил перед испытателями.

Вернулся Рустам в цех с думами, какие положено вынашивать генеральному директору или даже министру автомобильной промышленности, чему не следует удивляться. Время такое подходит: доверяй разуму рядовых, не скрывай от них свои заботы, иначе твой командирский авторитет попадет в зону невесомости.

Мартын Огородников встретил Рустама улыбочкой, рот до ушей, и в глазах абсолютная беззаботность. Он уже знал, что тормоза опытной серии «универсалов» получили отличную оценку, потому можно плевать на всякие огорчения и заявить о себе: «Вот мы какие!» Чего-чего, а умения приписывать себе заслуги всех у него хватало с избытком.

— Теперь уж ты, Рустамчик, не будешь хлестать меня по рукам. Смотри, могу не глядя крепить эти штучки, всем на зависть...

— Стоп! — сказал Рустам и отчитал Мартына.

Тот почесал затылок в клочковатых космах и хитровато заозирался по сторонам: дескать, говори-говори, а я-то знаю, чем закончится этот день.

В самом деле, в конце смены трем экипажам агрегата опорных дисков объявили благодарность и разрешили очередную субботу считать выходным днем.

Впервые за три с половиной года подвернулось два выходных — суббота и воскресенье. Решили махнуть на рыбалку с ночевкой.

Выехали на Федоровские луга, что ниже плотины гидростанции. Какая красотища: дубравы, сенокосные уголья, заливы, озера и чистый воздух в звонкой тишине! В заводе тоже чистый воздух — кругом калориферы работают — и света хватает, хоть иголки собирать. Здесь, на лугах, и шум не тот, и запахи разнотравья радуют до опьянения. От этого, кажется, рань-

ше всех опьянел шеф-монтажник синьор Беллини: выскочил из машины и, не зная, как выразить свой восторг перед диковинной для него красотой Федоровских лугов, заметался по поляне, затем отбежал в сторону, упал на траву и катался по ней до головокружения.

Ему все нравится у нас. Он подал заявление: просит оставить его на заводе. Уже вызвал жену с дочкой. Когда ему сказали, что таких привилегий, какие он имеет сейчас как иностранный специалист, не будет, последовал ответ:

— Синьор Беллини все знает...

Рыбалка вначале не обещала удачи. Лишь к полудню в затоне, на мелководье, напали на клев сазана. Хитрая и сильная рыба сазан. Сосет-сосет насадку, потом как рванет — и поплавок не видно. Если успеешь подсечь — не давай слабину: пилой, что на спинном плавнике, леску перехватит.

Одна поклевка, вторая, затем сразу у четверых удилица в дугу согнулись, но никому не удалось вытянуть. Крючки не те, мягкие. У синьора Беллини свои, итальянские, но тоже из круглой проволоки. Беллини удалось подтянуть к берегу сазана — целый поросенок в золотистой чешуе! И сорвался. Крючок разогнулся. Сорвался сазан у самого берега. Беллини от досады упал вниз лицом. Рядом с ним Мартын Огородников рвал на себе космы...

Досада, напали на такой клев сазанов и... крючки подводят. Попался бы тут под руку тот, кто выпускает такие крючки. Перед сазанами опозорил. Клюет сазан и фигу показывает — накось выкуси! В глазах темнеет от злости.

— Нет у этих крючков ребер жесткости, — сказал Ярцев так, словно у него были в запасе такие ребра.

Так и есть, были: сбегал к машине, принес молоток, топорик, круглозубцы, напильник и принялся

мастерить. Крючок — на обух топора и молотком. Раз, другой — и круглая проволока обретала ребра жесткости.

— О, патенто! — засвидетельствовал Беллини.

Еще в Турине Ярцев будто случайно обнаружил, что стопорные кольца наконечников подвески «фиатов» держатся в пазах без напряжения — круглая стальная проволока. Ярцев дал этим кольцам упругость. Просто под пресс их сунул. Патент за это предлагали, но Василий посчитал, что смеются над ним.

Первого сазана поймал Беллини.

— О-о! О-о! — кричал он, захлебываясь от восторга. — Жиботынский!

Сазаны были довольно крупные — от одного до двух килограммов. Тянешь из воды такого подройка, и кажется — сатана удочку из рук вырывает. Булан Буланович, быстрый, как молния, подсек восемь сазанов. Лежат в траве, похожие на поросят, хлещут друг друга хвостами, глухие, того и гляди, разжалобят Булана Булановича, и тот отпустит их обратно в воду на отгул. А что он мог поступить именно так, никто не сомневался.

На строительстве завода знают Булана Булановича не первый день. В Москве, когда получали путевки на стройку, ребята слышали о нем хорошие слова: «Любит он молодежь. И ей с ним интересно — большой специалист. На заводе будет микроклимат создавать в цехах». В самом деле, все считают работу в санмонтаже почти зазорной — водопровод, отопление, канализация. И никто будто не замечает, что без этого жить нельзя. А если прикинуть в уме, кто в жаркие летние дни создает в цехах приятную прохладу, а в трескучие морозы тепло, — можно в одной рубахе трудиться! — то станет ясно, какое доброе дело делают санмонтажники Булана Булановича. Много раз звал он к себе на работу друзей во главе со старостой Ярцевым еще

тогда, когда в автоколонне работали. Все они теперь перешли в штат завода, но дружба с Буланом Булановичем не разрушилась.

— Ребята, — сказал Володя Волкорезов, — из сазанов можно сделать отличный шашлык. Я знаю способ...

После возвращения из Москвы Володя ходил подавленный: отец в больнице. Подежурил возле его койки двое суток и, не заглядывая домой, вернулся в Крутояр. Вчера он получил письмо. Отец пишет: «...Врачи разрешили вставать, скоро вернусь в строй...» И повеселел Володя. Рассказывал он сейчас о рыбном шашлыке так, что у всех глаза загорелись. И как же после этого мог Булан Буланович отпустить пойманных сазанов на отгул до будущего лета?

Самого маленького сазана выловил Ярцев.

— К вечеру подойдут и крупные, подожду, — оправдывал он свою неудачу.

Однако клев кончился, и азарт стал гаснуть, у костра начались рассказы. Конечно, самые крупные рыбы сорвались. Во какие! Больше всех потешались над Витей Кубанцом, которого обманул хитрый сазан. Сидел-сидел пойманный в садке, ждал напарника, но когда Витя поймал плотвичку и открыл крышку садка, то случилось непредвиденное. Сазан выпрыгнул из садка, хлестнул Витю хвостом по лицу и нырнул, затем еще раз показался над водой возле удочки и был таков... Витя чуть не бросился за ним. Ведь ему хотелось, чтоб именно этим сазаном, живым и, как ему казалось, самым красивым, полюбовалась Галка. Он приехал сюда вместе с Полиной и дочкой. Не вышло, теперь сожалеет, что сазан оказался хитрей тебя.

Каждый по-своему переживает удачи и неудачи в таком деле. Хочешь узнать человека до конца, хочешь, чтоб раскрыл он тайные черты характера своего — жадность, зависть, корысть, самолюбие, — иди с ним на

рыбалку или на охоту. Посмотри, как он злится на себя, когда у тебя клюет, а у него никаких признаков поклевки; или наоборот, как рад за себя, видя твои промахи и неудачи. Бывает и такое: дома, на работе — открытая душа, рубаху с плеча рад подарить, а на рыбалке червяка не выпросишь. Если условились ловить в общий котел, то присмотришься — у кого кривятся губы, а иной тайком от всех зубами надкусывает хвосты своих рыбок, чтоб потом за ухой уличить, кому досталась его добыча. Потому, вероятно, жадные и самолюбивые ходят на рыбалку одиночками. Здесь нет таких. Даже Беллини с радостью и нескрываемой гордостью передал своего сазана в общий котел. Но больше всех удивил Мартын Огородников. Он поймал две самые крупные рыбины, швырнул их в общую кучу и отправился за дровами для костра. Или посчитал, что такая удача для него проходящий эпизод, впереди более важный этап утверждения своего авторитета. Чужак рыбак, только удочку не туда закидывает — в коряги на сухом берегу...

Пока варили уху и готовили рыбы шашлыки по рецепту Володи Волкорезова, Рустам спустился к воде полюбоваться Волгой. Хотелось побыть наедине с собой, подумать о своих личных делах: в Чистополе его ждет Фира, бойкая, красивая татарочка, технолог часового завода. Еще до армии подружился с ней. Отец пишет: «Невеста у тебя верная, уже с дипломом, а ты когда получишь? Тебе не положено быть без диплома». Разве можно обмануть такую мечту старика? Она сбудется, обязательно сбудется. Знал бы отец, каких друзей приобрел его сын, не стал бы напоминать об этом с такой тоскливой настойчивостью.

— Абсолямов, Рустам, помоги! — донеслось справа.

Это Булан Буланович конопатит дырявую лодку. Не лодка, а корыто с плоским дном. Солидные люди на дюралевых моторках носятся, а этот — главным энер-

гетиком называется — привязал себя к рухляди с гнилым дном...

Вытянули лодку на песок. Тяжеленная, и дыры в боках — мышшь проскочит. Принялись конопатить.

— Утонит вас эта лодка, Булан Буланых, непременно утонит, как пить дать, — сказал Рустам и тут же пожалел: показал свою ворчливость перед таким человеком...

Возле бакена на стремнине всплеснулся тревожный крик. До этой минуты там моталась весельная лодка. На ней пели, хохотали, повизгивали какие-то девчонки. Мимо промчался шлюзовой буксир. Волна от него всегда бешеная. Она, вероятно, и захлестнула лодку.

Рустам кинулся вдоль берега направо. Там перед заводью болталось несколько дюралевых моторок. Подбежал к одной лодке, к другой, к третьей. Все прикованы к корягам. У каждой цепь с замком. И хозяева не откликаются. Метнулся обратно. Булан Буланович уже успел столкнуть свою душегубку на воду. Возле него кто-то еще крутился с котелком и веслами... Вдвоем собираются тонуть... А там девчонки помощи просят.

— Эх, была не была! — донеслось с обрыва.

Это Мартын Огородников дал о себе знать. Он с разбегу перемахнул через лодку Булана Булановича и был таков, вроде сразу утонул. Вот чем решил он отличиться сегодня! Утонет ведь, косматик...

Рустам тоже бросился в воду. Проворный, выносливый, на Каме вырос, в воде — как щука. Размашистыми саженками он довольно быстро шел по течению к стремнине. Там показалась голова Огородникова. Рывок, еще рывок... Вот уже видно горбатое дно перевернутой лодки. Рядом Огородников. Вместе подоспели к девчонкам. Пискалявые, видать, не умеют плавать. За лодкой еще три голоса. Один знакомый — Иринки Николаевой. Это она соблазнила девчонок на такую прогулку. Будто нечаянно сюда попала. Ничего себе,

придумала шутку, дуреха. Впрочем, ее голос репительный, твердый:

— Не хватать друг друга за руки! Дышите ровно..

На горб перевернутой лодки уже забрался Огородников.

— Мартя! — закричала Ирина и дернула его за ногу. — Слезай!..

Две девчонки успели схватиться за Рустама. Одна за руку, другая обвила шею. Вцепились, не оторвешь. Рустам рассчитывал поднырнуть с ними к корме лодки. Промахнулся: лодку отнесло течением дальше, чем рассчитывал.

Чтобы спасти себя и девчонок, нужно, во-первых, избавиться от их мертвой хватки. Слова не помогли, решил нырнуть поглубже. Удивительно четко слышны всплески воды. Протяжным эхом отдаются людские голоса. Где-то рядом скрипят уключины весел. Дно лодки гремит раскатисто. Каждый стук давит на уши, будто гвозди вбиваются в перепонки... Наконец-то, вот оно, дно. Конвульсивный толчок ногами, и Рустам ощутил резкий, неизмеримой силы удар в голову. Все, конец...

...На берегу полыхал костер. Пахло дымом, горелой рыбой и едучим нашатырем. Перед языками пламени стояли полуголые люди, шевелили губами, слов не было слышно. Лица сливались с огнем и расплывались от подбородка до бровей. Дыхание сбивала тошнота. Через рот, нос и, казалось, из ушей выплескивалась полынно-горькая вода.

Рустам приходил в сознание медленно. Слух и зрение приносили в мозг сигналы окружающей действительности. То оглушительный звон и яркие всплески красок, то шубная глухота и давящая на глаза темнота. Наконец стали доноситься обрывки фраз:

— Лодочки будто вымерли.

— Отдыхать приехали, притаились.

— Переписать бы их всех.

— Что это тебе даст: спасение утопающих — дело самих утопающих.

Кто говорит, по голосу не узнать. Кажется, Огородников. Кого он оправдывает?

Снова наступает глухота. Возле покойников разговаривают шепотом. Неужели?.. Нет, опять обрывки фраз:

— ...Я за волосы ее тянул...

— Слышали, как Полина кричала: «Витя тонет, Витя!» А тонул Рустам.

— Как он махнул мимо лодки! Булан Буланых на веслах не мог угнаться за ним. Проворный.

— Вот тебе и проворный! Слава богу, на отмели в дно лодки головой ткнулся.

— Может, у него сотрясение!

Вот этого, кажется, больше всего испугался Рустам. И только спустя еще полчаса или час наступило прояснение. Глаза четко видят лица товарищей, хорошо слышны голоса. Костер яркий, светло, как днем. Рядом перед глазами Афоня Яманов, потный, на очках испарина. К самому лицу склонилась Полина.

— Дыши, Рустамчик, милый, дыши во всю грудь.

— Дышу, — ответил Рустам.

— Вот молодец! — сказала она, чуть не плача от радости. Галка гладит ее щеки своей ручонкой, еще не понимая, почему надо плакать над дяденькой, который начал дышать.

«Что же случилось?» — спросил себя Рустам.

На глаза попалась Ирина. Она стояла возле костра рядом с Ярцевым. Стягивая на груди мокрую кофточку, смотрела себе под ноги. Ей, вероятно, было очень стыдно перед ребятами, перед подружками, которых вовлекла в такую беду.

— А как девчонки? — спросил Рустам.

— Отошли, их откачивали под руководством Беллини. Возле костра отогреваются и все еще икают...

Его окружили Ярцев, Булан Буланович, Володя, Витя, Беллини.

Рустам окинул взглядом товарищей. Вспомнилась перевернутая лодка.

— Сколько было девчат в лодке?

— Семеро, — ответил Володя Волкорезов.

— А скольких вытащили?

— Пятерых Булан Буланович с Витей на своей душегубке, как ты говорил, на буксир взяли вместе с перевернутой лодкой. Еще один рыбак, Геннадий Борков, помог ему... Вася Ярцев сорвал с замка дюралевую моторку, и мы к тебе подоспели. Ты сам дал знать о себе — головой о дно лодки. Подняли тебя вместе вон с той чернявенькой. За руку твою держалась. И Огородников одну на отмель выволок.

— Где он сейчас, Огородников?

— Да вон он, у костра.

Рустам приподнял голову, чтобы посмотреть на Мартына, затем спросил:

— А как уха, шашлык?

— Уха превратилась в кашу, от шашлыка остались одни угольки.

В темноте затарахтел мотоцикл. Перед костром появился милиционер. За его спиной маячили двое. Один высокий, в плаще, другой пониже, в куртке с блестящими бляшками на груди.

— Кто сорвал лодку с замка? — строго спросил милиционер.

— Я, — ответил Ярцев.

— Пойдемте со мной.

Ярцев успокоил заволновавшегося было Рустама и скрылся в темноте. Туда же отступили те, кто не посмел приблизиться к костру, — вероятно, владельцы дюралевой моторки. О чем они говорили с Ярцевым,

никто из ребят уловить не мог, лишь Рустам теперь уже обостренным слухом фиксировал отдельные слова, произнесенные басовитым голосом: «Девушки... ха-ха, спасать... катать на чужих лодках... развратники...»

Эти слова, как казалось Рустаму, сотрясали под ним землю. Ого, вон как поворачивают дело против Ярцева! Но почему он отвечает так тихо, что не слышно его голоса? Надо кричать, возмущаться, обвинять их в том, что притаились, когда надо было спасать девушек.

И, собравшись с силами, Рустам вскочил, кинулся туда, в темноту, выручать друга.

Дело могло обернуться круто. Вслед за Рустамом бросились все, кто был у костра. Несдобровать бы владельцам моторки даже в присутствии милиционера, но Ярцев нашел спокойный ход. Он попросил милиционера перенести разговор на завтра, передал ему свои документы.

— Ну, что, кажется, день отдыха пропадает? — спросил Володя Волкорезов.

— Уже пропал, — ответил Ярцев.

— Почему?

Рустам понял, что Ярцев собирается придумать какую-то версию, отвлекающую внимание всего табора неудачников от существа дела, помог ему найти ответ:

— Завтра аврал на пункте рекламации.

Это была неправда и правда: на пункте рекламации в самом деле по выходным дням скапливалось много машин частных владельцев. Туда комсомольцы-ремонтники разных цехов по субботам и воскресеньям приходили помогать сотрудникам пункта выслушивать претензии и устранять дефекты.

Глава десятая

ДУМЫ О КАЧЕСТВЕ

Из записей в девятой тетради

1

Шагая вдоль главного конвейера, Ярцев приглядывался к тому, на чем в иное время не останавливал даже беглого внимания. Сейчас его вдруг насторожило, что под ногами торцовая брусчатка — заводской паркет из деревянных плашек. Вышиби одну, вывалится вторая, затем третья... И ноги сами собой заскользили осторожно, как на зыбком льду. Сию же минуту он ощутил, что его провожают долгим взглядом начальники участков, бригадиры и сборщики сразу двух смен — утренней и вечерней. Идет пересменок. Остановись под этими озабоченными взглядами и осудишь себя: нашел время испытывать внимательность людей к своей персоне, когда у них еще не улеглись волнения от вчерашней встряски.

Ярцев шел по вызову начальника ОТК, как было приказано — «доложить результаты выборочной обкатки автомобилей ночного выпуска», — и нес тревожные думы: «А вдруг в автомобилях ночного выпуска затаились аварийные огрехи?.. Их не удалось выявить сегодня на выборочной обкатке, а потом... сколько проклятий пошлет заводу несчастный автолюбитель».

Это и еще что-то неосмысленное, кипящее в груди сдерживало Ярцева от того, чтобы не побежать на вызов начальства, и не позволяло останавливаться. Остановишься, и все захрястнет внутри, ни одного слова не отлочишь для выхода наружу. И снова шаг за шагом память возвращала его к событиям вчерашнего дня.

...За три часа до окончания второй смены последнего дня месяца остановился главный конвейер. Остановился по техническим причинам. Наладчики, инженеры,

технологи, ремсшитники кинулись искать неполадки в электронных блоках «мозгового центра», в звеньях тяговой цепи, в контактах электропроводки, в роликовых опорах подвески. Ищут час, второй. На исходе третий... За эти три часа должны были сойти с конвейера сотни автомобилей, которых не хватало для завершения месячного плана.

Сборщики расходятся понуро, с огорчением и досадой. А чему веселиться, когда остановился и не трогается конвейер? Уходи, не оборачивайся. Уходи и забудь о дополнительных начислениях к зарплате за выполнение плана, за качество... Нет, стойте! Разве можно так? Ведь он не чужой, свой, твой!..

Разумеется, никто не задерживал сборщиков ни в проходных, ни на площадках автобусных остановок. Весть, что остановился главный конвейер, встревожила город так, словно на него уже напоздали громадины вечной мерзлоты, возвещая о возвращении ледникового периода. Из горкома партии позвонили в общежития: «Поговорите с рабочими, сборщиками, может, найдутся добровольцы остаться у конвейера, и затем... нельзя допускать, чтобы такой завод не выполнил плана, выбился из графика...» И добровольцы нашлись. Поток сборщиков устремился к заводу. Даже коменданты молодежных общежитий тут появились во главе колонн своих жильцов. Федор Федорович в числе первых. Бледные, встревоженные, будто захлебнулась атака и люди залегли на нейтральной полосе под губительным огнем, а их надо поднять во что бы то ни стало... Поднять!

В девятом часу вечера главный конвейер тронулся! Сборщики епешили наверстать упущенное. К полуночи план был выполнен с превышением на семьдесят машин.

Василий Ярцев понимал, что авральный выпуск автомобилей таит много огрехов, и предложил своей

бригаде обкатчиков остаться на площадке сбыта до утра. Летняя ночь короткая. С рассветом начать бы обкатку если не всех, то доброй половины автомобилей. Обычно обкатывали выборочно — пять-шесть из сотни. Члены бригады хмурились, но раз сам бригадир наметил себе десяток для придирчивой обкатки, не отставать же им.

Наступил рассвет. Первый автомобиль из своей десятки Ярцев провел на привычном режиме. Автомобиль не выказал никаких жалоб. Не поверилось. Взял второй. То же самое. Лишь западала педаль сцепления при переключении скоростей; ее придерживала застывшая капля краски на изгибе кронштейна. Устранить ее на площадке сбыта — одна минута.

Третьему автомобилю досталась усложненная трасса. После разгона по гладкой бетонке Ярцев провел его на предельной скорости по стенке испытательного трека, затем бросил на ребристые скосы бетонированной эстакады, оттуда загнал в сухой песок, потом принялся мотать по кругу булыжной мостовой и по «трясучке» — настилу из железобетонных бревен, где трясет так, что весь белый свет дробится на мелкие осколки. Если бы тот, кому достанется этот автомобиль, посмотрел на такую обкатку, то проклял бы трек: «Ведь это может угробить машину и водителя».

После таких встрясок водителю действительно необходим отдых не менее часа, автомобилю — доводка ходовой части. Но этот автомобиль пожаловался только на хлябь в креплении «дворников». Редкий случай. Ярцев сделал пометку в графе мелких неполадок; устранил хлябь и поставил свой штамп на листе контрольной обкатки — «дефектов не обнаружено». Можно было дописать «эталон», но воздержался: нельзя хвалить продукцию авральной сборки, так еще войдет в моду наверстывать простой конвейера за счет энтузиазма сборщиков. Постоянно на этом далеко не уедешь...

Четвертый, пятый, шестой, седьмой автомобили также не дали на обкатке тревожных сигналов, можно отправлять потребителям без зазрения совести. И другие обкатчики оставляли на своих листах такие же отметки. По сравнению с показателями прошлых дней нет резких отклонений, хотя следовало ожидать много минусов.

Ожидать... К тому у Василия Ярцева, как ему казалось, были далеко не зыбкие доводы. Вчера вечером он наблюдал за работой сборщиков на участке, где завершается изоляция салонов кузова от пыли, влаги и шума. Далее идет наведение комфорта. Там и тут — ручной труд: еще не придумали и неизвестно когда придумают такие автоматы, которые умели бы так же чувствовать красоту внутреннего убранства кузова, как чувствует человек.

Сколько в кузове изгибов, углублений, стыков, щелей, шероховатостей и отверстий, которые надо заклеймить, заровнять, закрыть, уплотнить надежно и красиво. Выполняют эту работу девушки. Поставь вместо них парней, не выдержат они изнурительной кропотливой однообразности и сурового ритма безостановочного движения конвейера. Не успел сделать одно дело в строгий отрезок времени, будешь делать два или заклинишь весь поток. Но девушки успевают, даже находят время посмотреть на себя в боковое зеркало и поправить прическу. Модницы, чародейки. Потому-то и появляются тут «посторонние» из смежных цехов, вроде нет у них других путей к своим станкам и агрегатам.

На укладке жгутов — резиновых уплотнителей ударных дверных проемов кузова — работали девушки, с которыми не первый год дружит Ирина Николаева: две Кати, две Раи, две Гали.

— Забавные девчонки, — рассказывала о них Ирина. — На работе водой не разольешь, а в общечития цапаются. Всех женихов в шесть языков косят, потому

ни одна не может осмелиться сказать о своем выборе: изведут. Разлучить их надо, иначе состарятся в девках.

Так было сказано после первой встречи с ними на комсомольском собрании цеха. Тогда одна из них — Галя, черноглазка, пересмешница, — бойко взглянула на Василия, соразмерила его рост с другими и, покачав головой, чему-то заулыбалась.

— Ревнивые они и чуточку завистливы, но не злые, шутить умеют, — уточнила Ирина после молодежного вечера в городском Дворце культуры, когда Василий рассказал ей, что ее подруги под водительством черноглазки сыграли с ним шутку: в буфете заказали чашечку кофе с конфеткой и, посмеявшись, разбежались в разные стороны.

И вот они у конвейера в часы сверхурочной работы. Две малышки Раи, две рослые Кати работали слишком уж легко. Они, не глядя, присаживались на подножки кузова с двух сторон. В руках у них извивались жгуты из черной резины. Еще мгновение — и жгуты, как заколдованные змеи, послушно вытягивались, ложились в пазы. Две Гали — одна белокурая, другая черноглазка, — на ходу вытесняя подруг, раскидывали вдоль пазов клейкие ленты и, приглаживая их, казалось, без всякого внимания к делу, шаловливо покачивали ногами, будто сидели на скамеечке. «Внимание у них окончательно притушилось, — подумалось тогда Василию. — Все броско получается. А может, привыкли к такой броскости? Привычка привычкой, но кто за них будет перебирать уплотнители, если дорожная пыль начнет душить водителя, а в дождь — бросай руль и спасайся под стогом сена?..»

Вспыхнули сигналы «пятиминутки» — короткой паузы с остановкой конвейера. Василий подошел к девчатам, собрался было поговорить с ними о том, что его заботило, но они не дали ему и рта раскрыть. Снова разыграли парня. Начала Галя-черноглазка.

— Ой, Вася, — вскрикнула она испуганно, — ты болен... Девчонки, ему очень плохо, зовите неотложку!

— Бедненький, — подтвердила белокурая Галя, — еле на ногах стоит. Возьмите его под руки...

Высокие Кати встали с двух сторон.

— Где шприц, шприц где?! — засуетилась Рая. И вдруг появилась перед Василием с наконечником от шланга для заливки радиаторов. Парень смущенно сделал шаг назад.

— Держать, держать его! — скомандовала Галя-черноглазка. — У него зрачки расширены...

— Девушки, я к вам по-серьезному...

— Мы тоже по-серьезному. Думаешь, только ты один тут серьезный? Вот сейчас проверим плотность швов на твоём пиджаке, отрегулируем притирку дверок, — она показала на рот, — протрем фары с расширенными зрачками, подтянем вкладыши под твоей черепной коробкой, и, глядишь, на следующей пятиминутке появишься тут нормальным человеком. А так стыдно смотреть на тебя. Что в тебе нашла Ирина? Автомобиль с танковой башней на плечах...

Поднялся хохот. От зла Василий не знал, куда повернуться: кажется, смеялся весь цех. Не оглядываясь, он бросился к выходу.

Девушки торжествовали. Галя-черноглазка по-разбойничьи засвистела вслед. Вот и поговори с такими. «А может, все не так? Не слишком ли много ты думаешь о себе? Ведь не один ты до боли в голове озабочен делами завода», — сказал себе Василий, садясь за руль девятой машины, которую решил обкатать на испытательном полигоне.

2

Испытательный полигон построен по проекту и под наблюдением главного инженера завода Евгения Артемьева. Он будто нарочно, в назидание потомству

собрал сюда все самые отвратительные для автомобилистов дорожные уродства — ухабы, канавы, рытвины, размытые взвозы, крутые каменистые повороты, перепаханые проселки, выбоины на асфальте — и заковал их в бетон, навечно: дескать, смотрите, со временем этот полигон будет музеем былых автомобильных дорог. Мало того, недалеко разместились три камеры «пыток» автомобилей: одна — морозильник с якутским, до пятидесяти градусов, морозом, другая — пыльник с горячими песками и въедливой пылью, какие можно встретить только среди ползучих барханов и в знойной степи черных земель, третья — водоструйка с имитацией вихревых ливней, какие бывают, кажется, только в индийских тропиках. Пока ведешь новенький автомобиль по всем закоулкам этого полигона, представляется, будто побывал во всех концах света, в забытых богом уголках.

И все это нагорожено против легкового автомобиля с комфортабельным салоном, с изящной облицовкой, ажурным кузовом из стекла и тонкого проката под полировкой нежных красок. Умышленная компрометация продукции завода или самонаказание придумал себе главный инженер таким сооружением. Ведь первая и вторая модели выпускаемых здесь автомобилей вымотали из него столько сил, что он не может их считать чужими, они живут в нем и причиняют ему боль каждым сигналом из пунктов рекламации. Кто не помнит, как главный инженер неделями пропадал у наладчиков агрегатов изготовления деталей передней подвески? Ночами туда прибегал с чертежами и микрометром — сверял точность регулировки механизмов. А распределительный вал довел его до того, что прямо из цеха увезли в больницу — переутомление.

Василий Ярцев знал главного инженера еще до строительства этого полигона. Сравнительно молодой, лет сорока двух, ростом чуть ниже генерального дирек-

тора. Тот высокий, сухой и на слова скуп, а этот гибкий и разговорчивый. Когда они стоят рядом, то можно подумать — волейболисты из одной команды: один мягко и точно подкидывает мяч над сеткой, другой коротким и резким ударом завершает победный бросок.

На стажировке в Турине Василий Ярцев почти целый месяц возил главного инженера на разных машинах фирмы «Фиат» и рассмотрел его издали и вблизи. Привлекательный человек. С энциклопедическими знаниями автомобильного дела. Итальянцы называли его «инженер-универсал», допытывались, кто его родители, где он получил образование, кто учит его говорить на итальянском языке. Искали в нем что-то общее с собой. Их еще трудно убедить, что в нашей стране способным людям все доступно независимо от способностей дедушек и бабушек.

Как-то Евгений Артемьев пригласил Василия Ярцева в электронно-вычислительный центр автоматических линий. Пролонговатый зал. На одной стене закреплены панельные щиты с неисчислимым количеством мизерных лампочек, на другой — пульты управления с множеством кнопок, тумблеров и разных рубильников. К приходу русского инженера хозяева включили все схемы — морально устаревшие, новые, новейшие. Попробуй разберись и оцени, какая тебя не обманет, когда перед глазами мелькают светящиеся пунктиры, разбрасывая в разные стороны световую пыль, как Млечный путь на небе, где, говорят, сам бог заблудился и покинул то царство с огорчением. Уйдешь отсюда и ты, русский инженер, со своим помощником без ясного понимания того, что тут происходит. Все мельтешит, ослепляет, искрится, хоть закрывай глаза и наугад показывай пальцем — вот это нам подойдет...

Нет, Евгений Артемьев попросил отключить одну схему, вторую и, когда на щитах остались только две

пунктирные линии, стал следить за цифрами, которые выдавались счетными машинами на пульт управления ведущего инженера. Третью схему выключать не стали — она отражала действительное положение дел на работающих автоматических линиях.

— Вот эта схема заслуживает внимания, — сказал он по-русски Ярцеву.

Итальянцы обменялись короткими улыбками, не скрывая удивления. Евгений Артемьев тоже улыбнулся, ощупывая их искристым взглядом с прищуром: дескать, я тут не один, со мной еще помощник. В конечном счете качество работы автоматических линий и схем, которые мы выберем сегодня, будут оценивать они — водители автомобилей.

...После пробного пуска первой линии приступили к сборке автомобилей. Все шло нормально. По установившейся в мировой практике традиции автостроителей первые машины новых заводов красятся под цвет флага той страны или республики, где построен завод. В данном случае речь шла о цветах флага РСФСР. Обер — шеф-монтажник покрасочных камер, специалист из Франции — неожиданно выразил недоумение: почему не предупредили его заранее, что первые машины, собираемые из туринских деталей, следует покрывать эмалью двух цветов — красной и синей?

— А сколько лет вы преуспеваете в автомобильной промышленности? — спросил его главный инженер.

— Замена распылителей требует десять-двенадцать часов, — ответил тот.

— Два часа. Или вы признаетесь в несовершенстве монтажа агрегатов. Пишите...

— О, нет, нет, это жестоко! Прошу три часа, — взмолился шеф-монтажник.

— Никакой жестокости, — поправил его главный инженер и, тут же развернув схему монтажа, объяснил, как и каким путем следует подключить распылители с

красной и синей эмалью. — Для поправки потребуется всего полтора часа. Если вы не уложите в это время, мы сами сделаем за вас...

Через два часа были покрашены два кузова синей, четыре — красной эмалью.

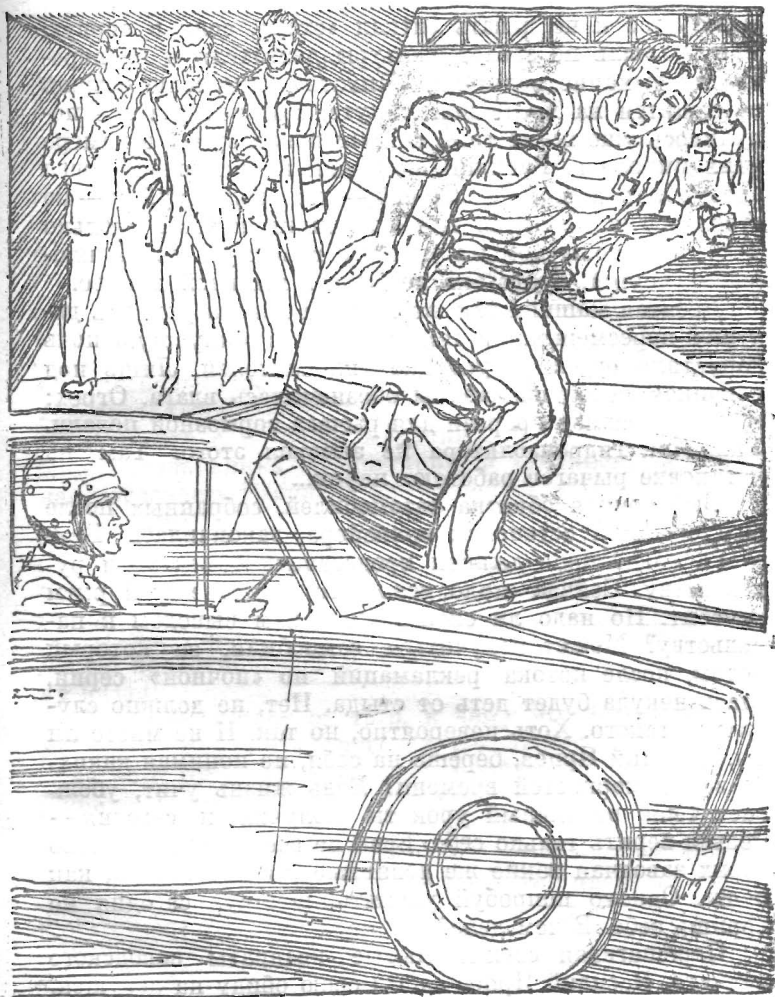
Так шесть первых автомобилей вышли из ворот завода развернутым флагом Российской Федерации. Тот момент Василий Ярцев не забудет до конца жизни: он сидел за рулем синей машины, что была поставлена справа в первой шеренге, и ему казалось: у него в руках не руль, а древко знамени. Разве забудешь такое! При этом ему каждый раз видится то улыбочное, то задумчивое лицо главного инженера, его карие глаза, взгляд то суровый, то мягкий. В нем будто два Артемьевых. Один — добрый, внимательный главный инженер, другой — тоже главный инженер, но неуживчив с первым, потому непонятен своей загадочной суровостью.

Двойственность виделась Василию Ярцеву всякий раз, когда вел на испытательный полигон автомобили, собранные из деталей и узлов родного крутоярского завода. И вдруг, после встречи с девушками-пересменницами, забылись думы о суровости главного инженера. Обкатав восемь машин из авральской серии на треке, девятую повел на полигон в зону «пыток». Теперь его привлекали водоструйная и пыльная камеры.

— Не жалея талька, дай сажную пыль, — сказал он мотористу, раскинув на спинке кресла свой чистый носовой платок, и подумал: «Наверное, девчатам будет не до смеха, когда увидят сажу на платке».

И когда завьили, загудели моторы, когда, казалось, через стены, через стекла кузова начала просачиваться пыль, Ярцев от досады чертыхнулся: «Все-таки мелочный я человек. Девчат устыдить захотел».

Свистит резина колес на роликах камеры, наращает обороты двигатель. Положено три минуты не сбра-

сывать газ и не давать сигнал «стоп», если в первую минуту пыль не забьет фильтры двигателя и не перехватит дыхание водителя. «Чихать» двигателю обычно приходится на последней минуте. На этот раз все получилось уже после того, как «пыльная буря» в камере утихомирилась. Василий, не глядя на платочек, повел автомобиль в камеру ливней — под водоструйку — не столько для проверки гидроизоляции кузова, сколько для того, чтобы помыть машину и вернуть ее на площадку чистой, будто она не была в пыльной камере.

Десятая машина так же не дала повода уличить девушек-пересмешиниц в том, что они в минувшую ночь допустили огрехи в укладке уплотнителей. Лишь под ковриком передней кабины обозначилась влага. Огрех: завышен размер прорези для рычага тормозной педали. Укладчик гидроизолятора не заметил этого. Там на установке рычагов работают парни...

Выборочная обкатка автомобилей, собранных после вынужденной остановки конвейера, закончилась. Бригадир обкатчиков должен представить объективки руководству. Сейчас стало ясно, что качественный ритм не сбит. Но надо ли спешить с таким выводом к начальству? Может получиться самообман, за который потом, после потока рекламаций по «ночной» серии, глаза некуда будет деть от стыда. Нет, не должно случиться такого. Хоть невероятно, но так. И не много ли ты, Василий Ярцев, берешь на себя, не понимая каких-то закономерностей времени? Ведь жизнь учит, убеждает тебя, наглядный урок ты получил и сегодня — нельзя верить только себе. Если не все, то большинство твоих заводчан такие же ревнивые к славе завода, как и ты. Однако попробуй уяснить, почему сегодня не веришь себе. В чем дело?

Перешагивая свежевymiтые квадраты заводского паркета, Василий Ярцев забыл свою обиду на девушек. Благо, в этот раз они не дали ему и рта раскрыть, будто

угадали, зачем он к ним подходил, и разыграли. Пожалуй, и за это надо сказать им спасибо. Они с минуты на минуту должны появиться на своем участке: вторая смена уже у конвейера. Замедли шаг и дождешься. Но задерживаться нельзя — ждет начальник ОТК, и его, вероятно, не первый раз тормозит по телефону главный инженер. Ведь Евгению Артемьеву, в котором уживаются два главных инженера — мягкий и суровый, — тоже надо знать, чем закончилась утренняя пробежка автомобиля по полигону «пыток». Знать если не для доброго настроения, то хотя бы для раздумий вместе с генеральным директором.

Ярцев не ошибся в своих догадках: главный инженер несколько раз звонил начальнику ОТК, а затем, как сказал его помощник, минут десять назад прибыл сюда вместе с главным механиком. Они сидели в кабинете начальника за приставным столиком, беседуя, как показалось Василию, на отвлеченную от вчерашних событий тему.

— Садись, отдохни, соберись с мыслями, — предложил главный инженер Ярцеву, будто знал, какие сомнения мучают испытателя.

Ярцев присел к угловому столику. А главный инженер продолжил фразу, которая была прервана минуту назад:

— ...они уходят от того, к чему мы идем. Можно подумать, научно-техническая революция для нас начало того пути, который уже пройден в Детройте и Турине. С этим можно было бы согласиться, если бы Октябрь семнадцатого года не избавил нас от того, что они считают главным стимулом развития — от конкуренции между предпринимателями, от права сильных душиТЬ слабых. Научно-техническая революция не застала их врасплох. Нет, наоборот, они готовились к ней, не жалели денег на приобретение патентов, на содержание ученых, изобретателей, конструкторов. Но

тот же Генри Форд ищет свой заменитель конвейера. Почему? Конвейер слишком чувствительный механизм к капризам отдельных индивидуумов. Один сборщик может возмутить сотни соседей справа и слева. Опасное общение. Надо создавать технический микроклимат для каждого сборщика, сажать их в одиночные окопы, как это делали стратеги вермахта, когда стали бояться массового бегства своих войск в тыл или сдачи в плен. На наш язык это переводится так: «Буюсь коллективного единодушия людей, они могут потребовать то, что взяли рабочие России еще пятьдесят с лишним лет назад». Так кто же теперь хватается за хвост, а кто за голову?

— Но сдельщина ведь тоже, по существу, оставляет рабочего в одиночном окопе, в микроклимате с личными интересами, — заметил сидящий начальник ОТК.

Василий привстал: пора докладывать. Но главный инженер плавным жестом руки остановил его и продолжил свою мысль:

— Да, у сдельщины долгий век. Она досталась нам от далеких предшественников. Против нее еще Маркс выставил тезис — она вызывает ухудшение качества продукции, нарушение технологических режимов. Издавна говорят: «Время дороже денег». Отлично сказано. Мы внедряем повременно-премиальную оплату труда по самой строгой шкале. Время не подвергается девальвации. У него одно постоянное измерение — от прошлого к будущему. И нынешняя научно-техническая революция в наших условиях приближает нас к тому, о чем мечтал автор «Капитала».

«Нет, пожалуй, не зря затеялся тут такой разговор», — заметил про себя Ярцев, удивляясь тому, что главный инженер умеет отвлекаться на толкование вопросов, связанных с НТР, которая, как явствует из хода беседы, охватила все промышленные центры мира. Но в нашей стране она продолжает дело социаль-

ной революции, укрепляет в людях труда веру в успех коллективных усилий, потому конвейер отвечает духу нашего времени. Там же, где боятся сплочения рабочих, конвейер стал опасным явлением, его готовятся расчленить.

Василию хотелось включиться в беседу. То, о чем тут говорили, помогло ему понять, почему все-таки не обнаружена резкая разница в качестве сборки автомобилей, которые обкатывались вчера и сегодня.

В самом деле, строго регламентированный режим движения конвейера, как сказал начальник ОТК, не дает возможности сборщику делать резкие скачки, чтобы опередить товарищей, не позволяет забывать о том, что ему положено делать. Но если он освоил свое дело и добросовестно выполняет его в положенное время — это и есть основные слагаемые технически обоснованной нормы труда. В ущерб качеству ее дважды не перевыполнишь, не будет повода для погони за количеством без качества.

— Минутку, — прервал начальника ОТК главный инженер. — Послушаем, что скажет бригадир обкатчиков. Он, кажется, готовится опровергнуть наши доводы.

— Готовился, — сознался Василий. — Готовился по всем статьям, но не собрал веских доводов.

— Мы в этом не сомневались.

— Однако, — Ярцев гулко передохнул, — непредвиденная остановка конвейера могла дать и непредвиденное количество орехов.

— Могла, — согласился главный инженер.

— Поэтому, — продолжал Ярцев, — я не мог бежать к вам с криками «ура» после обкатки трех автомобилей.

И далее он рассказал о своих сомнениях. Признался, как его осмелили девушки. Напомнил главному инженеру, как был ослеплен световой пылью трех схем

вычислительного центра в Турине — вдруг выбор сделан ошибочно? Не утаил и своих прежних дум о полигоне «пыток», о суровости и мягкости, которые как-то уживаются в одном человеке — главном инженере завода, но теперь готов сказать о нем иначе...

— Вот этого прошу не делать, — возразил Артемьев, — боюсь поспешной аттестации на знак качества, хотя готов заметить, что в Туринском вычислительном центре мы не выбирали, а отключали непригодные для нас схемы. Ошибки не могло быть. И конвейер остановился вчера по иной причине. Что касается «суровости» и «мягкости», то эти два Артемьевых обязывают главного инженера строго следить за собой. Спасибо за откровенность, за сегодняшнюю инициативу... А на девушек злиться не надо, они у нас красивые, умные, веселые и хорошо работают.

— Утомительно однообразная у них работа, — заметил Василий с оттенком сожаления в голосе.

— Сидеть без дела в одной позе тоже утомительно, — ответил главный инженер, и мягкость его взгляда стала пропадать. — Нет работы без напряжения физических и умственных сил. «Труд не может стать игрой». Об этом еще Маркс предупреждал. Плата за труд потому и называется так, что ее надо заработать. Я против тех, кто получает деньги за присутствие на работе... Нет труда без творчества. И сборщикам на нашем конвейере, в отличие от туринских и фордовских, созданы условия для повышения профессионального мастерства, для роста, для взаимного обогащения опытом. Они могут и должны уходить от монотонности путем подмены друг друга внутри экипажа, а затем переходить целыми бригадами с одной операции на другую. Изнурение... — Главный инженер помолчал, взгляд его показался Василию усталым. — Впрочем, ты жалеешь девушек, а сам на утомление не жалуешься.

— Спать хочу, — признался Василий.

— Меня тоже всю ночь что-то тревожило... Поедем вместе в Росинку, к электромонтажникам. Там воздух! Три часа сна — и усталости как не бывало.

По дороге в Росинку — так называется зона отдыха с коттеджами на острове, что зеленеет ниже плотины гидростанции, — главный инженер заговорил о двух книгах, которые прочитал недавно. Та и другая о жизни инженеров. Удивительно, до чего книги похожи! И грани сюжета смыкаются, будто авторы под диктовку одного творческого бога записывали одновременно одно и то же.

— Выходит, писатели прислушиваются к богу, — сквозь дрему попытался уточнить Василий.

— Бог, по Библии, — творец. Но тут, как видно, один записывал, другой добросовестно переписывал, хотя живут в разных концах континента.

— Но вы сами говорили: научно-техническая революция охватила весь мир.

— Говорил, — подтвердил главный инженер, — однако это не значит, что она везде проходит под знаком социального прогресса...

Сквозь дрему до Василия доходили какие-то слова, фразы, смысл которых сводился к тому, что в книгах, в кино, на сценах театров люди без конца конфликтуют, подозревают один другого в стяжательстве, в корысти, в ловкачестве, будто вся действительность, вся красота жизни соткана из непримиримости.

— ...Я не отвергаю различия между добром и злом, не собираюсь замазывать противоречия, но меня не надо учить драться... Драться умеют даже воробьи. Мудрость нашего времени, пожалуй, состоит в том, чтобы люди утверждали себя добрыми делами. Ведь мы идем туда, где будет царствовать не зло, а добро, доверие. Не бойся, Ярцев, доброты...

Неужели это главный инженер так осуждает современных романистов, драматургов, кинорежиссеров? На-

верное, он. Артемьев за рулем, ему нельзя дремать, нельзя, нельзя, нельзя... И вдруг Василий четко услышал мягкий голос главного инженера:

— Не трогайте, не трогайте его. Принесите подушку, пусть спит...

Ярцев попытался открыть глаза, но это ему не удалось — он безмятежно спал. Только вскоре злые языки истолковали все по-своему: Ярцев был беспробудно пьян, его даже из машины не могли вытянуть...

Глава одиннадцатая

„НЕВОЗМУТИМОСТЬ“

Приложение к девятой тетради

1

Порой казалось, что Ярцев потерял способность радоваться или огорчаться. Глядя на него со стороны, можно было подумать, что он от природы невозмутимый человек. Кричи на него, топай ногами, смейся над ним — бровью не поведет.

— Хоть кол на голове теши. Увалень, и все тут, — говорил о нем Рустам Абсолямов и подтверждал свои выводы конкретными примерами.

...Пошли они как-то вдвоем на футбольный матч между командами московских строителей и местного завода «Химик». На центральной трибуне им достались разные места: Рустам сидел за Василием, на ряд выше. Справа от Рустама устроился неистовый болельщик «Химика». Казалось, не футболисты гоняют мяч по полю, а он, этот болельщик: свистит, кричит, держится, носок его модного ботинка впивается в спину Ярцева, когда мяч летит мимо ворот строителей. Ярцев терпеливо переносил все, следил за игрой неподвижно. Болельщик увидел в нем неуязвимого противника:

— Это колдун, смотрите-ка, будто заколдовал ворота москвичей! — и неожиданно ткнул в голову Василия окурок сигареты.

Ярцев был без фуражки... Рустам схватил крикуна за руку. Василий медленно повернулся к обидчику. Кажалось, не миновать потасовки. Да только все обошлось без кулаков. Ярцев сначала успокоил Рустама, затем посадил с собою рядом крикуна:

— Не дергайся, кости у тебя хилые...

— Обними его, Вася, покрепче обними.

— Зачем, пенсионеров и так много.

Крикун будто шило проглотил: рот открыт, а слова вымолвить не может, бледный. Его друзья тоже приоткрыли. Ни крик, ни хохот тут не помогут. Минуты через две кто-то сверху попросил виноватым голосом:

— Парень, а парень, отпусти его, ведь печально...

Ярцев оглянулся. Ехидная улыбка на помятом лице просителя превратилась в жалкую гримасу пойманного за ухо проказника. Соседи справа и слева потушили взоры.

— Отпущу, — ответил Ярцев, — только подскажи ему дорогу в аптеку за мазью от ожога.

— Подержи его еще, — взмолился Рустам, — я сбегаяю.

— Нет, сиди, пусть он принесет...

Крикун робко приподнялся и, отступая, заулыбался, затем круто развернулся и дал ходу.

Кончился первый тайм, начался второй. Крикун не возвращался. Испарились и его друзья.

— Надо было передать его дружинникам или в коммандатуру стадиона, — упрекнул Рустам друга. — Ведь знал, не вернется, и отпустил.

— Знал, потому и отпустил, — ответил Василий.

— Ну, хоть бы пинка дал, — не унимался Рустам.

— Пинка?.. — Ярцев подумал и ответил: — Это был бы легкий выкуп для него. А так на неделю

лишится нормального сна и еще много дней будет оглядываться.

— Он, наглец, быстро все забудет.

— Не забудет, — заверил Василий Рустама.

«Подумать только, Ярцев, вместо того чтобы возмущаться, еще рассуждает о переживаниях наглеца», — удивлялся тогда Рустам. Но его удивлению пришел конец в тот день, когда на Крутояре побывал Генри Форд. Зачем приезжал знаменитый лидер автомобильной промышленности Америки, больше известно ему самому. И если сейчас он иногда вспоминает цех сборки двигателя, то перед его взглядом, возможно, маячит широченная спина Ярцева. С какой только стороны не приглядывался Генри Форд, чем занят парень, ничего не увидел.

В тот час Ярцев притирал клапаны снятого с потока двигателя. Притирал ручным способом сосредоточенно, с увлечением, сдувая стальную пыль собственным «компрессором». Вероятно, это привлекло внимание Генри Форда. А может, он заподозрил, что русский умелец чародействует над каким-то секретом, вроде тульского левши, который подковал блоху? Ведь Форд хорошо знает, что дает притирка клапанов в двигателе. Сам он металлург, но и дело совершенства двигателей ему не чуждо: в Детройте он лично руководит работой конструкторов по двигателям.

Когда Генри Форд и сопровождающие его лица перешли в соседний корпус, к Ярцеву подбежал бригадир:

— Ты знаешь, кто наблюдал за твоей работой?

— Знаю, — ответил Ярцев.

— Тогда непонятно твое поведение: он к тебе лицом, а ты к нему спиной.

— Некогда было поворачиваться.

— Детина, — проворчал бригадир, — нас сконфузил, и Форда озадачил...

Под словом «детина» бригадир подразумевал что-то угловатое с задатками непонятных способностей: то ли ломовик в пристяжке, то ли теленок в упряжке.

После двухнедельной стажировки в цехе двигателей Ярцев перешел на линию сборки передней подвески, затем на комплектовку задних мостов. Все шоферы-испытатели должны были периодически посещать различные цеха. Это не устраивало Ярцева. Он решил постоянно стажироваться в тех цехах, где технологии изготовления деталей ему была мало известна. Стажироваться постоянно, независимо от личного графика выхода на основную работу по обкатке серийных машин: обкатает норму и снова в цех, порой без передышки, даже в ночную смену выходил.

Можно было подумать, что он стал безответным терпеливцем с глухим сердцем или был одержим каким-то замыслом открытия в автомобильном деле. Нет, ни то и ни другое. И огорчения и радости переживал, пожалуй, больше, чем самые восторженные натуры. Конечно, надо иметь силу воли и умение прятать раздражение за щит внешнего спокойствия и не проявлять телячьего восторга по всякому поводу: слезы и смех висят на одной струне. Не был он одержим и замыслами открытия. Не ладилось у него что-то с партийностью, о чем он не делился даже со своими верными друзьями. Сходит на прежнее место работы, в автоколону, затем в партком строительного управления и возвращается будто свинцом налитый. Ни улыбкой, ни словом ни одной черточки на его лице не оживишь.

Друзья не приставали к нему с расспросами. Лишь дотошный Афоня Яманов не мог смириться с тяжестью во взгляде Ярцева.

— Хватит, Василий, — сказал как-то Афоня, — хватит играть в молчанку.

— А ты чего напугался? — спросил Ярцев.

— Вижу, перетянулся ты шибко.

— Иначе не могу.

— Не обманывай себя и друзей.

— Не пойму, о чем речь: ты подозреваешь меня в нечестности?

— Не подозреваю, а говорю: пора снимать тогу невозмутимости. Будто не ты строил завод, а кто-то другой, будто ты тут чужой человек.

— Преувеличиваешь, — возразил Василий.

— Преувеличиваю, но терпеливость твоя удивляет нас. Ты случаем не кержак?

— Нет, евангелист, — ответил Василий, — скоро в трянусы запишусь.

— А я завтра сделаю рупор и пойду по цехам митинговать за качество...

В начале стройки, когда верилось и не верилось, что можно привыкнуть к степному пустырю, утыканному кольшками планировщиков, и даже тогда, когда стали вырастать корпуса огромного завода — пока пустые коробки, в которых гудел морозный ветер, — Ярцев мог без обиды выслушать любой упрек: тут моего один мизер. Но затем, когда эти коробки стали заполняться станками, когда из бесконечного множества железок стали формироваться такие красивые линии гигантского конвейера, — какая техника пришла на помощь человеку! — тогда Ярцев стал прирастать к заводу. Его потянуло от руля послушного ему самосвала к познанию секретов автоматике, электронной техники. Сколько сил потратил на это! А если спросить иностранцев, шеф-монтажников, из которых он вытягивал все, что ему надо было знать? Те даже жаловались, что «детина» выжимает из них сведения, вплоть до технологии отдельных деталей. Ясно, что не тот ход выбрал Афоня для откровенного разговора. Запоздал он приписывать Василию безразличие к заводским делам. Разве можно снести такую напраслину? В момент пробного пуска второй линии конвейера, с которого сошли пер-

вые десятки автомобилей новой формы — универсалы вишневого цвета, зеленого и слоновой кости, у Ярцева от радости в самом деле поднялось давление и разболелась голова. Какое же тут безразличие?

— Не подозревал, что ты такой злой, — ответил Ярцев, и Афоня понял, что поступил опрометчиво.

Ярцев признался друзьям, что после памятного совещания по управлению производством, на котором шла речь о том, что каждый рабочий должен взять на себя право и ответственность быть хозяином своего завода, работать по совести и бить по рукам бракоделов, допустил несколько ошибок.

Засек разгильдяя, который на подгонке штуцеров тормозных трубок применял вместо разводного ключа зубило с молотком. Ярцев чуть было не пустил в ход свои кулаки. Но сдержался, просто вырвал из рук зубило с молотком с такой силой, что у парня хрустнули пальцы, а назавтра распухли ладони. Жаловаться бракодел не стал — вина налицо, за порчу штуцеров можно угодить на скамью подсудимых... Другого такого же забулдыгу застал в коллекторе литейки с фляжкой водки — опохмелялся после вчерашней «перегрузки». Ярцев «макнул» его в отстойник с мыльной водой. Забудыга отрезвел и стал просить, чтобы об этой процедуре никто не знал.

— Если понял, промолчу, — пообещал Ярцев.

— Понял, — заверил тот.

Вот ведь как получается: личные обиды, даже физическую боль можно перетерпеть, но как воздействовать на тех, кто лихорадит целый цех и даже весь завод? Умные люди говорят: языком болтай, а руками воли не давай. А что толку от разговоров: о таких разгильдиях говорят, кажется, с начала первой пятилетки, а они не переводятся.

Ярцев не собирался оправдывать свой жесткий метод воспитания. Ведь если бы кто-то из «обиженных»

выступил против него на профсоюзном собрании, то пришлось бы уходить с работы с такой характеристикой, которую родной матери не покажешь: рукоприкладство... Между тем знакомые мастера то и дело просят его побывать там, где сами не знают, какие меры надо принимать. Они уверены: где Ярцев применит свой контроль, там и качество и дисциплина подтянутся. «Применит свой контроль», — значит, имеют какие-то сигналы. И все же когда выбирали завком, за Ярцева проголосовали единогласно. Его кандидатуру встретили аплодисментами даже те, с кем сталкивался по особому счету.

В завкоме Ярцева назначили в инспекторскую группу при генеральном директоре.

— Инспектор по качеству — важная фигура в системе производственного самоуправления, — сказал председатель завкома, вручая удостоверение Василию. — Надо прививать людям хозяйскую заботу о станках, механизмах, о качестве деталей.

Почти то же самое сказал Федор Федорович, когда узнал об этом:

— Ну вот, теперь тебе пора раскрывать свои способности во всю ширь, — и напомнил, что в первую очередь необходимо вывести на чистую воду тех, кто не любит своего рабочего места.

Ничего не скажешь, озадачили. И Черноус, и Федор Федорович будто сговорились: «Прививать хозяйскую заботу... Выявлять, кто не любит...». В любом цеху, приглядевшись, можно напрямик уличить, кому нужна «прививка», а вот насчет «любви» — сложное дело, силой милому не быть. Любовь к рабочему месту — скрытое чувство. Иной не замечает, что у него под ногами мусор и грязь, зато в деталь всю душу вкладывает, а другой наоборот: кругом чисто, гладко; станок блестит, но душу на изделие не расходует, лишь бы норму выполнить.

Инспектор по качеству. Теперь Ярцеву предстояло отказаться от своих прежних методов воздействия на разгильдяев. Хоть ему сказали, что пора раскрывать свои способности во всю ширь, сам Ярцев понял, что речь идет о чем-то другом. О чем конкретно, еще не мог разобраться. Он не замечал, что в нем созрел ревнивый исполнитель воли своих друзей — хозяев завода. Врожденное развивается без принуждения, как умение ходить вставшего на ноги ребенка: поднялся с четверенек, и ноги сами зашагали. Одно теперь было ясно Ярцеву: огромный завод, в цехах которого каждую смену встают к станкам десятки тысяч разных по характеру людей, может работать четко и ритмично, если в каждом большом и малом коллективе утвердятся взаимный самоконтроль рабочих. В противном случае пусконаладочная лихорадка перерастет в хроническую болезнь и огромный производственный организм, как человек с резкими перепадами давления, лишится нормального состояния.

От таких дум Ярцеву порой кажется, что земля под ногами становится зыбкой и вздрагивает, как обрыв Крутояра в дни неумного разгула волн Жигулевского моря. Ему было бы легче одолеть тревогу, если бы он успел заметить, что таких ревнивых контролеров по качеству в каждом цехе появляется все больше и больше. Заработчики, сдельщики, как мякина на ветру, отвеиваются, сама жизнь завода, набирая силу, дает рост всхожим зернам.

Однако успокаиваться еще рано.

Иногда, оставшись один, Василий пытался строго и придирчиво разобраться в своих поступках. Он как бы заглядывал в себя: «Что в тебе есть, сын Веденяя Ярцева, и чего не хватает?» И тут же отвечал:

«Боюсь быть беззаботным».

«Почему?»

«Беззаботных без меня много. Отец всю жизнь осуждал их».

Так, отметив в себе один плюс, Василий принялся обдумывать свои минусы. Их не мало, хоть нелегко признаться, что они есть. Еще труднее осудить себя за тот или иной проступок. Мысль все время ищет оправдательные мотивы. Ну вот, скажем, нельзя оправдывать зуд в руках против бракоделов, но что поделаешь, если такие люди попадаются на глаза да еще наглеют перед тобой?

Порой ему стыдно бывает за свои суждения об Ирине по первой встрече. Он думал, что эта девушка в брюках и куртке на «молниях» просто модница. А теперь готов извиниться перед ней за это. Да, она смелая, кажется, ничего не боится, а прикоснуться к себе не позволяет. Только однажды разрешила поцеловать. И случилось это в присутствии друзей в тот самый день, когда Виктор Кубанец и Полина справляли новоселье. Как только Виктор рассказал, какие советы помогли ему выиграть гонку, Ирина захлопала в ладоши: — Целуйте Ярцева! Я первая...

Она хотела только в щеку, но Василий сграбастал ее и поцеловал прямо в губы... Ничего, только чуть смутилась, посмотрела тоскливо в глаза и снова захлопала в ладоши:

— Целуйте его, целуйте!..

Вывернулась, что называется, из неловкости по всем правилам. Ума и смекалки ей не занимать.

Кажется, с того момента Василий стал робеть перед ней: угловатый, сила в руках медвежья, а по образованию, по гибкости ума — стреноженный конь. Ни одной фразы не может сказать ей без запинки. Но она, похоже, старается не замечать этого. Напротив, каждый раз при встрече стремится подчеркнуть в нем

что-то положительное. Вроде бы таким образом объясняется в любви. Теперь и тебе, Василий, пришла пора сказать ей прямо и чистосердечно — ты очень хорошая, я готов закрыть тебя грудью в любой беде.

Наивно, но ничего другого на ум не приходило, хоть думал об этом немало.

Он с нетерпением ожидал Ирину у главного подъезда генеральной дирекции. Она появилась перед Василием все в том же костюме на «молниях». Подхватить бы ее сейчас на руки, унести с людских глаз и раскрыть ей себя так, как не решался раскрываться до сих пор. Ведь не мальчишка, от роду двадцать четыре года. Однако в тот ли час пришла такая решительность: в ее взгляде тревога.

— погоди, — сказала она, — выслушай меня внимательно...

Ирина только вчера вернулась из длительной командировки. Участвовала в мотопробеге по городам, где некачественно выполняются заказы автозавода. Комсомольский рейд по заводам-смежникам. Пять с лишним тысяч километров на мотоциклах. На каждой встрече с инженерами и рабочими смежных заводов она рассказывала, чем озабочены такие парни, как Ярцев и его друзья — автозаводцы. И сейчас надо бы поведать Василию о своих впечатлениях, о разговоре с генеральным директором об итогах рейда.

Помнишь, на испытательном треке загорелся серийный автомобиль новой модели, вслыхнул, как ты говорил, от замыкания электропроводов? Комплекты этих проводов готовит Каменец-Подольский кабельный завод, колодки для крепления пучка электропроводки поставляет туда Орехово-Зуевский завод «Карболит», поставляет с большим процентом брака и катастрофически мало. Я побывала там и тут. Там и тут срывает план латают авралами, а известно: где спешат, там и грешат. Вот и получается, как сказал генеральный ди-

ректор, «качество находится в прямой зависимости от организации производства». Участники рейда уличили бракоделов у станков, на сборочных линиях, состоялся разговор по большому счету — о совести, о чем ты сам и твои друзья не перестают думать ни днем, ни ночью...

— Ты, кажется, приготовилась читать свою статью в газете о пробеге? — насмешливо оборвал Ирину Василий.

Девушку не обидел его тон.

— Вчера весь вечер, — сказала она — ругали меня отец и Федор Федорович. Ругали за тебя. «Своим выстулением в газете превратила парня в мишень для ржавых пик». Это отец любит говорить так заковыристо. Я верю ему: он не зря попомнил о ржавых пиках...

— Нашла кого пугать, — произнес Василий тоном безразличия.

— Ярцев, не узнаю тебя. — Голос Ирины дрогнул. — Ты понимаешь, к чему я тебя готовлю?

— Почти, — Василий привлек ее к своему плечу. Они не спеша зашагали к автобусной остановке, затем к дому, в котором жила Ирина.

— Допускать брак умеют везде, — вернулась она к прерванному разговору, — значит, протест против такого явления нельзя считать частным выпадом отдельных людей.

Это был уже прямой намек: «Не бойся возможных осложнений на завтрашнем разбирательстве твоего персонального дела, за тобой правда».

— Ты умница, но не к такому разговору я готовился сегодня, — признался Василий.

— Я догадалась сразу, но давай отложим его на потом.

Проводив Ирину до подъезда, Василий спросил, когда она закончит дипломную работу.

— Об этом и я хотела поговорить с тобой. Во всяком случае, ко дню свадьбы успею, — улыбнулась она.

— Какой свадьбы? — с тревогой спросил Василий.

— Я бы на твоём месте не спрашивала. Бесстыдник! — и убежала домой...

Оставшись один, Василий готов был ругать себя на чём свет стоит: хотел казаться невозмутимым, а получилось — падай ниц и рви на себе волосы.

Прошла долгая для Василия ночь, прошёл вялый рабочий день.

Семь часов обкатывал свою норму — двенадцать автомобилей и ни в одном не уловил посторонних стуков, писков, скрипов. Может, в самом деле выдал сегодня качественную серию, или Василий слишком часто отвлекался, вспоминая вчерашний разговор с Ириной. То и дело повторялись её слова: «ржавые пики», «бесстыдник». В кармане похрустывал вызов на заседание парткома стройуправления — «персональное дело В. В. Ярцева».

После полудня Василий прилег, попытался вздремнуть. Не получилось. Вновь и вновь вспоминался разговор с Ириной. Как опрометчиво спросил её: «Какая свадьба?» Обидел, горько обидел девушку. Или она схитрила, разыграла обиженную недотрогу, а сейчас смеется над тобой, Василий Ярцев?..

Он решил прогуляться по парку: перед серьёзным разговором о партийности надо перевести дыхание на спокойный ритм, уравновеситься. Невдалеке от тропки, по которой шёл в сторону парткома, меж сосен промелькнула девушка в сиреневом платье. Неужели? Да, она!

И в первый раз он увидел Ирину в платье. Даже тогда, на новоселье у Виктора и Полины, она была в брюках. Наконец-то расставшись с курткой и брюками, она осмелилась показать себя Василию такой, какой ей положено быть без игры в парня. Сиреневое в клеточку платье, перехваченное в талии ремешком, подчеркнувало плавность линий её стана, Походка легкая,

шаги пружинистые, как перед разбегом к прыжку. И разбежится — не удержишь.

Ирина шла к общежитию. Василий остановился на развилке двух тропок, одна из которых вела к летней эстраде, на танцевальную площадку. Остановилась и она. Прохладный осенний ветерок с моря шаловливо поиграл подолом ее платья, обнажая стройные ноги. Василий готов был броситься к ней и загородить ее собой от ветра. Она жестом руки, как жезлом регуляровщика, предупредила: «Стоп, не трогайся», и, приседая, принялась стыдливо прикрывать ладонями сжатые колени.

Как украшала ее эта стыдливость! Кажется, не было и нет на свете более привлекательной девушки. А тут еще солнце, укладываясь в пышную перину облаков на западном небосклоне, обласкало Ирину лучистым взглядом, как показалось Василию, с маяющим прищуром так, что хоть грози ему кулаком, дабы избавить девушку от смущения и от прилипчивых взглядов со стороны.

Закат багровый — быть ветру или буре. Похоже, о чем-то она хотела предупредить Василия, но он уже зашагал по своей тропке. Повернулась и она. Ее тропка вилась между соснами, то приближаясь, то удаляясь от Василия. Не сговариваясь, они решили: сейчас не время говорить о том, о чем еще не успели договориться. Пройдет ночь, день, наступит вечер. Будет еще время для откровенных признаний.

Но не знал Василий, не могла подумать и Ирина, что ни завтра, ни послезавтра они не встретятся. Все обернулось против них довольно круто и неожиданно.

Едва Василий Ярцев успел перешагнуть порог кабинета, где шло заседание парткома, как у него сразу пересохло в горле: разбор персональных дел вел не секретарь парткома, а его заместитель Шатунов. Тут же встретился взглядом с Ремом Акимовичем, затем с

Жемчуговым. Последний почему-то улыбнулся, скривив губы.

Рядом с Жемчуговым сидел инструктор по партийному учету. Тот самый, к которому Ярцев явился в первый же день после возвращения из Турина с просьбой выписать партбилет и снять с учета в связи с переходом на автозавод.

— Подожди, — ответил тогда инструктор, — твой вопрос снова будет рассматриваться на заседании парткома.

— Почему?

— Читай газеты. Летунов с партийными билетами пора выводить на чистую воду. Благо, тебе еще не выписали партбилет...

— Но я считаю себя членом партии.

— Считаю до ближайшего заседания.

Ближайшего заседания пришлось ждать долго. Было собрано полтора десятка объяснений, отзывов и заключений о моральном облике молодого коммуниста, о его суждениях и поступках, так сказать, в объективном плане. Эти «объективки» докладывал инструктор. Когда он кончил, Шатунов дал свою оценку каждому факту. Так записка проводника вагона была воспринята как сигнал о начале падения Ярцева; выступление в печати об аварии в Переволоках — прямая попытка оправдать аварийщика; упомянутые в записке Угодина принципиальные споры Ярцева с сотрудниками Пензенской нефтебазы получили иную окраску:

— Перед нами скандалист, бузотер... И чужие лодки с цепей срывает — девчонок катать...

Каждый лист дела не остался без внимания. Даже случай с потерей денег был оценен как «шантаж друзей», а выезд Володи Волкорезова к больному отцу вызвал особый интерес.

— Значит, твои друзья, Ярцев, обрабатывали по-очередно за Волкорезова?

— Отрабатывали.

— Но ведь это же коллективное укрывательство прогульщика!

— Он вылетел в Москву в воскресенье. Некому было оформлять административный отпуск. Ждать понедельника не мог: отец в больнице, инфаркт...

— Сердобольная демагогия.. Нам-то известно, что отец остался жив...

— Неужели это огорчает вас? — дерзнул спросить Ярцев. Он задал вопрос так, что трудно было уловить, о чем идет речь: о том, что академик остался жив, или о том, что ребята отработали за Володю Волко-резова.

— Огорчает! — бросил разгневанный Шатунов.

— Тогда я не знаю, почему вам доверили вести сегодняшнее заседание.

И тут началось...

Даже Рем Акимович заколебался и согласился с тем, что Василий Ярцев демагог, бузотер. Долго и обстоятельно «анализировал» характер поведения Ярцева приглашенный на это заседание член парткома завода Жемчугов. Он был осведомлен о том, что Ярцев сколотил компанию «нигилистов» и внушает им нездоровый дух, которым напитался в Турине; устраивает демонстрации недоверия к службе контроля за качеством. И во всех делах Ярцеву помогает комендант общежития, некто Ковалев...

— Как это «некто»?! — вскипел Ярцев, готовый высказать все, что он думает об Олеге Михайловиче, но ему не дали договорить.

Кто из членов парткома голосовал за исключение, кто против, Василий Ярцев не знал: его попросили выйти, затем через несколько минут позвали обратно и зачитали решение: «Считать выбывшим из партии...»

— Исключили? — спросил Ярцев, теряя равновесие.

— Понял правильно, — ответил Шатунов.

Провожал Ярцева из кабинета парткома до лестницы, а затем до остановки автобуса Рем Акимович Угодин. Жалуясь на перебои в сердце и прихрамывая на правую ногу, обмороженную на фронте, он произносил какие-то длинные фразы. Ярцев никак не мог уловить, упрекает его или наставляет на путь истинный этот Рем Акимович. В уши западали лишь скрипучие слова: «Езжай отсюда, езжай... Зло в себе не держи... Хилый дух в тебе гнездится... Держись, держись...»

Скрипнули тормоза автобуса. С этой минуты Василий не помнит, где метался до полуночи, не находя себе места. Рассудок вернулся к нему на берегу моря. Брызги волн освежили лицо, появилась бодрость. Пора спокойно обдумать все, что случилось. Но вдруг берег закачался и покотился навстречу волнам. Умеющему плавать волны в море не опасны, они страшны у берега: хлестнет о камень или затянет под кручу — и сдавайся на милость стихии. Зная об этом, Василий метнулся вдогонку за волной, что покотилась от берега. Он мог вырваться на простор разлива, если бы не топляки — затонувшие бревна, что ходят под водой стояком. Мозглые комли таких бревен цепляются за дно, а вершины качаются под волнами. Топляки... Они вздыбились от обвала кручи и будто ожили, осатанели, вскидываясь черными акулами между гребнями волн.

Первый удар в грудь сбил дыхание. Второй прилетел в голову. В воде и под водой острая боль быстро гаснет. Очень сильные и опасные для жизни удары кажутся тупыми, мягкими, поэтому Василий с большим опозданием ощутил, что ему не повинуются ноги...

По отмели, подталкиваемый волнами, он выполз из воды на остров. Это была вершина когда-то высокого кургана с кустарником шиповника.

...Очнулся Василий на больничной койке. Ноги в гипсе, грудь и голова туго перетянуты бинтами. Кто-то

топтался перед дверью палаты. Глухо доносился женский голос:

— Нельзя к нему. Хирург категорически запретил всякие свидания с этим больным... Да, да, надолго...

Откуда-то сверху послышался шепот:

— Староста, а староста, не грусти, я тут...

Ярцев перевел глаза на верхний угол окна. Через открытый квадрат рамы протискивался Мартын Огородников. Как он туда забрался? Не каждый акробат решится на такой трюк.

Мартын хвастливо подмигивал Василию, — дескать, вот я какой, через окно нашел ход, — и приговаривал:

— Ты, Вася, поверил мне, теперь я не оставлю тебя... Проживем, Вася, не горюй... Вот, коньячок тебе, бутылочку французского раздобыл. Сунь под подушку. Могу вместе с тобой по глотку, за твое здоровье...

Василий покачал головой:

— Эх, Мартын, Мартын... Когда же ты за ум возьмешься?.. Сестра!..

И Огородникова как ветром сдуло.

Глава двенадцатая

ЧЕГО НЕ ПОНЯЛ ШАТУНОВ?

1

Неуютно стало на душе Жемчугова после вызова в горком партии по поводу Ярцева. Неуютность эта вселилась в него не на день, не на два. А тут еще тихий старикашка из парткомиссии горкома допытывается: что, да как, да почему приобщился член парткома завода к разбирательству дела Ярцева на парткоме строительного управления?

Нет, нет, Жемчугов не научился критиковать себя, осуждать свои поступки. А многие же умеют это делать хотя бы про себя? Ему просто хотелось скорее

освободиться от этой неуютности в душе и даже от дружбы с Шатуновым. Однако дело поворачивалось все круче и круче. Возвратился с курсов секретарь парткома, которого замещал Шатунов, и уже проведено заседание по пересмотру решения по делу Ярцева. Затеваается какая-то говорильня вокруг этого вопроса...

И в какое время! Ведь все знают: рано или поздно нагрянет государственная комиссия. Нагрянет принимать вторую очередь завода.

Теперь стало известно, что основу государственного акта будут составлять заключения рабочих комиссий по всем пусковым объектам, что в первых пунктах акта обязательно найдет отражение характеристика условий труда и внутризаводского быта. А это значит, все так называемые «бытовки» — гардеробы, душевые, сушилки, буфеты, кухни, столовые, медпункты, не говоря уже о работе кондиционеров и вентиляционных устройств, — должны быть в полном порядке, в полном «ажуре», без единой задоринки. Чтобы заглянул в цех, будто заглянул в завтрашний день.

Государственную комиссию возглавит не начальник главка Министерства автомобильной промышленности, как предполагалось раньше, а кто-то повыше. Назван и срок прибытия комиссии. Срок не очень жесткий, но подумать только, пустили такую махину, и вдруг из-за какой-нибудь «бытовки» в акте появятся минусовые оценки. Пустяковый недогляд, а стыда не оберешься!

Однако весть из Москвы и разговор о том, каким будет государственный акт по второй очереди завода, не смутили председателя партийной комиссии горкома. Он неторопливо листал персональное дело Ярцева и все уточнял и уточнял смысл каждого листка. Словно где-то среди них запрятались мины замедленного действия, которые во что бы то ни стало надо обезвредить, а не то все графы государственного акта почернеют от минусовых оценок...

Тягостно и грустно было возвращаться с такими упреками из горкома партии.

Перед своим кабинетом Жемчугов встретил секретаря главного инженера. Она передала ему две папки с графиками на очередную неделю и убежала в другой конец коридора, где топтались парни из отдела главного энергетика. Беззаботные люди, у них не жизнь, а масленица: рядом гигантская гидростанция да еще внутри завода своя ТЭЦ на триста тысяч киловатт. Включай, подключай — Волга не пересохнет...

Графики по второй линии конвейера составлены без учета подготовки к приезду государственной комиссии. Необходимо внести коррективы и завтра же с утра обратить внимание инженеров, механиков на... На что, на какие объекты? Мелкие, а их столько, что в глазах рябит.

Теперь стало модным возлагать трудоемкие работы на молодых специалистов. Справился — молчат, приглядываются: дескать, мы тоже в молодости стариков выручали; споткнулся — упреков не оберешься, того и гляди, счет предъявят: во что обошлось государству твое образование? За примером далеко ходить не надо. Чего стоит наладка по штамповке крыльев кузова! От одного воспоминания холодный пот на спине выступает. Могли от работы отстранить, конечно, не без помощи этих самых крикунов из группы «производственной самостоятельности» председателя завкома. Дал бог, нашлись люди помудрее, пронесло. Лишь на парткоме дали встряску...

Как же сейчас поступить? Ведь наверняка взвалят на тебя, молодой специалист, подготовку материалов для доклада государственной комиссии как раз по тем самым объектам, где с «бытовками» плохо. С чего начать, с каких пунктов? Разумеется, в первую очередь надо хоть бегло окинуть взглядом все эти «бытовки» и «подсобки». Легко сказать — все. А сколько их! По

основным цехам и линиям — за неделю не обойдешь. Впрочем, есть проверенный и, кажется, самый совершенный в таких условиях метод управления столь сложным хозяйством — оперативные совещания по графикам.

И Олег Михайлович приступил к составлению графика заключительного цикла работ на подсобных участках второй очереди. Пока генеральный директор и главный инженер вместе с парткомом и завкомом принимают решения по этим вопросам, он успеет положить перед ними конкретную программу действия — оперативный график.

В самый разгар работы над схемой графика, когда часовая стрелка поползла по циферблату к вечерней черте, в кабинете появился Шатунов. Как некстати! Однако отказать ему в праве знать, что делается по подготовке к приезду государственной комиссии, невозможно: ведь он заместитель секретаря парткома строительного управления.

— Чем занята твоя голова?

— Тем же, чем твоя.

— Вот молодец, угадал. Поведай, в чем загвоздка?

— В чем?.. Вот, посмотри, график по «бытовкам» готовлю.

— Да-а, — протянул Шатунов, вглядываясь в схему графика. И тут же польстил: — Не зря же говорят: «Жемчуг растет на дне океана мысли».

— К сожалению, в ракушках, и я готов изменить свою фамилию, скажем, на Шатунов...

— Знаешь что, — посоветовал Шатунов, — перекинь часть сил с основного графика на этот, на подсобный.

Жемчугов понял, что ему предложено единственно верное в этих условиях решение, но соглашаться с ним нельзя:

— Начальство не утвердит.

— Почему?

— Основной график по всем каналам сцеплен, запрограммирован с планом по возрастающему ритму.

— Понимаю, но одну-две недели можно без возрастания, а потом наверстается.

— Нет. Скачки, спады, наверстывания для нашего завода совершенно противопоказаны. Кипятить кровь или охлаждать ее в сосудах до замерзания — неминуем паралич.

— Значит, — произнес Шатунов так, как обычно произносят следователи на допросе перед началом работы над обвинительным заключением, — эта самая электроника лишает рабочих права давать продукцию сверх плана? Ну и время пришло...

— Пришло, и от него никуда не денешься.

— Ты хочешь убедить меня, безбожника: «Пришел в храм — снимай шляпу?»

— В мир электроники приходят в ермолках, а ты привык к фуражке...

— Не груби и не задевай мою биографию! — вскинулся Шатунов.

Вот и настал момент разрыва дружбы. Однако Шатунов умел прятать личные обиды за щит общественных интересов, в данном случае за щит интересов огромной армии строителей и монтажников завода.

— Как же быть? Без привлечения дополнительных сил и средств на завершение работы в «бытовках» и «подсобках» государственная комиссия запишет в акт черную строчку. Стоп, стоп! Есть выход! — вдруг воспрянул духом Шатунов и, размахисто шагая по кабинету, заговорил так, словно перед ним открылись никому не известные пути решения трудной задачи. — Ты только слушай меня, Олег, внимательно слушай. Едет государственная комиссия. Мы скажем народу, не будем скрывать: есть опасность провала. И на этой основе всколыхнем сначала профсоюз, затем комсомол. Или сразу тех и других. Широко всколыхнем. Все на

прорыв. Долой усталость, долой нытиков. Государству нужен подвиг...

Возражать ему не имело смысла. Он размахивал руками, вскидывал голову и уже не говорил, а будто митинговал перед массой людей, которых надо вести на штурм какой-то крепости.

— Если мы это провернем, — передохнув, заверил Шатунов, — то, считай, в акте государственной комиссии не будет черной строчки... Привыкай к масштабному мышлению. Подумаешь, из-за какого-то там одного парня, скажем Ярцева, стоит ли оставлять в тени истинных организаторов массового движения людей за честь завода?.. Бери свой график и двинем сначала в завком. Я буду излагать свой план, а ты подкрепляй меня расчетами. Идем, идем, не упирайся...

2

В кабинете кроме Черноуса был главный энергетик санмонтажного управления Булан Буланович. Шатунов чертыхнулся про себя от досады: не любил он встречаться с этим язвительным, на его взгляд, человеком.

— Чем могу служить? — спросил Григорий Павлович.

На стол председателя завкома легла схема графика. После непродолжительной паузы Шатунов объяснил, что эта схема приобретет мускулатуру, если ее идеи обсудить на расширенном заседании завкома с участием, так сказать, сознательной части профсоюзного актива цехов и передовиков производства.

— И затем? — спросил председатель завкома.

— Затем... у нас разработан план летучек инженерно-технических работников по цехам, вслед за этим проведем, тоже по цехам, оперативки руководителей объектов с председателями цеховых комитетов и рабочих

коллективов. Ведь в каждом корпусе, в каждом крыле есть «бытовки» и «подсобки». Так сказать, на месте увидим, покажем и подскажем, какие недоделки следует подогнать. Вероятно, в отдельных цехах придется провести совещания рабочего актива или совместные заседания партбюро, профкомов и комсомольских комитетов...

— Одну минутку, — прервал Шатунова Григорий Павлович. — Вот письмо ведущего инженера одного крупного цеха. Послушайте, что он пишет: «Прошу помочь мне заняться исполнением своих служебных обязанностей — обязанностей инженера по автоматике. Нет ни одного дня в неделе, чтобы я мог с начала и до конца рабочего дня проследить за ходом работы механиков. Не удается даже посмотреть техническую документацию — чертежи и схемы монтажа агрегатов. Ежедневно отрывают на всякого рода заседания, летучки, оперативки, совещания. Чтобы не быть голословным, привожу календарь «моей деятельности» за минувшую неделю:

Понедельник. С десяти утра оперативка в управлении производством. Затем хождение по отделам — уточнение графиков. Вечером собрание инженерно-технических работников цеха.

Вторник. С утра планерка. С двух часов заседание партийно-комсомольского актива смежных цехов главного корпуса.

Среда. С десяти часов утра и до конца дня объединенное заседание партийного и профсоюзного актива совместно с хозяйственниками трех управлений — завода, гидростроя и минмонтажстроя.

Четверг. С утра переключка начальников цехов и инженеров по итогам выводов рабочих комиссий. В нашем корпусе по этому поводу был создан технический совет. Обсуждали до вечера, не успев побывать на тех объектах, что отмечены в выводах.

Пятница. Лишь до обеда удалось поработать с наладчиками на главном агрегате. После обеда — встреча с делегатами смежников и экскурсия по корпусу.

Суббота. Короткий день: подведение итогов недели; совещание у начальника управления по планированию работы на следующую неделю...»

— А почему он пишет об этом в завком? — спросил Олег Михайлович.

— Вы хотите сказать, в завкоме ничего не понимают в организации труда инженера? — усмехнувшись, заметил Булан Буланович. — Под таким письмом я готов поставить свою подпись.

— Лихо, но не похвально, — возразил ему Шатунов. — Вовлекать завком в организацию производства — значит ставить специалистов в ложное положение.

Недавно секретарь горкома партии остановил Шатунова, когда тот стал утверждать свое право давать установки специалистам по технологии. Теперь Шатунов напел возможность показать, что умеет исправлять свои ошибки и уличать других в том, в чем сам был уличен лишь неделю назад.

Между ним и Буланом Булановичем назревала перебранка, но их прервал председатель завкома:

— Автор письма критикует нас сурово и беспощадно за плохую организацию инженерного труда, просит помощи. Он задыхается от заседаний и совещаний. У него отнимают право вкладывать свои знания в производство и заставляют заседать или, как он пишет далее, «вовлекают в сидячие забастовки; я же хочу работать, а не сидеть неделями на совещаниях...».

— Ну и ну, — вырвалось у Шатунова, — демагогия с перебором.

— Да, тут, вероятно, есть перебор, — согласился с ним Черноус. — Однако не будем приписывать ему то, что вы сказали. Между прочим, могу повеселить вас вот такими записями моих бесед по этому вопросу с

инженерами других цехов. Планерку в корпусе вспомогательных цехов называют «лото», — один кричит, остальные молчат; оперативное совещание и переключки в механосборочном цехе именуют «КВН» — «клуб всегда находчивых»: «Заверю, отмеченные недостатки будут устранены» или: «Коллектив сколочен, приложим все силы, задача будет выполнена»... Итак, «лото», «КВН»... А вы, товарищ Шатунов, что предлагаете?

— Чехарду, — ответил за Шатунова колючий Булан Буланович. — Заседательскую чехарду по профсоюзной линии: прыгать на спины самых слабых, пока кто-то не свалится, затем сызнова таким же манером...

Жемчугов решил осадить Булана Булановича практическим вопросом, иначе он собьет с толку всех:

— Назовите, Булан Буланович, наиболее совершенную форму управления производственным процессом в наших условиях? Это первое. И второе. Какое количество людей потребуются вам дополнительно для успешного завершения санмонтажных работ к прибытию государственной комиссии?

— На первый вопрос, Олег Михайлович, ответ надо искать в письме, которое сейчас зачитал председатель завкома: меньше заседать, больше заниматься практическим делом. На второй ответу еще короче; не беспокойтесь, справимся своими силами.

— Вы отказываетесь от помощи?

— Не просим — значит, отказываемся.

— Не понимаю...

— А чего тут не понять? Наши люди расставлены по своим точкам, делают свое дело, а вы пригоните «авралом» по десять помощников. Зачем? Конечно, мешать. Скажем, за один гаечный ключ схватятся десять рук, что получится?

— Премияльные фонды боитесь потерять! — возмутился Шатунов.

— Да, боюсь, — согласился Булан Буланович, — боюсь распыления фондов зарплаты, в том числе и премиальных.

— Завидная сознательность: главный стимул — держи карман шире, а интересы завода забыты.

— А вы, я вижу, товарищ Шатунов, купили моторную лодку за счет сознательности...

До горячего спора между Шатуновым и Буланом Булановичем осталось полшага, но тут снова включился в разговор председатель завкома:

— Из каких цехов вы планируете взять рабочую силу на «бытовки» и «подсобки»? Завком и генеральная дирекция не видят таких возможностей.

«Вот как! Этот недавний инженер-электрик, выдвинутый на пост председателя завкома, уже умеет отфутболивать разумные предложения. Футболист от имени треугольника. Силен, в высоту устремился», — заметил про себя Жемчугов и, подвинувшись ближе к столу председателя, еще раз напомнил:

— Мы предлагаем новый график.

— Как мне известно, каждый график — это не только красиво разграфленные листы ватмана с цифрами по вертикали и горизонтали. Требуются еще фонды.

— Мы рассчитывали на привлечение общественных сил профсоюза, комсомола, — сказал Шатунов.

— Каким образом?

— Часть за счет внутренних ресурсов, часть за счет коммунистических субботников.

И вновь вмешался Булан Буланович:

— Может, возьмемся построить еще один завод на таких началах? Вот чудачки экономисты, отетаялый народ, планируют затраты, финансируют стройку, — сотни миллионов! — когда можно обойтись вот так, без денег...

— Прекратите ерничать! — вспыхнул Шатунов.

— Нет, я серьезно предлагаю обсудить этот вопрос, скажем, на второй неделе после того, как все станут ударниками коммунистического труда и откажутся получать зарплату... Вы передовой человек, Сергей Викторович, смотрите далеко вперед. Завидую, очень завидую вашей дальнорзости...

Тем временем председатель завкома прошел к шкафу, достал томик Ленина, открыл одну страницу, затем другую...

— Коммунистический труд, по Ленину, — сказал он, — это «**бесплатный труд на пользу общества, труд, производимый не для отбытия определенной повинности, не для получения права на известные продукты, не по заранее установленным и узаконенным нормам, а труд добровольный, труд вне норм, труд, даваемый без расчета на вознаграждение, без условия о вознаграждении, труд по привычке трудиться на общую пользу и по сознательному (перешедшему в привычку) отношению к необходимости труда на общую пользу, труд, как потребность здорового организма**». Ленин, том сороковой, страница триста четырнадцатая...

— Похоже, мы попали на урок политграмоты, — притворно изумился Шатунов и собрался было высказать свои суждения на сей счет, как в кабинете появились Рустам Абсолямов, Виктор Кубанец, Владимир Волкорезов, Афанасий Яманов и Мартын Огородников.

— Как там Ярцев? — спросил председатель завкома.

— Ничего, хоть на костылях, но сам поднялся на второй этаж, — ответил за всех Рустам Абсолямов.

— Значит, вы его домой забрали?

— Конечно, домой, — подтвердил Афоня Яманов.

Черноус поставил томик Ленина на место и, пригласив вошедших к столу заседаний, объявил:

— Итак, продолжим разговор, начатый на вчерашнем производственном совещании.

— Одну минуточку, — вмешался Жемчугов, — вы, Григорий Павлович, еще не ответили по существу наших предложений.

— Сейчас как раз об этом и пойдет речь.

— Ничего не понимаю. — Шатунов недоуменно пожал плечами.

Черноус заговорил о том, что в ходе подготовки материалов к акту государственной комиссии возник конфликт между администрацией и некоторыми бригадами цеха опорных дисков и тормозных устройств. Суть его в следующем: администрация не начисляет надбавки за качество тех деталей, которые остаются на площадке цеха как сверхплановые. Кто тут прав?

— Права администрация, — неожиданно для себя ответил Жемчугов.

— Почему? — спросил его Черноус.

— Если цех ускорил выдачу деталей, значит, эти детали проходят мимо запрограммированной операции, скажем, без очистки кромок диска, то есть идут в брак или заклинивают конвейер.

— Спасибо за помощь, — поблагодарил Жемчугова председатель завкома.

— Однако, — сказал Володя Волкорезов, — мы хотели бы знать, когда же вы покажете нам эти технически обоснованные нормы? Их, кажется, вообще нет в природе.

— Пока нет, — согласился с ним Жемчугов. — Наш завод вообще поставил перед экономистами и технологами много проблем. Решаем, но не все сразу.

— Вот это и надо записать в проект акта государственной комиссии...

Поднялся Огородников.

— Я против такой записи, — сказал он категорически. — И вообще зря отменили сдельные расценки. То ли дело: изготовил деталь и знаешь, сколько тебе положено. А тут каждый раз получается как на воскрес-

нике: вкалываешь или дурака валяешь, лишь бы время шло, и учет работы огулом...

— Все ли согласны с Огородниковым? — спросил председатель завкома. — Как я понял, он за сдельщину на нашем заводе.

— Конечно, — подтвердил Огородников.

— Нет, не то он предлагает, — сказал Афоня Яманов, нацелив свои очки на Огородникова. — Он зовет назад. Я толковал ему, как надо понимать техническую революцию, но он все перепутал.

— Ну, раз перепутал, давайте распутывать, — предложил Черноус.

Справа от него за соседним столом заскрипел стулом Шатунов, метнул недовольный взгляд на Жемчугова, однако тот включился в разговор с рабочими парнями с таким увлечением, что не заметил или не хотел замечать недовольства Шатунова.

Хорошие, умные, заботливые парни. Они разбирали по косточкам внедряемую на заводе систему оплаты труда, сами подошли к тому, что труд должен измеряться временем, что без строгой трудовой дисциплины немислима борьба за качество, что автоматические линии и законченные циклы механизации трудоемкой работы не роняют человека до уровня придатка к тому или иному агрегату, а, наоборот, утверждают в нем веру в свои возможности и повышают его ответственность не только перед членами своей бригады или экипажа, но и перед всем коллективом цеха и даже завода.

«На заводе пятьдесят восемь тысяч автостроителей, и каждый из этих пятидесяти восьми тысяч может остановить завод в любой час». Так сказал однажды генеральный директор. Вспомнив эту фразу, Жемчугов готов был посмотреть в глаза любому своему собеседнику. Во взглядах этих людей читалось то, чего не успел понять Шатунов,

Глава тринадцатая
НА ГРЕБНЕ КРУТОЯРА

1

На следующий день после выписки из больницы Василий Ярцев нашел себе дело. Вот уже неделю он занимается отцовским ремеслом: инкрустирует крышки для шкатулок, которые решил подарить друзьям. Однако руки плохо слушаются его. Только сейчас стальное жало стамески наткнулось на твердую витую ткань березовой плашки, и получился скол в самом конце верхнего луча звездочки. Досадно, теперь придется ставить заплатку на клей и снова прокладывать ложе для луча. Золотистая, из мореного орехового корня, звездочка должна лечь заподлицо с полированной поверхностью березовой плашки. Острота лучей будет придавать ей строгую красоту. Заделывать скол — кропотливая работа. Досадно...

К рулю его, как видно, допустить не скоро: ноги еще в гипсе, и неизвестно, все ли будет нормально, когда гипс снимут. «Если не суждено остаться испытателем автомобилей, — решил Василий, — пойду столяром или модельщиком по дереву в экспериментальный цех». Поэтому и торопился приноровиться к столярному инструменту и восстановить привитое еще отцом понимание древесины. Врачи не соглашались так скоро выписать его из больницы. Спасибо друзьям — убедили, что дома уход за ним будет отличным.

Вернулся в общежитие, и дышать стало легче. Под койкой сундук с инструментом. Тут же плашки древесины, заготовленной исподволь, еще в ту пору, когда был здоров. Уходят ребята на работу, стол превращается в верстак.

Как-то утром раздался стук в дверь,

— Принимай гостей, староста Ярцев, — сказал комендант, на секунду заглянув в комнату.

«Видимо, какая-то комиссия», — решил Василий. Последнее время, рассказывали ребята, все чаще стали навещать молодежные общежития комиссии из разных организаций: из завкома, жилуправления, из отдела культуры горсовета, горкома партии.

Вошли два человека.

— Добрый день, — поздоровался один из вошедших. Он среднего роста, плотный, брови седые.

— Небось не ждал таких пришельцев, — сказал второй.

Этого Василий узнал — секретарь горкома, встречался с ним еще на стройке. Плечистый, подтянутый, голос басистый.

— Не ждал, но, пожалуйста, проходите, — ответил Ярцев.

Пока он убирал инструменты, гости повесили свои плащи, подошли к столу.

— Будем знакомы, — сказал первый, подавая руку, и скороговоркой назвал свою фамилию, Василий не разобрал даже.

— Василий Ярцев, — ответил староста, еще не успев подавить в себе недоумение: что привело сюда секретаря горкома?

— А как по отчеству? — спросил гость.

— Сын Веденя.

— Василий Веденеевич, значит.

— Можно не величать, Василий — проще и короче.

— Одну минуточку... Я не согласен с вами, Василий Веденеевич, — возразил гость и взял в руки плашку, которую Василий хотел было сунуть в стол. — Это ваша работа?

— Не работа, а так... баловство.

— На баловство это мало похоже, — продолжал гость, вынимая из футляра очки. — Инкрустация... И

давно вы, Василий Веденеевич, занимаетесь такой работой?

— Да как вам сказать, вроде давно, но с долгими перерывами. Отец был у меня мастер-краснодеревщик. Эти инструменты достались мне от него в наследство.

— Похвально отцовскими инструментами звезду мастерить.

— Чего тут похвального? Работа по древесине теперь не в моде, другие материалы на первый план выходят.

— Я говорю о замысле, — уточнил гость.

Василий хотел было показать готовую крышку, но раздумал: разговор затянется, а по всему видать, люди приплыли сюда с другой целью.

— Могу угостить только чаем.

— На большее мы и не рассчитываем, — шутливо сказал секретарь горкома.

Электрический чайник стоял на подоконнике. Василий дотянулся до розетки, включил его, затем стал расставлять посуду на столе. Между тем гости перекинулись между собой тихими фразами. Одна из них несла в себе раздумчивое предупреждение:

— ...легче построить завод, чем предотвратить в иных обстоятельствах разрушение личности...

Василий поставил перед гостями красивые фаянсовые чашки с блюдцами — подарок Рустаму Абсолямову от родителей из Чистополя; плетеную вазу — изделие Афонии Яманова — с печеньем.

— Смотрите, да тут все по-домашнему!

— Как положено, к семейной жизни готовимся.

— Молодцы.

Запел свою песню закипающий чайник, на боках которого выгравированы сюжеты из гоголевской повести «Тарас Бульба». Гость снова надел очки.

— Это тоже ваше искусство?

— Нет, это Володя Волкорезов любит по металлу резцом пройтись.

— Волкорезов Владимир Андреевич?

— Он самый.

— Я знаю его отца. А как сын?

— Честный парень. Однажды даже хотел чужой грех на душу взять, но не вышло. — И Василий рассказал историю с потерей пяти червонцев.

— Значит, себя чуть не оболгал, — заключил гость. — Обязательно расскажу об этом академику Волкорезову.

— А может, не надо, — засомневался Василий, — сердце у него теперь того... с пробоиной.

— Вы правы, — согласился гость и, помолчав, спросил: — О себе что-нибудь расскажите, о своих мыслях, сомнениях, радостях.

— Радость ко мне скоро должна вернуться. С партийностью у меня заковыка получилась...

— Это мы знаем, — сказал секретарь горкома, — о заводе мыслями поделись.

Теперь стала ясной цель визита: перед подписанием акта члены государственной комиссии хотят знать, как и чем живут рабочие. Судя по всему, гость в очках — один из руководителей этой комиссии.

— Не знаю, с чего начать, — сознался Василий.

— С того и начинайте, что вас больше волнует, — посоветовал гость, сосредоточенный, весь — внимание. Ему нельзя отказать в принципиальности: «Говори, о чем думаешь, не ищи шаблонных заготовок с чужих слов».

— Автомобиль нашего завода, если сравнивать его с другими такого же класса, имеет много преимуществ...

— Об этом все знают, — прервали его сразу оба собеседника.

— Теплая осень — к долгой зиме, — нашедся Василий и тем насторожил гостей.

— С какой же стороны ждать холодного ветра? — спросил гость.

— С той, в какую сторону ложатся спивами и лошади и коровы на выпасах.

— Вам, Василий Веденеевич, в наблюдательности отказать нельзя.

— О такой примете нам Афоня Яманов говорил, он родился и вырос в степи. Тихий и смекалистый парень.

— Тихий и смекалистый, — повторил гость, улыбаясь. — Можно назвать еще одну степную примету: стрепеты и курошатики — степные курочки — весной ничем не пахнут, чтоб лиса и хорек не нашли их и не помешали вывести цыплят... — Гость снова улыбнулся и уже другим тоном спросил, внимательно посмотрев в глаза: — Вы — испытатель автомобилей, что вас волнует?

На заботливых людей любого масштаба Василий привык смотреть глазами отца, внушавшего ему с детства: «От беззаботных держись подальше, от них весельем пышет, а земля под ногами огнем дышит». Разве можно замыкаться, если перед тобой человек с такими же думами, как у тебя? Разговорился Василий, слово за слово — и беседа стала непринужденной и доверительной.

— Смежники лихорадят наш завод...

— Об этом высказал свои суждения и просил записать в акт генеральный директор.

— Вот и мой голос присоедините, — неожиданно вырвалось у Василия, но парень тут же смутился: «Экий владыка, на равных с генеральным директором подает свой голос». А гость одобрительно кивнул головой, записал что-то в своем блокноте.

Сию же минуту Василий вспомнил разговор с бухгалтером, который лежал с ним в больнице. Тот бухгалтер ведет начисления премий руководящим работникам

завода. Он сказал, что вот уже третий год генеральный директор не получает премиальные. Наотрез отказался, и говорить с ним на эту тему невозможно. А почему — понять надо его заботу глубже. Получит премию, а тут рекламации повалятся...

Тот разговор с бухгалтером в больнице толкнул сейчас Василия думать вслух о качестве, не боясь огорок.

— ...Если каждый рабочий не будет дорожить своим рабочим местом, — продолжал он, — если более или менее квалифицированные токари, фрезеровщики, слесари, электрики, сборщики, наладчики, регулировщики — все, кто непосредственно причастен к выпуску автомобилей, в том числе и обкатчики, не закрепятся в своем цехе до полного освоения техники и технологии производства деталей, пока не достигнем мастерства в управлении сложными механизмами, — до тех пор завод не дождется доброй славы и сбытовики не избавятся от рекламаций. И когда начнешь так говорить, находятся строгие люди, палец к губам прикладывают, дескать, молчи, кто дал тебе право пронагандировать мрачные перспективы, дурья голова? Понимать надо: нехватка рабочих рук и текучка — болезни бурного роста. Наличие болезни они признают, а лечить не собираются, вроде пусть она станет хронической, тогда найдется другая дежурная фраза оправдания — «некогда было заниматься профилактикой, упустили...»

— В правительстве, — сказал гость, — теперь уже не принимаются ссылки на болезни роста.

— Значит, где-то тут притаились шестеренки, которые дают пробуксовку. Как в автомобиле: отказала муфта сцепления, и хоть разорвись мотор от оборотов, а колеса не крутятся. К тому много причин: и выжимной подшипник, и коробка перемены передач, и карданные шлицы...

Собеседники переглянулись.

— Машину он знает хорошо, — сказал один.

— В прямом и переносном смысле, — уточнил другой.

— Эх, жаль, ребята на работе!

— Ничего, нам и втроем не скучно, и чай ароматный, да еще в таких чашках.

— Это по рецепту Рустама Абсолямова. Вот он нашел бы, что сказать. Хоть горячий парень, но справедливый.

— Значит, дружно живете?

— В обиду друг друга не даем, но спорим между собой тоже дружно...

Приглядываясь к собеседникам, Василий все больше и больше убеждался, что они умеют слушать терпеливо и внимательно. Раз так, надо высказать все, что волнует. Где и когда еще подвернется момент, чтобы откровенно, без утайки, выложить таким людям свою правду. Она своя и бескорыстная.

— Наш завод на Крутояре далеко виден, — сказал Василий. — Теперь я понял, зачем вы сюда пришли: завод строили люди, машины выпускают тоже они, о них ваша забота.

— Вы не ошиблись, — сказал гость.

Василий придвинулся вместе со стулом к шкафу, достал оттуда свернутый лист ватмана.

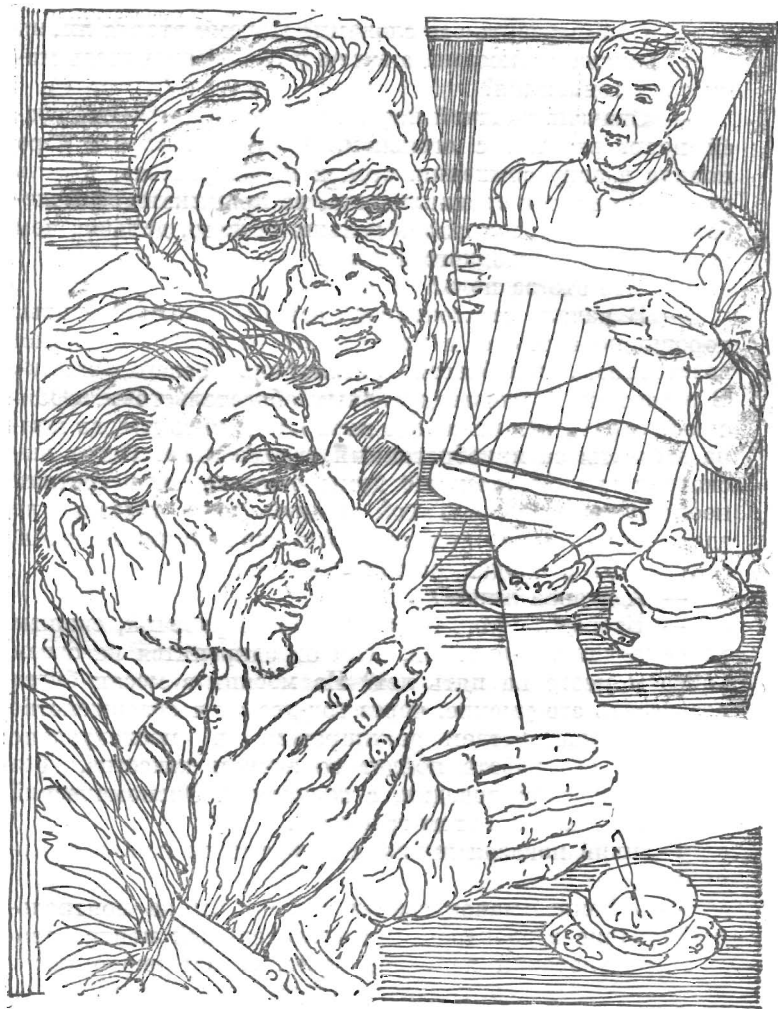
— Что это? — спросил секретарь горкома.

— Всюду говорят о пропаганде экономических знаний. Вот мы тоже подготовили экономический расчет...

— Если не секрет, покажите его.

— Пожалуйста.

Василий развернул лист со множеством формул, математических вычислений, схем, графиков. Гости долго вглядывались в него, затем, получив краткие пояснения, стали следить за ходом мысли, выраженной в цифрах и графиках двух линий. Исходным пунктом обеих линий была общая точка,

— Как выразить это словами? Почему вторая линия идет сначала с плюсами, а затем у нее обозначилась минусовая тенденция?

— Сначала рабочий парень верил в достижение своей цели, работал с огоньком, прилежно. Потом вера попала в зону сомнения, огонек начал угасать, и **хоть** парень приобрел специальность, но прилежание заколебалось, цель отодвинулась дальше от него, дальше, чем он видел ее с исходного пункта.

— Что это за цель?

— В начале строительства все мы таили надежды: хорошо поработаем, и перед нами откроется реальная возможность приобрести автомобиль своего завода. В рассрочку по индивидуальным обязательствам: «Обязуюсь отработать на заводе пять или десять лет, до конца выплаты за приобретенный автомобиль». Когда высказали эти сокровенные думы открыто, то встретили неопределенность: «Такой вопрос надо решать не здесь», — затем сто условностей и столько же оговорок. И началась разрядка, вошли минусы...

— А вторая линия?

— Вторая... Что дает заводу один рабочий, скажем регулировщик сцепления, если он закрепится на своем рабочем месте на пять лет? Из месяца в месяц будет возрастать его умение, через год-два он в совершенстве овладеет мастерством регулировки, в последующие три года его работа пойдет со знаком качества, без внутривзаводской доводки, с гарантией. Экономический эффект выражен в этом графике...

Василий показал линию с цифрами по каждому месяцу.

— Афоня Яманов сдавал эти цифры на контрольный анализ в электронно-вычислительный центр завода. Противоречий не обнаружено. А вот экономистов убедить оказалось труднее. Никто не хочет взять на себя ответственность сказать «да» или «нет»...

Василий был уверен, что ему удалось убедить собеседников — каким путем должно расти качество автомобилей. Вроде электроника оказала ему неоценимую услугу. Ведь теперь везде полагаются на электронные «мозги». Но не тут-то было. Последовали вопросы:

— А что скажут по этому поводу на других заводах, а также хлебоборы и животноводы страны?

— Почему одним привилегия — автомобиль в расрочку, другим — за наличные и жди свою очередь?

Поиск ответов на эти вопросы как бы приподнимал Василия Ярцева над самим собой. В самом деле, получился просчет — «гребу под себя» — позор!.. Надо признаться, что смотрел на дело повышения качества крутоярских автомобилей в узкую щель материальных интересов. Расти не только «вглубь, но и вширь»..

Кажется, именно это признание и хотели услышать от него собеседники. Но теперь ему надо было как-то оправдать друзей — авторов этого графика. Он готов был доказывать, какие они честные и заботливые, но в этот момент хлопнула дверь.

— Остынь, Василий, остынь. Разговорился, молчун, не остановишь.

Это Федор Федорович. Гости будто обрадовались его появлению. Вот ведь как бывает: один против двух — и не сдается. Такие пошли нынче парни от станков. Не потому ли закоренелые администраторы предпочитают отсиживаться в кабинетах или говорить с рабочими только с трибуны?

— Ну, как? — спросил Федор Федорович.

— Закругляемся, Федор, закругляемся, — ответил гость.

— Генеральный директор дважды звонил, волнуется.

— Можешь передать, тут досталось не только ему.

— Вижу, потому и пришел на подмогу, — сказал Федор Федорович, подмигнув Ярцеву: дескать, не робей,

этого человека я знаю не первый год, он поймет тебя правильно».

Когда гости ушли, Ярцев попытался снова взяться за стамеску, однако ощутил дрожь в руках. С чего бы это? Неужели высказал что-то опрометчиво? Надо подумать. Главное, горячности не допустил: Федор Федорович вовремя подоспел. Волнение кончилось после того, как пошел разговор на равных. В натуре-то такие люди, оказывается, доступнее. Намекни на это ребятам — не поверят или скажут: «Так должно быть». Впрочем, суть не в том, как было и как должно быть, а в понимании, что к чему ведет.

Один за другим стали возвращаться ребята. Переглядываются, шутят, делают вид, будто ничего не знают о визите секретаря горкома и высокого гостя.

— Хитрить не умеете, друзья, — засмеялся Василий. — Садитесь, поговорить нужно...

До позднего вечера затянулся разговор. Не сразу услышали ребята стук в дверь.

— Вот на огонек зашел. — В дверях стоял Федор Федорович. — Я к тебе, Василий. Послезавтра бюро горкома, — сказал он. — Вместе с тобой приглашают и меня. Говорят, в твоём деле накопилось несколько тетрадей. Посмотрим...

2

Простучав костылем по ступенькам лестницы до второго этажа горкома партии, Ярцев прислонился затылком к стене вестибюля. В голове гудело и звенело так, словно в нее переместился пчелиный улей, встревоженный переменной погодой или борьбой с трутнями. Нет, это горком наполнен таким гудением. Прислонись еще ухом к стенке и услышишь десятки телефонных звонков, говор людей и треск пишущих машинок. Сюда со всего города стекается много дум и забот людских.

В коридоре второго этажа шумно. Только что закончилось какое-то совещание. Люди, толпясь перед приемной и кабинетами, еще продолжают выговариваться, доказывать друг другу то, что не удалось высказать и доказать в ходе совещания. Кто-то разбудил интерес к теме о моральных резервах человека. Небось Федор Федорович. Он чуть свет убежал в горком с охапкой журналов и газет. Вчера целый вечер озадачивал ребят вроде простыми вопросами, но попробуй ответить на них сходу. Скажем: когда теряет силу моральный заряд? Чем подкрепляется утверждение веры человека в свои силы?.. В этих вопросах угадывается и ответ, но как и какими каналами надо идти к душе человека, чтоб восстановить энергию иссякающего в нем морального заряда, — дело сложное. Сложное потому, что нет на свете такого измерителя. Есть только постоянное требование — каждый человек нуждается в доверии. Без доверия и откровенности жить нельзя — душа пустеет, и руки опускаются. Все знают об этом, но не все считаются с такой особенностью человеческой природы. Соревнуемся, берем обязательства искать и открывать неиспользованные резервы транспорта, техники. Говорим об экономии материальных ресурсов, а тех, от кого это зависит в первую очередь, если не забываем, то порой оставляем незамеченными. Негоже планировать большой сбор нектара, если у пчел крылья на износе и детка еще не окрылилась...

Так раскрывал вчера в общежитии свои думы Федор Федорович. Он хорошо знает пчеловодство и при разговорах о жизни людей любит подкреплять свои доводы примерами из личных наблюдений за пчелами, за пчелиными семьями.

Сегодня и здесь, в горкоме, речь идет об этом же. И слова, и целые фразы вроде перекинулись сюда из общежития. Все взволнованы и не могут утихомирить-

ся. Весь коридор гудит разговорами о моральных резервах.

Федора Федоровича не видно. Он, вероятно, задержался в каком-то кабинете, хотя предупредил, что перед началом заседания бюро будет в приемной первого секретаря. Однако причем тут Федор Федорович? Видно, время продиктовало партийным работникам заботы о моральных резервах.

Прислушиваясь к людскому говору, Василий медленно продвигался к приемной. Толпившиеся в коридоре люди, поглощенные разговором, не обращали внимания на человека с костылем, поэтому Василию пришлось кого-то тронуть за плечо, кого-то просто попросить посторониться. Неожиданно над всеми возвысилась голова и плечи Шатунова. Он, как волнорез, грудью прокладывая себе путь, перекрывая общий шум зычностью голоса.

— Голову надо иметь на плечах, а не вилок капусты! Голову... — отчитывал он кого-то на ходу. Жемчугова с ним не было. Отшатнулся тот от него, и, кажется, навсегда. Но Шатунов и в одиночестве не терял веру в себя, в свои силы. Не отступишь перед ним — стопчет.

— А ты что тут с костылем? — спросил он, наткнувшись на Василия Ярцева.

— Вот вызвали на бюро...

— Показуха... В страдальца играешь?

Василий промолчал. Приглож и говор в коридоре. Здесь только что толковали о моральных резервах в человеке, и вот — нате вам — всади́л ржавый гвоздь в самое темя, хоть не дыши. Люди смолкли от стыда за Шатунова, а он поднял голову еще выше...

Постепенно в коридоре установилась тишина. Василий заглянул в приемную. Федора Федоровича там еще не было. Решил подождать, присел на стул против открытых дверей.

Минут за пять до начала заседания бюро горкома появился генеральный директор автозавода.

— Здравствуйте, — сказал он тихо и, чуть сутулясь, прошел в приемную к столу, чтоб сделать отметку о своем прибытии, затем остановился возле большого шкафа. Похоже, его угнетал высокий рост, и поэтому он старался встать в сторонке.

Кто-то из сотрудников горкома предложил ему стул, но он, взглянув на свои часы, пожал плечами: дескать, некогда сидеть, пора начинать. И в эту же минуту распахнулась дверь кабинета первого секретаря.

— Прошу, заходите, товарищи, — послышался оттуда басовитый голос.

Приемная быстро опустела. Последним в кабинет секретаря горкома вошел генеральный директор.

— По своим часам живет, — заметил вслух Василий Ярцев, входя в приемную. Следом вошел Федор Федорович.

— Экономный, — односложно отозвался сидящий за столом инструктор горкома, в обязанности которого на этот раз входило следить за порядком в приемной и отвечать на звонки.

— Я по делу Ярцева, моя фамилия Ковалев, — представился ему Федор Федорович.

— А где сам Ярцев? — спросил инструктор.

— Вот он, перед вами, с костылем.

— С костылем, а пришел раньше на целый час.

— Боялся опоздать, — объяснил Василий.

— Пройдите в комнату ожидания, через часик вызову, — предложил инструктор, поглядывая на двери кабинета первого секретаря. Там уже началось заседание, и в приемной должен быть порядок, без лишних разговоров.

Кабинет инструкторов орготдела в часы заседаний бюро горкома называли комнатой ожидания. Там стояли три стола с телефонами, перед каждым кресло и

несколько стульев по бокам. Когда сюда вошли Федор Федорович и Василий Ярцев, свободных мест уже не было. Орготдел вообще пустым не бывает. Ярцеву уступили место в кресле за передним столом. Рядом примостился Федор Федорович.

Телефонные звонки, запросы, ответы, шелест развернутых газет, перекидка фразами из угла в угол... Какое-то время Василий не мог уловить суть разговоров. Мысленно он уже в который раз видел перед собой членов бюро горкома, вставал перед ними, отвечал на вопросы, давал объяснения, старался доказать: «Не лишний я в партии, не лишний». И тут опять показался Шатунов. Он заглянул в дверь и скрылся. Опоздал к началу заседания бюро или просто решил еще раз показать себя: «Вот я какой, никогда не унываю».

Теперь Василий слышал только громкий стук учащенного пульса в висках. Вспомнились слова Шатунова: «Показуха... в страдальца играешь». И сердцу стало тесно в груди. Так и хотелось разломить костыль на большой ноге, чтоб болью заглушить тревожные думы.

«Возьми себя в руки, Василий, возьми», — уговаривал он себя, поскрипывая зубами.

На плечо легла рука Федора Федоровича:

— Не превращай зубы в песок... Шатунов не знает, куда метнуться: генеральный прочитал все тетради по твоему делу.

Василий не поверил своим ушам. Кому пришло в голову дать какие-то тетради на чтение генеральному директору? У него вон какая махина забот. Каждая минута на счету. По нему горожане уже сверяют свои часы каждое утро. Появился он на площади перед управлением завода — переводит стрелки: без пяти восемь. Управлять таким заводом вразвалку равнозначно отказу от веры в завтрашний день. Туда надо входить

подготовленным, без потери времени, отпущенного на сегодня. Разгильдяям там нечего делать...

Тут же Василий уличил себя в подражательстве: каждый раз садился за руль подготовленной к испытанию машины точно по графику, минута в минуту, и разглядывал дефекты вроде не своими глазами, будто у него появлялось какое-то второе зрение — не свое, не материнское, а чужое. Чужое ли? Нет, оно такое же чужое, как собственная голова на плечах...

Постой, погоди, Василий, ты, кажется, уже собрался смотреть на жизнь глазами генерального директора. Еще шаг, другой — и найдешь в нем что-то родственное, начнешь напрашиваться в сыновья. Отцы умеют защищать сыновей, но тут тебя ждет разочарование. Вспомни, ведь ты знаешь, как он строг к своему родному сыну.

...Приехал на завод молодой специалист, только окончивший электротехнический институт. Приехал с направлением Министерства высшего образования, но без диплома. По существующим тогда правилам диплом он мог получить лишь после года работы на том предприятии, куда направлен. Приходит парень в отдел кадров, затем к начальнику электротехнического цеха. Там смотрят — сын генерального директора! И назначили его на инженерную должность. Затем решили позвонить отцу: так-то и так, инженером будет работать ваш сын. А тот чуть телефон не разнес:

— Кто вам дал право принимать на такой завод человека на инженерную должность без диплома?! Я накажу вас! Сын должен год работать рядовым электриком или слесарем. До свидания...

Прошел год. Сын получил диплом, и только тогда отец разрешил перевести его на инженерную должность.

Вот и прикинь, Василий Ярцев, как тебе достанется от него сегодня на бюро горкома. Единственному сыну

поблажки не дает, а таких ярцевых у него на заводе тысячи.

— Кто все-таки навязал ему тетради? — спросил Василий, повернувшись к Федору Федоровичу.

— Никто не навязывал, он сам попросил у секретаря горкома. Думаешь, завод входит в ритм, так теперь ему все побоку?

— Не думаю, — качнул головой Василий.

— Тогда прислушайся, о чем тут идет речь.

— ...Критика, она, брат, тоже потребность здорового коллектива. Раз человек сделал критические замечания, значит, его заботит общее дело. Но если его повторное выступление осталось без внимания, то соседи по работе окончательно замкнутся: молчи больше, за умного сойдешь.

— ...Человеку трудно быть в коллективе незамеченным. Он старается проявить свои способности, а его не замечают... Вот вам еще один канал к моральным запасам...

Василий придвинулся ближе к Федору Федоровичу и собрался спросить шутя, чтоб отвлечься от грустных мыслей, навеянных встречей с Шатуновым: «Это крылья или уже нектар?» — но к столу подошел один из собеседников и до боли тоскливым голосом заговорил:

— Вот мне всю жизнь твердят: должен, должен... И никак не могу дожидаться, когда скажут: ты уже исполнил свой долг на Магнитке, на фронтах Отечественной войны, на стройке гидростанции и автозавода, но и сегодня твой ум, твои руки, твой опыт нужны коллективу, ты нужен нам... После таких слов — я нужен! — и на старости лет помолодею, окрылюсь на любое дело...

Федор Федорович нахмурил брови, к уголкам глаз сбежались такие глубокие морщинки, что казалось, именно в эту минуту он постарел лет на тридцать. Да,

и ему вроде не удалось испытать такого счастья — услышать: ты нужен нам, Федор Федорович, нужен такой, какой есть! Тоже ведь постоянно напоминают — должен, должен... И все же не за себя он сейчас переживал. Он думал, как ответить этому товарищу...

Раздумья прервал инструктор горкома:

— Ярцев и Ковалев, слушается ваш вопрос, входите.

— Пошли, — вставая, сказал Федор Федорович.

3

На площади перед горкомом зябли друзья Ярцева — Афоня Яманов, Волюдя Волкорезов, Рустам Абсолямов, Витя Кубанец, Ирина Николаева и еще четверо ребят — соседей по общежитию. Они могли бы укрыться от сквозняка за оградой строящегося Дворца культуры, но никто не мог оторвать глаз от окон ярко освещенного кабинета на втором этаже горкома. Стояли и смотрели, как замороженные. Если бы кто-то один тронулся с места или пожаловался на холод, того тут же ждал приговор — казнить презрением. Всем казалось, что именно в этот час Василий Ярцев стоит перед членами бюро, забыв про боль в ноге, — его характер они хорошо знали, — значит, никто не должен уходить. Выстоять и тем доказать, что его судьба далеко не безразлична для каждого из них...

Стоят полчаса, час... Следят за движением теней на занавесках окон. Изредка занавески покачиваются; кто-то входит в кабинет или уходит. Перед средним окном надолго застыла тень человека. Стоит как вкопанный, без единого жеста. Неужели так долго заставили стоять Василия? Нет, это кто-то высокий, чуть сутуловатый. Рядом с ним выросла тень какого-то подвижного человека. Потом вдоль всех окон прошла

широкая тень. Еще минута, и на занавеске среднего окна четко вырисовалось очертание костыля, поднятого над головой.

— С ума сошел! — вырвалось у Ирины. Ей показалось, что Василий пустил в ход костыль. Метнулась к подъезду.

— погоди, Ирина, — остановил ее Афоня Яманов. — Это он от радости вскинул костыль. Ведь видела: он подходил к секретарю горкома, наверняка за партбилетом подходил. Как тут не вскинуть костыль!..

Приехал сюда, на площадь перед горкомом, и Григорий Павлович Черноус. Приехал на автобусе еще полчаса назад, остановился за спинами ребят и тоже следит за окнами кабинета первого секретаря горкома.

— А зачем же их еще задержали там? — не могла успокоиться Ирина.

— Подождем немного, по дороге расспросим, — ответил ей Григорий Павлович.

Прошло еще полчаса. Наконец Василий и Федор Федорович показали на ступеньках крыльца. Ребята бросились к ним. Григорий Павлович подогнал автобус к подъезду.

— Садитесь, поехали!

— Нет, стоп! — Василий протестующе взмахнул костылем. — Пойдем пешком. Так, Федор Федорович, или не так? На одной ноге допрыгаю, попробуйте обогнать.

— Тебя и меня сегодня никто не обгонит. Однако до Крутояра добрых пятнадцать километров.

Несколько минут ехали молча, не зная, с чего начать разговор. Вроде бы и так все ясно.

Ирина выбрала место за спиной Василия, рядом с Федором Федоровичем.

— Почему так долго держали вас? — спросила она тихо, но так, чтобы услышал Василий.

Тот с улыбкой обернулся:

— Тебя заморозить хотели.

— Ну что ты, Василий? — подхватил Рустам Абсолямов. — Как мы могли замерзнуть, когда тебе жарко было.

Василий, посерьезнев, задумался. Как рассказать друзьям о том, что было там, в кабинете первого секретаря горкома, что он пережил, если еще ничего как следует не улеглось в голове? Ведь ему действительно довелось сегодня увидеть Федора Федоровича глубоким стариком, затем вдруг помолодевшим и бодрым, каким, вероятно, тот был сорок лет назад — в первый год своей жизни в рядах партии коммунистов... Как передать тревогу и озабоченность генерального директора, когда он слушал выводы партийной комиссии горкома? Таким его никто не видел даже в самые напряженные дни наладки и пуска конвейерных линий завода. О чем он говорил, Василий не решится пересказывать, — это будет выглядеть бахвальством, но мысль о том, что нельзя разрушать в человеке веру в свои силы и способности, веру в цели и идеалы заводского коллектива, надо непременно напомнить. И секретарь горкома поддержал генерального директора. Он даже подчеркнул, что плотины и заводы мы научились возводить и поднимать быстро и хорошо, а человека?.. Нам никто не разрешит забывать об этом. Время диктует такие требования.

— Вот что, друзья, — помолчав, сказал Василий. — Сегодня у нас радостный и немножко грустный день. Радостный — сами понимаете почему, а грустный... Федора Федоровича отзывают из нашего общежития. Завтра открывается целый комплекс на три тысячи мест, с комбинатом бытового обслуживания, с библиотекой и залами для технической учебы и массовой работы. Туда нужен такой наставник. Генеральный директор так и подчеркнул: там нужен коммунист Кова-

лев Федор Федорович. И секретарь горкома и члены бюро согласились с этим предложением.

— А сам Федор Федорович согласен? — спросил Володя Волкорезов.

— Это несправедливо! — возмутился Рустам Абсоямов.

— А мы как же? Федор Федорович, не соглашайтесь! — взмолился Афоня Яманов. — Или берите нас с собой...

Впереди замаячили белокаменные корпуса Крутояра. Федор Федорович попросил остановить автобус, прошел вперед к кабине и, повернувшись ко всем, сказал:

— Спасибо, друзья, спасибо. — Глаза его заискрились, вот-вот слезы радости покажутся. — Теперь я согласен пройтись с вами по Крутояру пешком. Поговорить надо.

— А как же Василий?

— Он сейчас окрылен. Только смотрите, чтоб костыль не забросил и гипс не размолотил.

Василий вышел из автобуса первым, набрал полную грудь воздуха, гулко передохнул и размашисто зашагал вперед. Только бы не поскользнуться, только бы не брызнула кровь из прикушенных губ... Если бы тут встретился лицом к лицу Шатунов, что бы он сказал? Вот как надо играть в страдальца!..

Теперь Василий ясно ощутил: в нем что-то перевернулось. Перевернулось круто, с какими-то еще неизвестными импульсами в сознании, как в момент переполюсовки генератора автомобиля, когда стрелка амперметра лихорадочно мотается между плюсом и минусом. Что она показывает — зарядку или разрядку — не поймешь. В таком случае открывай капот и, не оттапливая двигателя, проверяй клеммы, которые искрят на массу — минусуют, и закрепляй контакты на подзарядку.

До сих пор ему казалось, что он жил и работал, как все сверстники. И приехал сюда, на Крутояр, чтобы не отстать от жизни, не оказаться на обочине, в стороне от магистральной дороги молодежи в новейшую технику. Ему нужны были знания, его тянула сюда романтика стройки. Здесь он испытывал себя, свои способности одолевая трудности ради самоутверждения в жизни. По своей воле, по своему разумению выбрал себе друзей. Порой у него под ногами качалась земля, весь Крутояр. Были сомнения, промахи, колебания. Однако, переосмыслив прошлое и уловив главную линию сегодняшнего разговора в горьком партии, где было четко сказано — ты не лишний, а это значит — нужный человек в партии, — он понял, что пришла пора искать и открывать в себе то, что не успел открыть раньше. Ведь ты нужен друзьям, коллективу завода. Член партии не имеет права топтаться на месте. Не жди осуждений со стороны, иначе убьешь веру в свою совесть.

4

— Отец вчера внимательно наблюдал за тобой, — сказала Ирина.

— Где? — спросил Василий.

— Понравилось ему, как ты выступал на партийном активе. Заботливый, говорит, и смелый парень, Президиуму, оказывается, больше всех досталось от тебя, а он тоже там сидел.

— А я благодарен твоему отцу за выступление на бюро горкома и... за тебя. Ты же молодец — диплом защитила!

— Не перехвали... Хваленые быстро портятся.

— Дальше портиться некуда, если оказалась под моей рукой вместо костыля.

— Василий...

На глаза Ирины навернулись слезы. Ей было и радостно, и обидно. Радостно, что Василий Ярцев остался таким, каким она встретила его в Переволоках, обидно, что он еще не верит ей.

Они остановились на самом гребне Крутояра. Отсюда видно и море, и Жигулевские горы, и завод, и белокаменный город. Слышно, как рокочат волны — «ух-ходи», но берег не качается, не вздрагивает. Перед кручей поднялась стена из стальных шпунтов.

Вдоль набережной, по свежему асфальту пронеслась целая кавалькада удивительно быстроходных автомобилей, покрашенных в разные цвета, — живая радуга на асфальте. Это испытатели обкатывают новую модель машины, которой дали красивое имя — «Лада»! Нет, не обкатывают, а устроили парадный выезд. В честь кого? Вот они развернулись, одновременно дали несколько прерывистых сигналов приветствия. Подрулили к самому гребню Крутояра и остановились.

— Смотри, смотри! — вдруг обрадованно воскликнул Василий. — Стрижи на отвесном обрыве гнездиться собираются...

— Твоя правда, — послышался за спиной голос Федора Федоровича, — на зыбком берегу их не прилепнешь, знают, где надо вить гнезда.

Оглавление

<i>Николай Родичев. Иван Падерин</i>	5
<i>Глава первая. Федор Федорович</i>	8
<i>Глава вторая. Василий Ярцев (По материалам первой тетради)</i>	24
<i>Глава третья. Они умели дружить так... (По содержанию второй тетради)</i>	59
<i>Глава четвертая. Виктор Кубанец и Полина (По выпискам из третьей тетради)</i>	90
<i>Глава пятая. Ирина Николаева (По заметкам из четвертой тетради)</i>	104
<i>Глава шестая. Самоконтроль (По материалам пятой тетради)</i>	123
<i>Глава седьмая. Володя Волкорезов (По выпискам из шестой тетради)</i>	139
<i>Глава восьмая. Разговор с памятью (По тексту седьмой тетради)</i>	153
<i>Глава девятая. Рустам Абсолямов (По восьмой тетради)</i>	170
<i>Глава десятая. Думы о качестве (Из записей в девятой тетради)</i>	185
<i>Глава одиннадцатая. «Невозмутимость» (Приложение к девятой тетради)</i>	202
<i>Глава двенадцатая. Чего не понял Шатунов?</i>	219
<i>Глава тринадцатая. На гребне Крутояра</i>	232

Падерин Иван Григорьевич

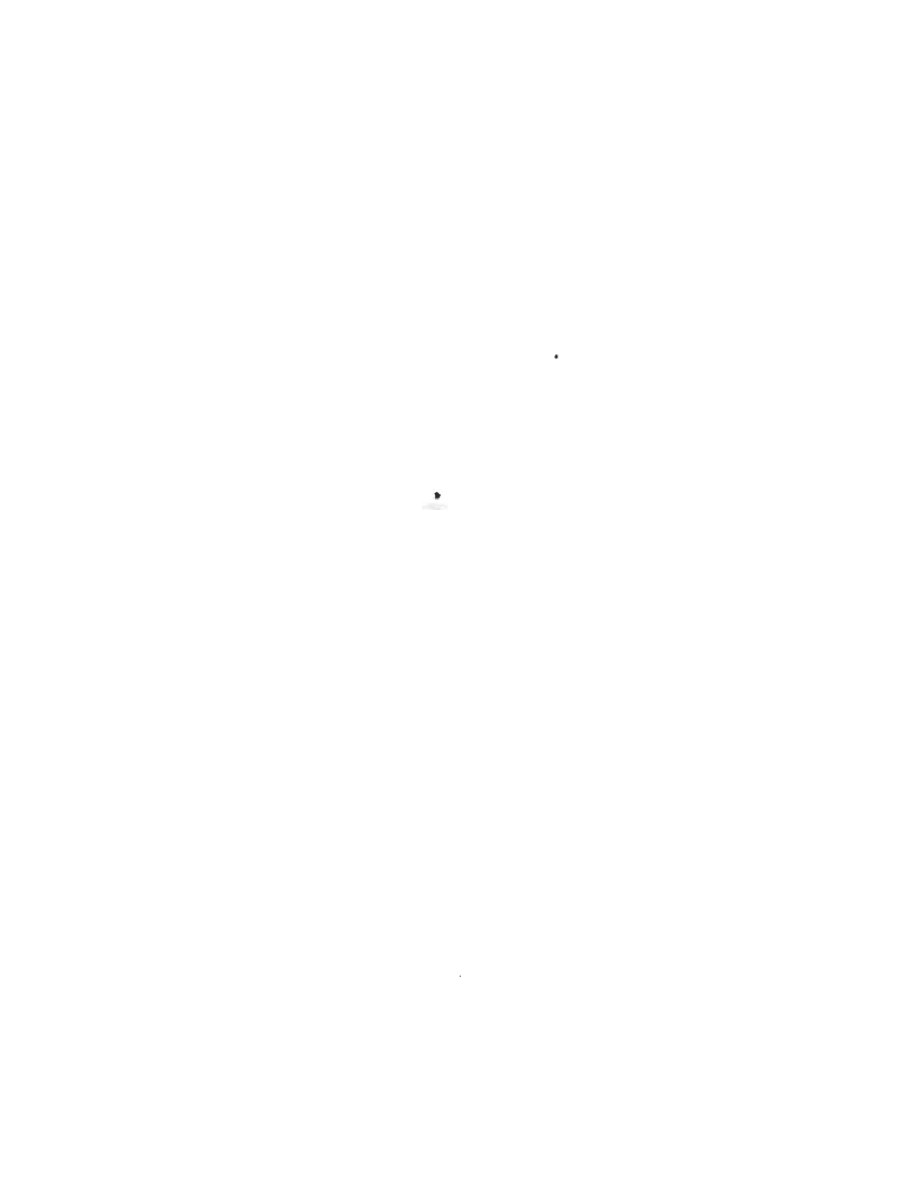
НА КРУТОЯРЕ

Редактор И. К. Назарова
Художник А. Т. Яковлев
Художественный редактор А. П. Ерасов
Технический редактор Л. Н. Лялина

Сдано в набор 16/IX 1975 г. Подп. в печать
26/1 1976 г. А09719. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага
тип. № 1. Усл. печ. л. 11,20. Уч.-изд. л. 11,33.
Тираж 100 000 экз. Заказ 658. Цена 57 коп.

Издательство ВЦСПС Профиздат, Москва,
ул. Кирова, 13.

1-я типография Профиздата, Москва,
Крутицкий вал, 18.

58.

Цена 57 коп.

ПРОФИЗДАТ
1976